

Дмитрий Скирюк

ДРАЖКО НОВЫЕ СНЫ

Узор перемен пронизывает
канву реальности.

Осенний Лис

Дмитрий Скирюк

Драконовы сны

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Скирюк Д. И.

Драконовы сны / Д. И. Скирюк — «Эксмо», 2019 — (Осенний Лис)

ISBN 978-5-04-104917-1

Есть город возле моря, где сходятся дороги. Есть мальчик и его ручной дракон. Есть старые друзья и новые враги. И есть ещё странная игра, которая способна завязать узлом судьбу любого, кто окажется поблизости. И ничего не остаётся, кроме как признать, что тем, кто жаждет мира и покоя, всегда назначено Судьбой жить в «интересные времена». Причудливый, философский, грустный и насмешливый одновременно, второй роман о травнике Жуге, знакомом по книге «Осенний лис», завораживает своим отточенным слогом, мягким юмором и чередой узнаваемых образов. Не заигрывая, не глядя свысока, автор уведёт вас на край земли, а после приведёт обратно (если захотите). Каков он, мир в преддверии перемен?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104917-1

© Скирюк Д. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Город на холме	6
Уж и гадюка	7
Старьёвщик Рудольф	21
Соломенный лис	42
Три сестры	61
Что-то не так	71
Драконов Ключ	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дмитрий Скирюк

Драконовы сны

© Скирюк Д. И., 2019

© Оформление. «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Всякое сходство героев романа с реальными людьми преднамеренное и не случайное.

Город на холме

«Это происходит само по себе, и я не знаю почему – судьба».

Пловец

Белый город плыл в туманном море, словно призрачный огромный сказочный корабль, белый остров в океане снов. Стены, угловые башни, черепица крыш, флажки и флюгера на острых шпилях розовели в лучах ещё не видимого солнца. Было тихо и прохладно. Город спал.

Путник, взгляду которого открылась эта картина, остановился на вершине холма, поправил мешок за плечами и долго стоял, задумчиво жуя травинку и глядя, как всплывают из туманного небытия белёсый камень стен и зеркальная гладь реки. За дальними башнями крестили небо верхушки корабельных мачт.

– Почему бы и нет? – проговорил странник и взъерошил волосы рукой.

Тишина была такая, что скрип несмазанных колёс прозвучал едва ли не кощунственно. Странник опустил взгляд – проступившие сквозь туман очертания телеги были неясными, но вполне различимыми. Левое заднее колесо её вихлялось восьмёркой, производя этот самый колодезный скрип. Возница клевал носом, соответственно и лошадь не спешила. Телега была пуста – крестьянин, продавший товар, налегке возвращался домой.

– Почтенный, – окликнул его странник, – а, почтенный!

Возница вскинулся спросонья, машинально пощупал, на месте ли кошель, и насторожённо покосился на незнакомца. Огляделся по сторонам. Туман был густ, но людей поблизости не было, и спрятаться им было негде. На разбойника парень не походил. Да и разве станет разбойник кого-нибудь почтенным величать? В глубине души крестьянин был польщён – почтенным его называли нечасто.

Он придержал коня.

– Ну, чего? – мотнул бородой. – Чего надуть-то?

В глазах его клубилась сизая похмельная муть.

– Путь добрый, – кивнул странник. – Как называется этот город?

– Энтот? – обернулся возчик, словно городов там было несколько. – Лисс.

– Как?! – странник вскинул голову. Соломинка слетела с его губ. – Как, ты сказал?

Крестьянин аж подпрыгнул. Лошадь дёрнулась и заплясала, звякая сбруей.

– Тпр-ру-у! – он потянул за вожжи. – Чё орёшь-то? Бешеный... Лисс, я сказал! Стало быть, Лисс он и прозывается... Ну-ка, дай проехать.

Путник молча отступил на обочину, и телега покатила дальше, подпрыгивая на камнях и безбожно скрипя. Проводив её взглядом, странник снова повернулся к городу. Как раз в этот момент край солнечного диска показался над лесом. Белый город на далёком холме мгновенно окрасился розовым. Туман распался на клочки, осел в траву, исчез.

Странник прищурился, потёр небритый подбородок, присел и сорвал свежую былинку. Усмехнулся своим мыслям.

– Лисс, значит... В самом деле, – пробормотал он, не то повторяя свой вопрос, не то отвечая на него, – почему бы не здесь?

Уж и гадюка

«Завишу ли я от чешуи змеи, от крыла кузнечика?»

Тень

– Пустите! Ай!!!

Зажатое меж узловатых пальцев стражника ребячье ухо закрутилось в винт и даже, кажется, немного хрустнуло. Телли взвыл и завертелся, словно уж под сапогом.

– Пусти, зараза! Больно же...

– А с'час ещё больнее будет! – рывкнул на это стражник и обернулся на шум: – Сорока, мать твою! Где ты там?! Хватай паскуду!

Что-то рухнуло с телеги, брызгами взлетели черепки разбитого горшка, завизжала баба на возу, добавляя шуму в общий переполох. Ближайшая к воротам лошадь заржала, взвилась на дыбы, ударила копытами, взметая пыль. Дышло телеги лопнуло с громким треском, возчик отчаянно выругался и бросился вперёд, хватая поводья. Не ухватил, упал и вдруг попятился на четвереньках, раскорякой, разинув рот и выпучив глаза.

– Матерь Божья! – взвизгнул он, вскочил и бросился бежать.

Из-под повозки выскользнуло что-то маленькое и зелёное и вприпрыжку понеслось к воротам. Следом, растопырив руки и нелепо приседая, бежал Сорока – коренастый кривоногий бородач лет тридцати пяти, с огромным красным носом, загнутым крючком. Случайный прохожий шарахнулся прочь и спешно прижался к стене. И было отчего!

Сорока гнал дракона.

Точнее, не дракона, а дракончика. Тот был зелёный, желтопузый, трёх с небольшим локтей длины от носа до хвоста и походил бы на большую ящерицу, когда б не маленькие крылья на спине, которые, впрочем, больше мешали ему, чем помогали.

– Закрывай! Клаас, закрывай! Ах, чтоб тебя!..

У самых ворот тварь притормозила, развернулась и галопом припустила вдоль телег, расшвыривая песок и конские яблоки. Сорока поскользнулся и шлёпнулся в пыль.

– Чего ты возишься?!

– Да не поймать никак! – пропыхтел Сорока, вставая и отряхиваясь. – Уж больно вёрткий, зараза...

– Ульриха позови, чтоб тебя...

– Не троньте его! Рик, беги... ой-ёй!

Боль была ужасной. Телли стиснул зубы и проклял час, в который он решил довести двух стражников до белого каления, увлёкся и пропустил момент, когда Рик, вторую неделю сидевший не жрамши, упёр из караулки баранью ногу, чуть не схлопотал алебардой по башке, выронил добычу и пустился наутёк, сея панику среди крестьян и возчиков. Телли бросился на помощь... и сам увяз.

По самые уши.

А с ухом и впрямь дело было худо – пальцы стражника напоминали твёрдостью олений рог. Телли уже и не пытался протестовать, лишь вяло трепыхался и повизгивал.

Дракончик тем временем выглянул из-за горы мешков с просом, растревоженный происходящим, присвистнул, растопырил крылья и... ринулся в атаку. С налёту тяпнул Клааса за икру, ещё раз – пониже спины и отскочил, прежде чем тот успел огреть его сапогом.

– Ах ты!..

Мальчишечьего уха стражник всё-таки не выпустил. Дракончик выгнул шею и подобрался для повторного броска.

И в этот миг Сорока ухватил его за хвост!

Пыль взметнулась столбом. Телли взвыл, бессильный что-либо предпринять. Зеваки попрыгали с телег и теперь наседали друг на дружку, силясь разглядеть происходящее, а на помощь первому стражнику уже спешил второй, высокий и худой как щепка – видимо, тот самый Ульрих, за которым посылали. «Подминай, подминай его!» – шумели вокруг. Наконец Сорока встал, держа гадёныша за шею и за хвост. Дракончик извивался и шипел, раздувая бока, когти его бессильно царапали толстую кожу нагрудника.

– Куд... куды его? – пропыхтел Сорока.

– В караулку, – Клаас мотнул головой. Потянул пленника за ухо. – Шагай, чтоб тебя. Ну! Телли волей-неволей пришлось идти следом.

«Знаем мы таких, – мрачно размышлял Клаас, потирая укушенную задницу. – Как паковать, так первые, а как споймаешь их, так безобиднее ужей...»

Ульрих зашёл Клаасу в тыл и присвистнул.

– Эва! – он поскрёб под суконной шапочкой. – Ну ты скажи, какой гадёныш – всю говядину тебе прокусил! Слышь, Клаас, а он, часом, не того... не ядовитый, а?

– Ты эта... думай, что плетёшь! – внутренне холодея, рывкнул Клаас. – Он тута уж которую неделю ошивается, нешто с ядовитой гадиной его кто в город бы пустил? – он прислушался к своим ощущениям и уже увереннее заявил: – Не, нету яду.

– Точно, точно, – поддержал его Сорока, на всякий случай отстраняя от себя вертлявую драконью башку. – Откудова в ём яду взяться? Дракон ведь, он ведь кто? Большушша яшшерца и всё! А у яшшерца яду нету, энто каждому известно...

Приободрившись, Клаас с новой силой дёрнул парня за ухо и зашагал дальше.

«Чёрт, ну и денёк!»

– Эй, уважаемый, – окликнули вдруг его сзади.

Стражник обернулся и с неудовольствием смерил взглядом подошедшего. Нахмурился.

– Куды прёшь! – рывкнул он. – В очередь, курвин сын!

– Полегче, почтенный, – тот даже бровью не повёл. – Полегче. Скажи лучше, ворота городские здесь?

– Здесь, коль не видишь, – пробурчал Клаас.

– Видеть-то вижу, – усмехнулся тот, – да пройти не удаётся: всё толкотня да беготня...

А вы мальчонку, стало быть, поймали?

– Ну, поймали.

– В караулку, стало быть, ведёшь?

– Ну, веду.

Прохожий пригладил пятернёй взъерошенные волосы.

– А за что?

– А тебе что за дело? – бросил стражник вроде безразлично, но его выцветшие, с жилкой лопнувших сосудов глаза тревожно шарили по угловатой фигуре рыжего пришельца («Где? Где? Где?»), отыскивая меч.

Меча не было.

Был нож за поясом. Был чёрный, в тоненьких прожилках посох. Была котомка за плечами, башмаки, одежда...

Не было меча.

И в то же время Клаас почему-то был уверен, что пришелец вооружён. Уж больно нагло, вольно он держался для простолюдина – не лебезил, от окрика не бегал, взятку тоже, вроде бы, совать не собирался. Патлатый, рыжий. Шрамы на виске и на руке. Штаны, рубашка, башмаки, заплатка на локте... Не рыцарь, нет. И всяко не наёмник. Но эта поза – стойка, руки, голова, нога, согнутая в колене, – сейчас метнётся вбок и... (Есть, есть у него оружие!). Шалишь, брат, нас не проведёшь! Встречались нам и такие. Беззлобный, пока на него не наступишь. Не уж, но гадюка: ужалит – умрёшь.

Клаас поднял взгляд и вздрогнул, встретившись с синими глазами незнакомца. Тыфу, что за чёрт... Разбойник, что ли?

Тот между тем окинул взглядом белую, в заплатках серой кладки, городскую стену, покосился на ближнюю башню и вновь повернулся к воротам. Суматоха уже улеглась, дракошку утащили. Телеги потихоньку двинулись вперёд. Костлявый белобрысый Ульрих встал в воротах, собирая пошлину. Кто-то поднимал упавшие мешки. Мальчишка в свою очередь тоже исподлобья разглядывал странника.

– Так в чём мальчонка провинился? – опять спросил тот.

«Горец!» – внезапно осенило стражника, и он невольно ослабил хватку, словно и впрямь углядел в прищуренных глазах холодный блеск змеиной чешуи.

– Провинился и всё, – буркнул он. – Проходи, не задерживай.

– Так-таки и не отпустишь?

– Нет.

– А может, сговоримся?

Телли благоразумно помалкивал, озадаченный. Стражник нахмурился.

– А чего нам обговаривать?

– Да так, – пожал плечами тот. Переложил посох из ладони в ладонь и сбросил с плеч котомку. – За вход в город ведь платить полагается?

– Ну, полагается.

Странник дёрнул завязки мешка. Клаас для себя решил, что ни за какие деньги он сопляка не отпустит. Вот из упрямства – не отпустит и всё. А то если каждый встречный...

Мешок распахнулся, явив на свет бутылочное горлышко, а вслед за этим и саму бутылку. Жидкость внутри была мутновато-белёсой. Одна рука у стражника была занята, пришелец сам выдернул пробку и протянул бутылку Клаасу. Тот взял, недоверчиво принялся и крикнул, уловив знакомый, сильный и приторный дух, от которого все мысли о деньгах улетучились в одно мгновение.

Шнапстойфель! ¹

Клаас прикинул бутылку на вес. Чуть ли не четыре мерки водки.

Содержимое бутылки стоило по меньшей мере десяти входных обозных пошлин.

Вернуть её у стражника рука не поднялась.

– Так как? – пришелец поднял бровь. – Отпустишь?

– Ну... э-э... мальчишку. Без дракошки!

– Без него, – кивнул парень.

– Лады. Забирай.

Бутылка перешла из рук в руки, Телли почувствовал, как пальцы стражника разжались, шагнул и замер, потирая багровое ухо. Глянул на своего нежданного освободителя и опустил взгляд.

– Без Рика не уйду, – угрюмо сказал он.

– Топай, топай, – ухмыльнулся караульщик. – И скажи спасибо, что цел остался.

– Сказал же: не уйду!

Ладонь странника опустилась ему на плечо.

– Пошли, – сказал он. – Потом поговорим.

– Ты эта... осторожней с ним, слышь, рыжий! Тот ещё пакостник... Да погоди-ка. Камень-то принёс?

– Принёс, – отмахнулся тот.

– Ну, раз так... Это... Сорока! Ульрих! Пропустите этих.

¹ Schnapsteufel (нем.) – в Средние века «чёртовым вином» в Германии называли крепкие спиртные напитки или сам спирт. Продавали его, в основном, аптекари.

- А? – Сорока выглянул из караулки. Повёл сизым носом. – А эту... яшшуру куды?
- Тыфу, чтоб те сдохнуть! Я ж те сказал: в караулку, в лабаз! Да привяжи покрепче, чтобы не убёг.
- Нагадит же!
- Да леший с им! – теряя терпение рявкнул Клаас, махнул рукой, мол, проходите, поднял с лавки алебарду и заторопился в караулку, прижимая к сердцу вожаденную бутылку.

* * *

Проникнуть в город оказалось делом не столь простым, как казалось – крестьяне и торговцы вставали в очередь ещё с вечера в надежде занять с утра на рынке лучшие места. Каждый стремился проехать первым, в воротах царила суeta и давка. Троиx стражников здесь явно было маловато, чтобы навести порядок, да и те, похоже, не особенно старались. Ругань, крики, ржанье и грохот колёс сливались в плотный, почти осязаемый пальцами гомон. На пяточке за воротами, где разъезжались возы, было малость просторнее, но тоже не ахти. Туда-сюда сновали перекупщики, места вдоль стен облюбовали попрошайки и лоточники. Пахло пылью, конским потом и мочой, а с севера, забивая всё, тянуло кислой гарью недавнего пожара.

У большой бревенчатой клетки, наполовину полной камнями, рыжий странник остановился, нашарил у себя в мешке такой же серый булыжник, бросил его в общую кучу и только после этого двинулся дальше. Во время недавней осады, когда турецкие войска стояли у стен, горожане покидали на головы супостату чуть ли не весь булыжник с мостовой, и теперь распоряженьем бургомистра каждый, кто въезжал в город, должен был принести с собой камень, дабы улицы возможно стало вымостить заново. Странник об этом, похоже, слышал и булыжником запасся. Что до турок, то ворваться в город им не удалось, хотя стену и ворота они попортили изрядно, а одну из северных башен и вовсе сожгли. Выгоды, правда, от пожара они не поимели – башня полыхала сутки, выгорела дотла, камни же спеклись стеклянной корочкой, от чего башня стала только крепче. Снаряды отлетали от неё горохом, а башню горожане после этого так и прозвали – Горелой. Всего же башен в стенах города насчитывалось семь: Дозорная, Речная, Башня Синей Сойки, Толстуха Берта, разумеется, – Горелая, и Башня Трёх Ключей.

Седьмую башню звали Вавилонской. Хрен её знает, почему.

Телли старался держаться рядом с рыжим странником, впрочем, без особой охоты, и без конца поглаживал и теребил распухшее ухо. Мысль о потерянном драконе не давала покоя. Уходить от ворот не хотелось.

- У, чёрт здоровый... – вслух посетовал он. – Чуть совсем не оторвал...
- Ты что натворил, а? – спросил странник.
- А тебе чего? – окрысился Телли вместо ответа. – Может, думаешь, что если за меня отдал бутылку самогонки, так сразу и купил со всеми потрохами?
- Да нет, я...
- Ключ от воробья... Отстань!
- Странник усмехнулся.
- А ты, я гляжу, с норовом. А я ведь не спрашиваю, кто ты и откуда. Не спрашиваю даже, как тебя зовут, всего-то и спросил, за что попало... Ну-ка, покажи своё ухо. Хм, хрящ цел... Заживёт до свадьбы.

Телли промолчал, лишь зашипел сквозь стиснутые зубы, когда холодноватые, неожиданно ловкие пальцы странника ощупывали ухо. Ему совсем не хотелось рассказывать, как с раннего утра он дразнил привратников. Между тем внимание его привлёк кошель, висевший у странника на поясе и оказавшийся в этот момент совсем рядом; кошель был увесистый и явно не пустой (ну а иначе на какие шиши он водку покупал?). Порыв был бездумным – поворот, рука хватает кошелёк, потом рывок – и ищи ветра в поле. Телли рванулся привычным дви-

жением... и вдруг пребольно треснулся макушкой об посох, который пришелец предусмотрительно поставил на его пути.

– Уй-я!!!

– А вот этого приёма тебе бы знать не надо – он гадкий, – задумчиво проговорил странник, взвешивая на ладони кошель. Сунул его под рубашку. – Воровством, стало быть, промышляешь. М-да... Дракошку своего ты тоже у кого-то спёр или как?

– Пошёл ты... куда подальше, – огрызнулся мальчишка, потирая ушибленный лоб. – Дурак рыжий. Я ж его с детства, я ж без него никуда! А они...

– Ну, ну, не кипятись. Маленько погодя посмотрим, что и как, – тут пришелец подмигнул: – Как думаешь, выдержат три мужика бутылку чёртовой водки?

Телли нахмурился, не понимая, куда тот клонит.

– Дык если на троих, – пробормотал он. – Да ещё по жаре...

Глаза его расширились.

– Вот и я так думаю, – подытожил странник. – А теперь давай чуток пройдемся и подождем.

Спорить Телли не стал. Странник меж тем получил возможность рассмотреть его внимательней.

Выглядел мальчуган лет на десять, был бос, одет в штаны и рваную рубаху неопределённого цвета, телом был худ, да и ростом не вышел. На узком остроносом лице, из-под завесы нестриженной белёсой чёлки блестели чёрные хитрющие глаза. Это сочетание глубокой чёрной радужки и светлых волос производило странное, почти пугающее впечатление, несколько смазанное, впрочем, оттопыренным багровым ухом и шишкой на лбу.

Поток телег меж тем пошёл на убыль. Прохожих тоже поубавилось. Было видно, как то один стражник, то другой скрывались в караулке, возвращаясь с масляными глазками и одобрительной ухмылкой. Прошло ещё совсем немного времени, и вскоре у ворот остался лишь один Сорока, да и тот задремал.

– Жди здесь, – бросил через плечо странник, – никуда не уходи. Как, говоришь, животину твою звать?

– Рик, – ответил мальчишка и поднял взгляд на странника. Вытер нос рукавом, скривил губы и дунул на чёлку. Та подпрыгнула. – Он не пойдёт с тобой.

– Посмотрим.

Странник миновал уснувшего на лавочке Сороку, заглянул в раскрытую дверь караулки и скрылся внутри. Когда через пару минут он вышел, следом за ним семенил злополучный дракошка. Прохожие таращили глаза, качали головами и спешно проходили мимо.

– Упились, – сообщил рыжий парень Телли, как нечто само собой разумеющееся, и махнул рукой. – До капли выжрали, чтоб им... Хоть бы глоток оставили. На, забирай свою зверюгу.

Дракончик подбежал к хозяину, плюхнулся на спину и загозил, ласкаясь; он присвистывал, жмурил глаза и вообще выглядел довольным выше всякой меры, будто не было суеты вокруг него. Телли присел и почесал ему живот.

– У, змей... Набегался, дурак, – он поднял взгляд на странника. – Ты, Рик, этого дядьку бойся, а то, неровён час, как трахнет костылём!

– Ладно, – усмехнулся странник. – Пойду я. В другой раз смотри не попадайся, а то водки у меня больше нет.

Он повернулся и исчез в толпе.

* * *

Лисс (точнее, Лиссбург, как его называли местные жители) был невелик, но здорово растянут вдоль реки. Река, само собою, называлась Лисса. О том, чтоб обойти весь город, стран-

ник не помышлял, но даже беглый взгляд мог рассказать о многом. Лисс жил торговлей, в основном, морской, только несколько необычной. До моря отсюда было далековато, корабли шли по реке вверх по течению, и там, где русло становилось мелководным для гружёных барж, и был некогда заложен город. Каждый год накануне зимы крестьяне спешили запастись солёной рыбой, пока её везли по реке – путь по воде обходился дешевле и выгода была немалой. Город богател, торговля процветала, и лишь недавняя война подорвала бывшие отношения – погорели склады от баловства османов с греческим огнем, порушились дома, и хоть, как говорилось выше, взять сей город турки не смогли, перед осадой местные дельцы заблаговременно и спешно вывезли из города семьи и капитал.

Былая слава возвращаться к Лиссу явно не спешила.

Место для города, что и говорить, было выбрано красивое, но сейчас, полуразрушенный, он странным образом напоминал разбитую игрушку. Будто шёл вдоль реки могучий великан-волшебник и остановился отдохнуть на берегу, на трёх холмах. Достал платок – пот утереть, а городок возьми да с платком из кармана и выпади. Не заметил волшебник, дальше пошёл, а город так и остался лежать, чуть кривовато, как упал, ну и дома кое-какие от падения порушились. Здесь были три большие пивоварни, пять рыбокоптилен, бондарка (ну а как без неё!), собственная сукновальня, стеклодувный цех, уйма постоянных дворов, трактиров с выпивкой и девками, и всякое другое прочее, что можно отыскать в портовом городе. Дома по большей части стояли каменные. А выше по реке, на ручьях расположились мельницы, запруды, лесопилки – всё с войной пришедшее в негодность, но уже частично отстроенное заново.

Странник побродил по улицам, послушал бой часов возле собора (богатый магистрат мог позволить себе часы с механическим боем), выпил пива в погребе, названия которого не стал запоминать, и наконец забрёл на южную окраину, больше других пострадавшую от осады.

Здесь было малоллюдно. Многие дома лежали в развалинах, а уцелевшие покосились. Лавки все были заколочены или разграблены. Неподальё находилась башня (не Горелая, другая) и ворота, но ворота горожане заложили камнем в три ряда во время штурма (для надёжности и вообще), а разобрать покамест руки не дошли. И вот, как отсыхает ветка дерева, лишаясь соков от корней, так пересохла жизнь и суета без притока торговых обозов – путь здесь им был перекрыт. Зато зловредные османы попусту сломали об ворота три бревна и отступились, потеряв под южной башней три, а то и четыре десятка солдат. Всё это страннику поведал в кабаке за кружкой пива разговорчивый парнишка из приезжих, который если и приврал, то самую малость, в чём странник мог теперь убедиться самолично. Некоторое время он пробирался сквозь завалы горелых брёвен, битой черепицы, поломанных бочек и прочего хлама, пока не оказался на какой-то улочке, почти не тронутой осадой и обстрелом. Четыре двухэтажных дома справа и ещё три слева – вот и всё, что на ней уцелело. Здесь было темновато. Фасады верхних этажей у четырёх крайних домов заметно выдавались вперёд, нависая над узкой улочкой и почти смыкаясь сверху. В одном месте для прочности между ними даже был перекинут маленький декоративный мостик, крытый красной черепицей, – узкая дорожка городского трубочиста. А возле следующего дома возвышалось старое раскидистое дерево. Листва с него уже облетела. Мостовая и здесь была разобрана, дома зияли чёрными дырами разбитых оконных проёмов. На арке мостика висел на цепи проржавевший, и тоже без стёкол, железный фонарь.

– Что ж, неплохо, – пробормотал, остановившись под фонарём, рыжий странник. – Зато дрова под боком. Надеюсь, хоть к весне ворота разберут... Есть тут кто живой?

Ответом ему было молчание. Он сделал шаг, другой и снова остановился.

– Здесь никто не живёт, – сказал вдруг кто-то за его спиной. – Только Руди, старьёвщик, но он сумасшедший.

Странник обернулся.

На куче битого кирпича стоял давешний белобрысый мальчишка. Оттопыренное ухо сияло красным фонарём, от чего его худая физиономия смахивала издали на чайник для заварки. У ног его свился тугими кольцами дракончик Рик.

– Ты что, за мной шёл?

Телли кивнул.

– Это улица Синей Сойки, – сказал он.

– Звучит красиво. А где сама сойка?

– Кабак сгорел, а название осталось... Слышь, – Телли поднял взгляд, – а почему Рик тебя послушался? Он никого к себе не подпускает, а за тобой пошёл. Слышь, рыжий? А?

– А ты вот у него и спроси. Может, глянулся я ему. Тебе ещё что-то надо от меня?

– Да это... – замялся мальчишка. – Я так. Я спросить хотел. Зачем ты за меня бутылку отдал?

– Пожалел дурака. Да и дракошку твоего поближе рассмотреть хотелось. Никогда доселе не видал.

– А, Рик! Я сам его высидел, – заявил Телли с такой комичной серьёзностью, что странник невольно усмехнулся. – Что, не веришь? Ну и ладно, чёрт с тобой. Я, может, помочь хотел, а ты... такой же, как и все!

Он повернулся, прыгнул и быстрым шагом направился прочь. Дракон последовал за ним.

– Постой, погоди! – пряча улыбку, окликнул его странник, но тот уже скрылся за углом. Зашуршали, осыпаясь, камешки, присвистнул Рик, и всё затихло. Странник постоял, пожал плечами и принялся стучаться в двери уцелевших домов.

В первом доме и втором царила гробовая тишина. Из третьего, что рядом с деревом, в ответ на долгий стук наконец послышался шорох шагов.

– Чего надо? – глухо спросили за дверью.

– Хозяина надо, – ответил странник.

– На кой тебе хозяин?

– Дело есть, раз пришёл... Открыл бы, а то через дверь какой разговор.

После некоторой паузы с той стороны лязгнул засов. Зелёная дверь в неровной мозаике облупившейся краски медленно отворилась, являя взору темноту прихожей и белое пятно лица.

– Это ты Рудольф?

– Ну, я, – серые, чуть с желтизной глаза старика смерили пришельца недружелюбным взглядом. – Чего надо?

Рудольф был худой и очень сутулый, странник не сразу понял, какой он высокий – почти на целую голову выше его. Жидкие пряди седых волос свисали до плеч, лицо бледное, с желтизной, под кожей остро выпирали скулы. Из глубины открывшейся двери тянуло сыростью и плесенью. В руках старьевщика была пузатая бутылка в ивовой оплётке, явно не пустая.

– Не продаю, – угрюмо пробурчал Рудольф, не дожидаясь ответа на свой вопрос, – не покупаю. Ничего. Проваливай.

– Мне нужна комната, – сказал странник. – Внаём. Я знаю, что ты живёшь один...

– Ступай на постоялый двор – там будут тебе и комната, и вино, и хлеб, и девка на ночь.

Дверь заскрипела, закрываясь. Странник шагнул вперёд и вклинил ногу между ней и косяком.

– Постоялый двор мне не подходит, – покачал он головой. – Мне нужно место, чтоб обосноваться надолго. Здешняя окраина как раз то, что мне нужно. Я мог бы помочь тебе с ремонтом и вообще... О цене договоримся, не обижу.

– Мне не нужны жильцы, – Рудольф безуспешно силился закрыть дверь. – Мне вообще никто не нужен! Мало, что ли, в городе домов? Уходи, а не то стражу кликну.

Угроза позвать стражников в устах Рудольфа прозвучала нелепо, но пришелец предпочёл не спорить и ногу убрал. Дверь закрылась. Странник молча покачал головой и зашагал обратно, возвращаясь в центр города.

День выдался не по-осеннему тёплый. Рынок шумел совсем близко, но идти туда совершенно не хотелось. Решив попозже подыскать себе гостиницу, странник заглянул в лавку аптекаря, где за три талера купил бутылку водки местной перегонки, вдвое меньшую, чем та, которую он отдал в откуп за мальчишку, после чего направился в ближайшую корчму, нацелясь выпить пива и поесть – два башмака и кружка на вывеске обещали по крайней мере первое, если только под ней не работал охочий до выпивки сапожник.

Погребок был самый обычный, может, чуть почище других. Расшвыривая прелую солому, странник подошёл к стойке и огляделся. Стол здесь был один, большой и длинный, для надёжности прибитый к полу. Негромким гулом рокотали голоса – несколько человек у окошка что-то обсуждали. Звякали кружки, слышался смех.

Трактирщик вытер стойку засаленным фартуком и поднял взгляд.

– Поесть чего можно в твоём кабаке? – спросил странник.

– А как же! – расплылся тот в улыбке, обдавая странника застарелым духом чеснока. – Мясо жареное, хлеб, чечевица, рыба, какая хочешь... Пиво будешь? У меня хорошее сегодня пиво, тёмное, от Гагенбаха. Сам откуда будешь?

– С гор, – странник покрутил монетку в пальцах. Вдохнул, со стуком припечатал медный кругляш к стойке и полез в кошелек за вторым. – Давай всё, кроме рыбы.

– Зря, господин хороший, зря! Селёдка у нас нынче славная, да и треска ничего. Ну, нет так нет.

Дверь распахнулась, впуская подгулявшую ватагу рыбаков – человек двенадцать.

– Томас, пива! – с порога выкрикнул один из них – почти квадратный рыжий бородач в потёртых кожаных штанах, сапогах из тюленьей кожи и толстой вязаной фуфайке. Подошёл к стойке, оттянул пальцем воротник. – Уф... Жарко. Поверишь ли, шесть дней вверх по течению пёрлись, так сейчас даже лёжа покачивает... Что стоишь? Давай всё, что есть, только без рыбы, мать её... Здорово, рыжий. Я где-то тебя уже видел. Пиво пьёшь?

Странник повернул голову к рыбаку. Тот ухмыльнулся. В глазах его прыгали весёлые чёртики.

– Пью.

– Хо! – воскликнул рыбак, хватая протянутую кабатчиком кружку и делая солидный глоток. – Хо-хо! Отлично. Томас, поставь ему кружечку. Гуляем мы, рыжий. Рыбку сдали сегодня, ух, хорошо сдали! Давай подсаживайся к нам.

– Спасибо, – усмехнулся странник, – я уж как-нибудь сам по себе.

– Ну, как хочешь.

И он направился к своим. Странник проводил его внимательным взглядом и снова повернулся к Томасу:

– Кто это?

– Это? Валдис. А чего?

– Лицо знакомое.

– Энто бывает, – покивал кабатчик. Посмотрел кружку на свет. – Хороший малый. Платит честно, да и вобще. Эх, и рынок сегодня – сам бы пошёл, да времени нет! – он склонился над бочкой и крутанул медный барашек краника.

– Держи.

Странник подхватил запотевшую кружку, отхлебнул и зачерпнул горсть орешков из подставленной корзинки.

– Спасибо. Слушай, Томас. Здесь можно где-нибудь остановиться на недельку, две? Только чтоб не очень дорого.

Корчмарь наморщил лоб. Отставил кружку.

– Поздновато ты пришёл. Народу понаехало, сам понимаешь – осень, рыба, да и вообще... Дай подумать. Гм... Жаль, что «Сойка» и «Рыжий дракон» погорели. У «Камня» и «Сухого вяза» дорого, а у Георга под Луной и в «Синем драконе» нонче нету местов. Ты был там?

– Я не спрашивал, – ответил тот, рассеянно глядя на галдящих рыбаков. Покрутил на стойке кружку. Отпил глоток. – А если у тебя?

– Я, господин хороший, комнатов не содержу, мы с Мартой и так едва управляемся. Видал башмаки на входе? То и значит, мол, зашёл, пивка попил и топай. А вот спать тут не моги.

– Эй, Томас! Ну чего там? – крикнули от стола. – Жрать давай!

– Сейчас, почтенные, сейчас! Погодь немного, я им мясо принесу.

Корчмарь подхватил оставленные странником монетки и скрылся за занавеской. Странник принялся за своё пиво, украдкой разглядывая рассеявшихся за столом рыбаков и мучительно пытаюсь вспомнить, где и когда он мог встречаться с этим Валдисом. Кабатчик уже возвращался, неся в руках четыре миски, полные жареного мяса, когда из кухни вдруг донёсся женский визг и грохот бьющейся посуды. Все в корчме притихли, вскинулись тревожно, но тут же рассмеялись.

– Мышь! – вопила Марта. – Томас, мышь!

– Тьфу, дура, чтоб тебя! – в сердцах плюнул тот под хохот посетителей. – Ну что с ней делать, с бабой? Опять из-за мыша на стол полезла.

– Ладно, хоть не на печь! – сказал кто-то.

– Томас, убери её! – голосили на кухне.

– А ты кошку заведи, Томас, – посоветовал ему один рыбак.

– В самом деле, Томас, заведи кота.

– Да не люблю я этих кошаков, – поморщился кабатчик, неуклюже громоздя тарелки на стойку, – запах от них, шерсть...

– Да ну, вы просто их готовить не умеете! – высоким тонким голосом крикнул кто-то из-под стойки.

Корчма грохнула так, что в окнах зазвенели стёкла. Корчмарь побагровел. Мало того, что в городе и так постоянно подшучивали, что в «Двух башмаках» добавляют в мясо кошатину (проверить это было трудновато, но – чего греха таить! – в осаду всякое бывало), так ещё и заявить это посмел какой-то пацан! Томас рванулся отвесить наглецу затрещину и едва не лишился чувств, когда над стойкой, с треском и шипением, взметнулась желтоглазая змеиная башка на длинной шее. Пустая кружка вырвалась из рук кабатчика и кувыркнулась на пол, разлетевшись в черепки.

– Господи Иисусе! – вскричал корчмарь, хватаясь за сердце. – Тил, чтоб тебя!!! Совсем ополоумел?!

Мальчишка, еле сдерживая смех, принялся оттащить дракона от тарелок с мясом. Тот упирался и тянулся к ним, сквозя между зубами чёрной вилкой язычка, шипел и раздувал ноздри. Тем временем и остальные в корчме обратили на них внимание.

– Ты откуда тут взялся, чудо в перьях? – удивлённо спросил рыжий странник. – Опять за мной пришёл?

– Не, – пропыхтел Телли, – я это... просто так. Я сам... Слышь, Томас, дай ему рыбёшки, что ли! А то ведь не оттащишь его – он же неделю не жрал.

– Да чтоб он сдох, твой гадёныш! Чтоб ему пусто было! Чтоб ему... На, держи... Чтоб ему подавиться! – Томас повернулся к страннику: – Не обращайтесь на него вниманья, господин хороший: он у меня частенько подъедается, пакостник несчастный... Эй, господин Валдис! Будете ещё чего заказывать или как?

– Не надо, – отмахнулся тот. – Заплати ему, Индригис.

Поименованный кивнул и сосредоточенно зашарил по карманам. Шарил он долго, всё больше серея лицом, пока взгляды остальных рыбаков не замерли на нём.

– Слышь, Валдис, – запинаясь, выговорил он. – Нет кошель-то...

За столом воцарилась тишина.

– Как нет? – Валдис сгрёб со стола свою вязаную шапку и нервно скрутил её в руках. Надел на голову. Снял. – Ты что, сдурел? Двухмесячная выручка!

Он помолчал.

– Где кошель, дурак?!

– Ну нету! – Индригис развёл руками. – Был вот только что... и нету!

– Хорошо искал?

– Ну, дык...

Валдис замер, поражённый внезапной мыслью, и медленно повернулся к стойке. Нашёл глазами мальчишку. Тот заприметил его взгляд и так же медленно попятился к двери.

– Эй, малый, – поманил пальцем рыбак. – А ну, подь сюды... Ребята! Двери!

Двое мигом бросились к дверям, перекрывая выход, остальные медленно вставали из-за стола.

– Где деньги? – Валдис двинулся к мальчишке.

– Я не брал! – вскричал Телли, отступая.

– Некому, кроме тебя! Ты ж рядом вертелся. Отдай добром.

– Не брал я, гадом буду! Не... ай!

Валдис рванулся и сгрёб пацана в охапку.

– Янис!

Подскочил второй рыбак, быстро обшарил мальчика. Отступил.

– Нету, вроде.

– Спрятал где-нибудь.

– Спятил, Зигмар? Куда тут прятать, нету ж ни хрена – солома да скамейки...

– А гаду своему скормил! У его пасть вона какая, небось, намазал рыбой для скусу, а потом он у его просрётся в уголке...

– Точно! В ём они!

– Хватай его, Гинтар!

Кто-то бросился Рiku под ноги, другой навалился сверху. В центре зала мгновенно замесалась свалка.

– Эй, эй! – забеспокоился Томас. – Валдис, приструни своих! Вы что задумали? Эй, убейте нож! О боже... Валдис!!!

– Не троньте-е! – Телли забился в рыбацких руках, захлёбываясь криком. – Не-ет!

– Вот же чёрт... – пробормотал негромко рыжий странник, отставил кружку и потянулся за посохом. – И чего мне так не везёт сегодня? Эй, вы, там! Ах, чтоб вас...

Медлить было нельзя. В два прыжка одолев расстояние от стойки до стола, он перемахнул через упавшую скамейку и оказался в самой гуще драки, возле распростёртого на полу дракошки. Посох в его руках завертелся.

Первым отлетел, держась за голову, злосчастный Индригис, вторым – рыбак, занёсший над драконьим брюхом нож. Странник нырнул под удар, молниеносно увернулся от второго, третьего сбил подножкой и рванулся к Валдису.

– Пригнись!

Мальчишка среагировал мгновенно. Тупой конец посоха ударил Валдиса в грудь, тот ухнул и невольно выпустил пленника. И мальчик, и дракон метнулись страннику за спину и замерли, тяжело дыша. Кабатчик крикнул – дело принимало неприятный оборот. Рыбаки медленно поднимались с пола, потирая отбитые бока. Кто-то подобрал нож, попробовал пальцем остриё.

Странник отступил к стене, посох в его руке медленно описал широкий полукруг и двинулся обратно, как змея перед броском, выцеливая жертву.

– Цел? – не оглядываясь, спросил рыжий странник у мальчишки.

– Цел... – Телли шмыгнул носом.

– Брал кошелек?

– Гадом буду... – засопел тот.

– Это я уже слышал... Чёрт! не лезь под дубинку! Стой у стены. – Он перевёл взгляд на Валдиса. – Об чём шумим, ребята?

– Чевой-то я не понял, – проговорил тот, вставая и потирая живот. – Ты, рыжий, что, с ним, что ли, заодно?

– Это как посмотреть. Не заодно, но убивать не позволю.

– Ну, ты даёшь! Отдай паршивца. Спятил? Нас десять, ты один. Ну, ты даёшь... Ведь пришибём же!

Странник не ответил.

– Да заодно они, – слышалось в толпе.

– Артельно промышляют...

– Погодь с ножом, Имант, может, ещё договоримся.

– Пушай отдаст деньги!

Внезапно с грохотом упала скамейка, и из-под стола на четвереньках вылез злосчастный Индригис. Он сел, с озадаченным видом ощупал шишку на лбу, подобрал под себя одну ногу, вторую и поднял взгляд на Валдиса. Почему-то все притихли, глядя на него.

– Это... – пробормотал он и смущённо откашлялся, – слышь, Валдис... Тута деньги-то. В кармане дырка, вишь, какое дело... так у меня кошелек в это... в сапоги, стало быть, упал.

– Что, сразу в оба? – съязвил, не удержавшись, Телли. – Так ты бы хоть проверил – вдруг там не кошелек, в другом-то сапоге!

Кто-то нервно хихикнул, за ним рассмеялся Валдис, а ещё спустя мгновение хохотала вся корчма, и даже странник не сдержал улыбки. Сконфуженный Индригис долго шарил в глубине широких штанов и теперь сидел красный, как варёный рак, держа в руках увесистый мешочек. Рыбаки неловко переглядывались. Помаленьку до всех дошло, что никого не покалечили, а что до ссадин и ушибов, так с кем не бывает.

– Дерьмо собачье, – выругался кто-то. – Чуть не порешили мальчика.

– Да, оконфузились малость, – Имант спрятал нож и развёл руками. – Ты уж не серчай, слышь, рыжий?

– Ну и язык у тебя, парень! – утирая выступившие слёзы, пробормотал Валдис. – Ох, язык... Ну, ладно. Уж простите, ошибочка вышла. Давайте сюда, к нашему столу, стало быть. Эй, Томас! Пива нам, жратвы мальчишке и рыбы этому, зелёному.

Он подошёл вразвалочку к страннику и повнимательней взгляделся ему в лицо. Помедлил, прежде чем начать.

– Мы не встречались прежде, рыжий? С год тому назад?

– Сдаётся мне, что да, – кивнул тот.

– Я – Валдис.

Странник опустил свой посох.

– Я – Жуга.

Валдис хлопнул себя по лбу:

– Точно! А я всё никак не вспомню, где я тебя видел. В Маргене! Ну, дела... Парнишка-то с тобой?

Странник покосился на мальчишку, на дракона, снова на мальчишку, обречённо вздохнул и кивнул:

– Со мной.

* * *

Было уже далеко за полдень, когда Жуга, мальчишка и дракон выбрались на улицу. Рик заметно отяжелел и лапы переставлял с большой неохотой. Едва люди остановились, он лёг у ног мальчишки и мгновенно задремал.

Некоторое время они молчали.

– Так-так, – прервал затянувшуюся паузу Жуга. – Значит, Тил?

Тот потупился, пошевелил губами:

– Телли.

– Что?

– Телли меня звать.

– Ну что ж, Телли так Телли, – Жуга машинально отметил, что во время драки парнишке засветили под глаз. Синяк уже набух и наливался зелёно-лиловым. – Зови меня Жуга. Гм... И что ж мне теперь с тобой делать, а?

– Не знаю. Слышь, Жуга...

– Ты здешний?

– Не, не здешний. Послушай...

– Мать, отец есть?

– Нет. Да послушай же! У тебя из мешка что-то капает.

– Яд и пламя! – Жуга подпрыгнул, как ужаленный, мгновенно скинул с плеч котомку и рванул завязки.

– Вот незадача...

Пробка, похоже, выпала во время драки. От содержимого бутылки осталось меньше половины. Жуга бессильно застонал, уселся у стены и сгрёб волосы в горсть. Провёл ладонью по лицу и снизу вверх взглянул на мальчугана.

– Водяры на тебя не напасёшься, – укоризненно сказал он, затыкая бутылку пробкой. – И откуда ты только свалился на мою голову... Живёшь-то где?

– Да я у Йозефа кривого. Подрабатывал на копильне. Там и живу. То есть жил.

– Выгнали?

– Угу.

– За что?

– Да всё этот, – Телли подтолкнул ногой дракона (тот даже не пошевелился), – пробрался на склад, да и нажрался как бочонок, аж идти потом не мог, втроём выносили. А у меня платить нечем, ну и... вот...

– Понятно.

– Слышь, Жуга, а чего ты всё время водку с собой таскаешь?

– Травы настаивать, – ответил Жуга, пряча бутылку и завязывая мешок.

– А, – понимающе кивнул Телли. – А зачем?

– Долго рассказывать. Ладно, пошли. Подыщем себе ночлег на сегодня, а завтра что-нибудь придумаем. Откуда ты родом?

Парнишка наморщил лоб. Помотал головой:

– Не знаю. Верней, не помню. Тут жил, а до этого в деревне... А до войны – не помню. Слушай, а ты здорово дерёшься. Нет, правда здорово!

– Как умею, так и дерусь, – буркнул тот, мрачняя лицом. – Пойдём.

– А меня научишь?

– Нет. Пойдём.

Рик запоздало вскинул голову, обнаружил, что хозяева уходят, возмущённо пискнул и кинулся вдогонку. Поравнялся с ними и пошёл вперевалочку.

– Ты хоть бы ошейник на него надел, что ли, – мимоходом бросил Жуга, – а то ведь не всякий знает, что он у тебя ручной.

– Не, – помотал головой Телли, – ошейник на него нельзя. Если он у самой головы, ну, на верхушке шеи, то сползает вниз и душит.

– А ежели широкий и внизу?

– Ты что, совсем дурак? Он из него вылезит!

Жуга нахмурился, на ходу соображая, кто из кого должен вылезти, и смущённо кашлянул.

– М-да, в самом деле...

– Жуга. А Жуга.

– Что?

– У тебя деньги есть?

– Ну, есть.

– Много?

– Мне хватает. А чего ты спрашиваешь?

Телли остановился, скривил губы и дунул на чёлку.

– Да это... ты ведь тогда к Рудольфу заходил. Вот я и...

Он умолк.

– Ну, – подбодрил его Жуга, – давай договаривай.

– Рудольф, он это... Дом свой это... заложил. Он уже не торгует, жить ему не на что, вот и заложил. Городу. Лавка у него там раньше была.

– Какая лавка?

– Обыкновенная. То-сё, купи-продай. Старьё всякое.

Жуга ответил не сразу.

– Что, и краденое скупал? – Телли потупился. Кивнул. – Н-да. Ну ладно. Хотя постой. Говоришь, заложил городу? Хм...

Жуга огляделся, шагнул в сторону и тронул за рукав прохожего в сером суконном плаще.

– Эй, приятель, где тут у вас магистрат?

* * *

Поздно вечером в двери дома старьёвщика постучались и стучали до тех пор, пока он не открыл. На пороге стояли двое – рыжий незнакомец, пришедший нынешним утром, и белобрысый мальчишка лет десяти.

– Опять ты, – хмуро сказал Рудольф. – И этот ещё... Я же сказал ещё днём: уходите!

– Знаешь, Рудольф, – проговорил негромко рыжий, – я бы много чего мог сказать тебе в ответ, но, может, ты нас всё-такипустишь?

– Что? Чёрта с два! Убирайтесь из моего дома!

– Как бы тебе сказать... – странник помедлил, потёр подбородок. – Видишь ли, этот дом... уже не твой. Вот, – он вынул из рукава и развернул перед лицом старьёвщика лист пергамента.

– Я выкупил твою закладную.

Рудольф молчал, ошеломлённо глядя на подписанный, с печатью бургомистра на сургуче документ.

– Так ты наспустишь, или нам стражу позвать?

Помедлив, тот шагнул назад.

– Чёрт бы вас побрал... Ладно, входите.

– Вот и хорошо, – промолвил странник, входя. – Меня зовут Жуга.

– А меня – Телли, – объявил мальчишка.

А за миг до того, как дверь закрылась, в дом проскользнула ещё одна тень, длинношеяя и хвостатая, и старьёвщик сдавленно вскрикнул:

– Господи Иисусе! А это ещё кто?!

– Не бойсь, это Рик, – объявил Телли и поспешил заверить старика: – Он не кусается.

Дракошка подошёл к камину, пару секунд смотрел на тлеющие угли, затем свернулся на плетёном круглом коврик в зелёный сплюснутый калач, удовлетворённо вздохнул и закрыл глаза.

Бледный как мука, Рудольф медленно опустился в кресло и зашарил по столу, нащупывая бутылку.

– Мамочки мои... – пробормотал он, неотрывно глядя на дракончика. – Ох, мамочки...

Жуга хозяйским взглядом оглядел помещение и повернулся к Телли.

– Закрой окно, – сказал он. – Дует.

Старьёвщик Рудольф

«Радоваться, когда потокают, и огорчаться, когда перечат, – в природе каждого, в ком течёт кровь».

Жёрдочка Для Птиц

Нормально выспаться Жуге не удалось – старый тюфяк, набитый гороховой соломой, который травник отыскал на чердаке, был отсыревшим и ужасно пах мышами. Телли взять его не захотел, завернулся в дырявое войлочное одеяло и устроился на лавке. У Рудольфа, конечно, была кровать, и гость по городским обычаям вполне мог рассчитывать на место в ней под одним одеялом с хозяином. Проблема заключалась в том, что Жуга чувствовал себя здесь кем угодно, только не гостем. Он вообще испытывал неловкость от того, что столь бесцеремонно вторгся в дом старьёвщика, и отвоёвывать у старика кровать посчитал делом низким и недостойным. В конце концов, любая наглость имеет свой предел! От этих мыслей у травника к утру разболелась голова, он встал с рассветом, распахнул окно и вывесил тюфяк проветриться, после чего вернулся в комнату, где ночевал, и осмотрелся.

От запаха плесени свербело в носу. Комната на втором этаже была чуть ли не до потолка завалена всякой всячиной; разбирать эти вековые завалы у странника не было ни сил, ни желания. Широкие полки вдоль стен оставляли свободным лишь узкий проход посередине, по которому Жуга едва пробрался прошлым вечером, освещая себе путь огарком сальной свечи.

– Ну и ну, – пробормотал он, оглядывая всё это барахло при свете дня. – Похоже, он и впрямь старьёвщик, этот Рудольф!

Внизу было темно. Камин давно погас. Рик, бросив остывший коврик, перебрался к Телли под скамейку – из-под свисающего края одеяла высовывался кончик зелёного хвоста. Широкую, почти квадратную комнату перегораживал старый прилавок, частично разобранный, не иначе на растопку. Полки и здесь прогибались под тяжестью всевозможных вещей, некогда выставленных в качестве товаров, а ныне превратившихся в никому не нужный хлам. На стене висели два зеркала, изрядно побитая молю волчья шкура с головой и зубами и небольшое чучело лесной совы.

– Любуешься? – спросил, спускаясь по лестнице, Рудольф. Странник обернулся. – Ну-ну. Можешь не отвечать.

Он вынул из кармана старый замшевый кисет со следами цветной вышивки, неторопливо набил длинную трубку с обгрызленным янтарным чубуком, вооружился кочергой и поворошил в камине в поисках тлеющего уголька. Нашёл, прикурил и опустил в кресло.

– Раньше я держал здесь лавку, – проговорил старик. Выдохнул клуб дыма. – Но сейчас я отошёл от дел. Хотя я знал, что рано или поздно сыщется приткий сукин сын с толстым кошельком и выкурит меня отсюда, как лису из норы.

Седой, сутулый, горбоносый, похожий на огромную старую птицу, Рудольф сидел и рассуждал, сам отвечая на свои вопросы, а странник чувствовал себя всё глупее и глупее.

– Ну хватит, – наконец сказал Жуга. – Хватит. Мне жаль, что так получилось. По правде говоря, я хотел всего лишь снять комнату, а не отнимать у тебя жильё. Дом большой, поместимся как-нибудь. Я не собираюсь тебя выгонять.

– Охотно верю, – усмехнулся тот. – Человеку, у которого хватает наглости и денег выкупить чужую закладную, ничего не стоит нанять пару стражников, чтоб выдворить несчастного старьёвщика. Ты этого не сделал. Почему? Сам прячешься от стражи? Вряд ли, иначе не пошёл бы в магистрат. Денег не хватило? Тоже не причина – посулил бы им чего-нибудь из моего хозяйства и дело с концом. Кстати говоря, как тебе удалось выкупить закладную?

– Я сторговал за полцены. Убедил их, что дом почти разрушен.

– Почти разрушен? – воскликнул Рудольф и взмахнул чубуком. Табачный дым завился в сизую петлю. – О, святая простота! Почти разрушен! Да он простоит ещё сто лет! Стена в четыре кирпича! А чердачные балки ты видел? Это ж лиственница, ей сносу нет. А черепица? Разве сейчас делают такую черепицу? Плоская, ручной формовки, в два пальца толщиной! Звенит под ногтем! Да... Ну, ладно, сделанного не воротишь. Да. Нам есть о чём поговорить, мой наглый рыжий друг. Как я понял, уходить отсюда ты не собираешься?

– Надо же мне где-то жить, – бесхитростно ответил тот, – и раз уж я откупил этот дом...

– Но в городе полно других домов. Почему бы тебе не поселиться в центре? Там ведь почти всё уцелело! Почему не у реки, наконец? Ты говоришь, что откупил мой дом за полцены. Но даже пятьсот талеров – большие деньги. Откуда у тебя такая сумма? Чем ты зарабатываешь на жизнь?

– Траволечением, – ответил Жуга, когда Рудольф умолк. – Я не так богат, как ты думаешь. Твой дом на окраине, а значит, жильё здесь дешевле и шуму меньше. Ворота рано или поздно разберут, до леса здесь ближе всего, а хороших трав у реки не найти. Да и сырость лишняя мне ни к чему. Я ответил на твой вопрос?

– Вот как... – пробормотал задумчиво старьёвщик, – травник, значит... И ты, что же, собираешься открыть аптекарскую лавку? Или прямо сразу возьмёшься врачевать?

– Я ещё не решил, – уклончиво сказал Жуга. – Сперва надо обжиться, дом в порядок привести, да и мальчишку пристроить.

Рудольф, казалось, травника не слушал – сидел, попыхивая трубкой, полускрыв глаза.

– Не так это просто, открыть аптеку, – произнёс он наконец. – Требуется патент и разрешение от бургомистра. Да. А ты думал, всё будет, как в селе – пришёл, заселился в первую попавшуюся хату и врачуй, как бог на душу положит? Шалишь... Сперва надо года три походить в учениках у известного аптекаря, потом лет семь у него же в подмастерьях, потом заплатить вступительный взнос в цех фармацевтов, получить благоволение магистрата, и уж тогда пожалуйста – торгуй, лечи, учи учеников. Как ты намерен с этим разбираться? Или думаешь дать на лапу нужным людям? Так ведь денег не хватит. Или, – глаза старьёвщика сощурились, – или ты не тот, за кого себя выдаёшь? Ты воевал? Откуда у тебя эти шрамы? – он указал чубуком.

Жуга промолчал, слегка обескураженный, огляделся, подвинул скамейку и сел напротив старика.

– О шрамах разговор и долгий, и ненужный, – произнёс он. – В горах их считать не принято. А войну мне неохота вспоминать. Я не сражался за османов, об остальном умолчу. А что до моего занятия... Скажем так: я не собираюсь о себе кричать на всех углах. Те, кому я понадоблюсь, сами меня найдут.

Рудольф поднял бровь.

– Если в магистрат донесут, что ты работаешь без его дозволения и берёшь за это плату, тебя ждут большие неприятности, – сказал он.

– Значит, я не буду брать плату. К тому же, аптекари тоже должны у кого-то закупаться травами. Или ты думаешь, что эти господа свои травы собирают сами?

Жуга усмехнулся, глядя, как и без того длинное лицо старьёвщика вытягивается ещё сильнее.

– Ну и хитёр же ты, – с оттенком уважения сказал тот наконец. – Сущий лис. Это же надо, до чего додумался! Да...

И старик снова запыхтел трубкой.

– Ладно, – травник шлёпнул себя по коленкам и перебрросил полотенце с шеи на плечо. – Как бы то ни было, ты прав: я отсюда уходить не собираюсь – зима вот-вот нагрянет, да и деньги на исходе. Но и тебя выгонять не буду, живи как жил. А вот потесниться придётся. У тебя три комнаты, и лавку ты уже не держишь. Барахло придётся выбросить или снести в чулан, –

старьёвщик чуть заметно вздрогнул, но промолчал. От взора травника это не укрылось. – Я поселюсь, пожалуй, наверху, где спал сегодня.

– Как хочешь, – с плохо скрываемым раздражением ответил Рудольф. – Смотри, не пришлось бы потом пожалеть. А этого куда? – он указал на спящего мальчишку.

Жуга пожал плечами:

– Посмотрим.

Разбуженный разговором, Телли уже проснулся, сел и принялся тереть заспанные глаза. Зевнул, отбросил чёлку с глаз.

– Утро доброе, – кивнул он, завидев Жугу и Рудольфа. Соскочил босыми ногами на пол. Сморщился и помахал рукой, разгоняя табачный дым. – Слышь, Рудольф, где тут у тебя это...

– Что? – тот поднял голову. – А... Там, за кухней, в конце коридора, под лестницей. Твой э-ээ... питомец уже проснулся?

– Да ну, скажешь тоже! – фыркнул мальчишка. – Он до вечера продрыхнет. Сутками готов спать, как нажрётся.

Телли убежал, и Рудольф повернулся к травнику:

– Оставишь его при себе?

– Надо же с ним что-то делать.

– Ты теперь здесь хозяин.

– Сейчас решим... Телли! – окликнул Жуга вернувшегося мальчугана. – Сядь, разговор есть. Ты что дальше делать думаешь? Чем жить?

– Выгоняешь? – спросил тот без обиняков. Травник смутился.

– Нет, но... Хм. Послушай, Телли. Вижу, от тебя так просто не отделаешься. Я не могу вас с Риком содержать за просто так. А мне всё равно нужен помощник. Если ты хочешь остаться, тебе придётся этим заняться. Согласен?

Тот поспешно закивал, глаза озорно заблестели под завесой белой чёлки.

– Только Рик пусть тоже останется, – потребовал он.

– Ладно, – кивнул Жуга. – Теперь слушай, чего скажу. Первое моё условие – никакого воровства, ни дома, ни на улице. Не хватало нам ещё одной ссоры со стражей.

– А дома-то чего? – Телли шмыгнул носом.

– Чтобы не было соблазну, – отрезал Жуга. – Так. Второе – работа, но об этом позже. Мелкие поручения не в счёт. Ну и последнее – убирать за своим дракошкой будешь сам. Всё понятно?

– Всё, – кивнул тот.

– Вот и отлично, – Жуга достал из кошелька две монетки. – Беги на рынок, прикупи какой-нибудь еды, а то, сдаётся мне, торговцы на эту улицу ещё не скоро доберутся. Потом забеги на постоянный двор, узнай, почём у них свежей соломы охапка. Всё, беги.

С этими словами травник встал, намереваясь идти наверх, но услышал, как Телли за его спиной сдавлено охнул, и обернулся. Парнишка во все глаза таращился на спину Жуги, рассеянную косым неровным шрамом слева вверх направо.

– Это ж как... – ошеломлённо пробормотал он. Поднял взгляд на травника. – Где тебя так? Это ж разве можно выжить после такого!

– А я и не выжил! – травник сделал страшные глаза и рассмеялся. – Ладно, хватит болтать. Дуй за едой, потом поговорим, а то работы целая гора.

Телли наконец умчался. Рудольф некоторое время задумчиво рассматривал спящего под лавкой дракона, потирая острый, заросший седой щетиной подбородок, затем вздохнул и принялся выколачивать трубку.

– Послушай, парень...

– Я Жуга, – ответил травник. – Зови меня Жуга.

– Хорошо, – рассеянно кивнул Рудольф. – Хорошо. Ты видел когда-нибудь такого зверя?

– Нет.

– И я – нет. А между тем мне уже стукнуло полвека, и я не всегда сидел в лавке. В своё время мне пришлось немало поездить.

– Я много слышал о них... – начал было Жуга, но старьёвщик оборвал его на полуслове:

– Покажи мне того, кто о них не слышал! А вот кто их видел? И тут – на тебе, посреди города... Откуда эта тварь у сопляка?

– Он сказал... А впрочем, я не знаю.

Старьёвщик помолчал.

– Сдаётся мне, эти двое ещё доставят тебе хлопот, – сказал он, не глядя на травника, – да и мне тоже. Как думаешь, а, Жуга? Доставят?

Травник кивнул:

– Непременно.

* * *

Хлопоты не замедлили себя ждать. Остаток дня ознаменовался сразу несколькими событиями, и далеко не все были приятными.

Во-первых, спёрли с окошка тюфяк; спёрли, несмотря на безлюдную улицу, второй этаж и ветхость оногo тюфяка.

Во-вторых, дракошка выпался и поднял шум, не обнаружив рядом хозяина. Травнику едва удалось его урезонить.

В-третьих, Телли появился в середине дня, без денег, без еды и с расквашенным носом. Жуга почувствовал некоторое беспокойство – количество увечий, собранных всего за два дня непоседливым мальчишкой, становилось просто пугающим.

– Та-ак, – угрюмо протянул Жуга, отставляя веник и оглядывая парня с ног до головы. Тот смущённо переминался. – Теперь ещё и для тебя готовь припарки! Похоже, и впрямь придётся учить тебя драться... Кто тебя так отделал?

– Да этот... Отто, – проворчал тот и хлюпнул носом.

– Какой ещё Отто?

– Отто-Блотто с Блошиной Канавы.

– Один?

– Втроём...

– Ясно, – кивнул Жуга. – Вон бадья, иди умойся. Обедать нам, похоже, сегодня не видать... да и ужина тоже. Впрочем, постой. На один горшок каши у меня припасов хватит. Не трать всю воду, эй! Оставь немного на еду!

– Каша это не еда, – хмуро проворчал Рудольф, спускаясь по лестнице, – это то, что едят с едой.

Жуга пожал плечами и наполнил водой котелок. Засучил рукава.

– Можешь предложить чего получше?

Старьёвщик скрылся в комнате и через некоторое время появился, неся завёрнутый в тряпицу свиной шпик и четверть каравай хлеба. К этому времени Телли уже натаскал с улицы дров и теперь вместе с травником разжигал огонь.

– Ну и камин у тебя! – кашляя и вытирая запорошённые пеплом глаза, молвил Жуга. – Дымоход давно чистили?

– Чего греха таить, – вздохнул Рудольф, – давненько.

Травник подложил в камин щепок, сломанной дранки, подождал, пока не разгорелось, и взялся за поленья. Замешкался, повертел одно в руках. Постучал по дереву щербатым ногтем, развернул к свету.

– Осина... – пробормотал он и кинул деревяшку мальчишке. – А ну, лови!

Телли поймал и недоумевающе воззрился на него.

– Много там таких?

– Ну.

– Неси ещё.

– Зачем?

– Зачем, зачем... Всё тебе скажи. Сажу будем из трубы выжигать. Давай тащи всё, что найдёшь. Да постой! Ты насчёт соломы не спрашивал?

– Нет.

Травник открыл было рот с намерением ещё что-то сказать, но передумал и промолчал.

* * *

Перспектива провести ночь на голом полу, пусть даже и укрывшись кожухом, травника совсем не вдохновляла, и после ужина Жуга отправился разыскивать постоянный двор.

– Найдёшь легко, – сказал ему Рудольф. – Дойдёшь до башни, потом налево и всё прямо, никуда не сворачивая.

Так оно и вышло. Приземистое двухэтажное строение с подворьем, складом и конюшнями Жуга приметил издали – ближайшие дома лежали в развалинах. Высокие ворота украшала жестяная вывеска с коряво намалёванным огромным красным петухом. Травник поднял бровь и усмехнулся – хозяин, видно, был не слишком суеверен, если выбрал для своего заведения столь провокационное название. Местами краска облупилась, а в самую серединку вывески во время осады долбанул тяжёлый камень из баллисты, вдавив петушину грудь на целых два вершка, от чего картинка приобрела довольно странный вид. Править вывеску не сочли нужным. Удачно расположенный на равном удалении от двух ворот, «Красный Петух» был переполнен. Двор загромаждали телеги. Горел костёр. Два парня, охранявшие товар, проводили травника насторожёнными взглядами и вернулись к своим делам. Жуга с усилием отворил скрипучую дверь, миновал двух вышибал на входе и остановился у камина. Один из громил с неодобрением покосился на него и подошёл поближе.

– Тебе чего, рыжий?

– Хозяин здесь? – вопросом на вопрос ответил тот.

Громила почесал за ухом.

– Нет местов.

– А мне не надо. Я по другому делу.

Парень помедлил, затем кивнул.

– Обожди тут.

Он скрылся за занавеской, но вскоре появился вновь, ни слова травнику не сказал и вернулся на своё место у двери.

– Ты меня искал?

Жуга обернулся.

Хозяин «Красного Петуха» был широченный и приземистый, как комод, и едва ли уступил бы в драке своим вышибалам. Физиономию его можно было даже назвать красивой, кабы не свёрнутый нос, косо сросшийся рубец на подбородке и кривые сломанные зубы. Серые, с прищуром, глаза смотрели цепко и внимательно.

– Да, – кивнул Жуга. – Я. Мне нужна солома.

– Сколько?

– Две охапки.

Лицо кабатчика озадаченно вытянулось. Жуга в жизни не видел, чтобы такой простой ответ вызвал такое удивление. Громилы у стены, издали не слыша разговора, тревожно шевельнулись, но хозяин взял себя в руки и сделал им знак оставаться на месте.

– Куда тебе столько?

Травника всё это помаленьку начинало раздражать.

– Тюфяк набить, – ответил он угрюмо.

Одно мгновение хозяин постоялого двора тупо на него таращился и вдруг... разразился хохотом. Постояльцы заоглядывались. Вышибалы снова нервно задвигались.

– Сол... ох, солома... – утирая слёзы, сквозь смех выдавил кабатчик. – Ну, приятель, насмешил! А я уж подумал... Иди на двор, Вилли покажет, где взять.

– Сколько я тебе должен? – спросил Жуга, силясь понять, что происходит.

– Оставь менку на память. Надо же – солома!.. Вилли! Чёрт, куда этот дурак запропастился? – он повернулся к травнику, прежде чем уйти. – Подожди минутку. Может, выпьешь чего?

Жуга поразмыслил и кивнул:

– Пожалуй.

У стойки было пусто. У стены в неровный ряд выстроились бочки. Парень за стойкой вопросительно поднял взгляд на травника. Жуга заказал для разнообразия светлого, распла- тился, подхватил протянутую кружку и огляделся. День клонился к вечеру. Почти все столы были заняты, лишь за двумя оставались свободные места. Травник поразмыслил и решил, что пить придётся стоя, но в этот момент столкнулся взглядом с каким-то парнем. Тот похлопал ладонью по лавке и поднял кружку приветственным жестом. Жуга в ответ поднял свою, отхлеб- нул пива и направился к нему.

Стол перед незнакомцем покрывали липкие разводы пролитого пива, островки костей и рыбьей чешуи. Парень молча подвинул Жуге копчёный хвост селёдки и выудил откуда-то ещё одну. Согнул рыбёшку – золотистая кожа с треском лопнула – и слизал с пальцев жир.

– Хороший день, – сказал он.

Жуга кивнул и снова отхлебнул из кружки. Пиво было дрянное. Несмотря на это, парень был весьма навеселе. Худой, высокий, кадыкастый, в сером стёганом полукафтани, он сидел здесь, наверное, с обеда. В его зачёсанных назад рыжеватых сальных волосах застряла чешуя.

– Ты чем так Вальтера насмешил?

– Не знаю, – травник пожал плечами. – А что?

– Впервые в жизни слышу, как он смеётся. Выпьем, рыжий.

Выпили. Парень со стуком поставил на стол опустевшую кружку и вытер усы.

– Я Бликса. Лудильщик, – сказал он, демонстрируя зачем-то узкие, в застарелых ожогах ладони. – Вообще-то, меня звать Ганс, но это имя мне не нравится. Я тебя раньше не видел.

– Меня зовут Жуга. Я здесь недавно.

– Ого! Имечко что надо. Не слыхал. Чем промышляешь?

– Так... По травам.

– А, по травам. Ну. Ага. Надолго в город?

– Как повезёт.

– А где живёшь?

– У Синей Сойки.

– Где, где? – рассмеялся тот. – Ты, брат, заливай, да знай меру. Там же ни одного целого дома не осталось.

– А у Рудольфа.

Бликса вмиг посерьёзnel и даже, кажется, немного протрезвел.

– А что, – осторожно спросил он, – старый Руди уже того, башмаки в угол? Ты, значит, вроде как наследник?

Жуга пожал плечами. Кружка его почти опустела.

– Отчего же? Жив он. Просто я живу там. Ну, как бы на постое.

– Врёшь!

– Чтоб мне лопнуть.

Парень присвистнул. Поскрёб в затылке.

– Ну, тогда ты этого... того... поосторожней! – пробормотал он и вдруг засуетился. – Чёрт, совсем забыл! Мне ж надо...

Он нырнул под стол, вытащил тяжёлый, глухо звякнувший мешок, порылся в нём и лихо припечатал на столешницу монетку.

– Ну, мне пора, – он встал. – Бывай, рыжий. Понадоблюсь, спроси меня у Вальтера, он скажет.

Жуга кивнул, проводил его взглядом и залпом допил пиво. Задумался.

Что-то было не так в этой истории с Рудольфом.

Парнишка, собиравший пустую посуду, подошёл к Жуге и попытался взять монетку, что оставил Бликса.

Монета не двинулась с места.

– Колдовство! – мальчишка сплюнул и перекрестился.

– Дурак, – невозмутимо сказал Жуга, поддевая монетку ножом. – Столы протирать надо!

Парнишка тупо похлопал глазами, сгрёб менку под фартук в карман и повернулся к травнику:

– Это ты, который за соломой?

– Я, – Жуга кивнул.

– Пошли.

* * *

К ночи стало холодать, и Телли не рискнул, как в прошлый раз, заснуть внизу, прекрасно понимая, что как только догорит камин, спать станет невозможно. Вдобавок, Жуга под вечер приволок огромную охапку свежей соломы, застелил её рогожей и устроил себе ночлег в комнате наверху. Недолго думая, Телли направился туда же.

– Тебе чего? – Жуга, уже накрывшийся кожухом, поднял голову. Рыжие волосы топорщились всклокоченной метёлкой.

– Да это... Холодно внизу. – Телли картинно поёжился. – И жёстко.

– Хитрый, – усмехнулся травник. – Как спать, так сразу, а вот солому поискать...

Он выдержал паузу и молча оглядел мальчишку. Телли потупился. Щуплый, маленький, босой, в разорванной рубашке, он и впрямь был одет не по-осеннему. Ещё одна забота, так-перетак...

– Ну, ладно. Лезь.

Обрадованный, Телли перелез через травника и заворочался, шурша соломой.

– А я одеяло принёс... Ой-ёй, колется!

– Терпи, завтра мешок раздобуду. Яд и пламя, да не ворочайся ты так – ещё рухнет что-нибудь с полки! – Жуга вздохнул. – Придётся завтра разобрать этот хлам... Эй, – он вскинулся, – а змей твой спать до нас не приползёт?

– Нет, – соврал Телли.

Рику было всё равно, где спать, лишь бы потеплей. Как и любая ящерица, он остывал к утру так, что поначалу даже двигался с трудом. Тил не сомневался, что дракон притащится наверх, как только догорят последние дрова, но травнику об этом сказать не решился – ну как прогонит?

Некоторое время оба лежали без сна, согреваясь. Жуга, хоть сам и отругал мальчишку, тоже беспокойно ворочался, хмыкал задумчиво, с хрустом потирая ладонью небритые щёки.

– Стены, – бормотал он, – черепица... ножки от стола...

– Чего? – вскинулся Телли.

– Ничего, – рассеянно ответил тот. – Ты хорошо Рудольфа знаешь?

– Нет, конечно.

– Вот и я не знаю, – травник сел, поскрёб исколотую соломой спину. В окошко лился лунный свет. Лохматый профиль на фоне окна казался залитым чернилами. – Тревножно что-то мне. Дом ещё этот...

– А чего? Дом как дом.

– Ну, да, как же... Если он в залог пошёл – и то за тысячу талеров! Представляешь, сколько он стоил новый? Стена в четыре кирпича, чердачные балки из лиственницы. Черепица... эта... в два пальца толщиной. Тьфу, чёрт, я уже и сам говорю как Рудольф. А чучела эти? А мебель? Ни единой трещинки до сей поры. Вся гладкая как зеркало. И ножки... эти... круглые.

– Их на станке точат, на токарном.

– Да? Ну всё равно – дорогая работа. Откуда у него такие деньги? И почему он дело своё прикрыл? Кого ни спрошу, все шугаются, будто он и вправду сумасшедший... Яд и пламя! – травник подскочил на месте, как ужаленный, и вытаращился в темноту: – Рик, ты что ли?!

Дракошкины глаза умильно шурились, сверкая в лунном свете вертикальной прорезью зрачков. Не дожидаясь приглашения, Рик нахально втиснулся меж Телли и Жугой, улёгся поудобнее, зевнул и тут же задремал.

– Ох, господи... – только и смог пробормотать Жуга. Убрал от лица перепончатое драконово крыло. – Только этого мне не хватало! Это ты оставил дверь открытой?

Телли лежал, боясь пошевелиться. Наконец услышал, как травник зашуршал соломой, поворачиваясь к дракону спиной, и облегчённо вздохнул – гнать его не собирались.

– Ладно, – проворчал Жуга. – Давай спать, а то завтра вставать рано.

– Зачем рано-то?

– Травы собирать пойдём, – был ответ.

* * *

На следующий день Жуга, как и обещал, растолкал Телли ни свет ни заря, и оба отправились за город. Рика заперли, чтоб не увязался следом. Путь был неблизкий – сначала до ближайших ворот в западной Башне Трёх Ключей, затем далеко на юг, вверх по течению реки.

– Вообще, если по всем правилам травы собирать, то надо заходить так далеко, чтоб не слышать было петушиного крика, – рассуждал по дороге Жуга. – Но на деле всё проще: чем дальше от города, тем лучше.

– Это чтобы люди не мешали?

– Травы там чище, – ответил Жуга, останавливаясь на широком, густо поросшем кустарником лугу. Огляделся. – Так, начнём, пожалуй. Вот эти стебли видишь? Запоминай – это волкобой-недоспелка. Собирают его в конце августа, когда он цветёт.

– Мы его звали – овечье рунишко, – кивнул Телли.

Брови травника удивлённо полезли вверх.

– Ого, – сказал он, – а ты, оказывается, кой-чего знаешь. Верно, так его тоже зовут. Только если я тебе все названия каждой травки буду говорить, у тебя башка с непривычки треснет.

– А для чего она?

– Башка?

– Да нет, это... трава, волкобой этот.

– Вообще, его добавляют в кой-какие отвары для густоты и чтобы дольше сохранялись. А ещё говорят, что им от свадебных наговоров охраняют, кладут на порог.

– Это правда?

– Не знаю, не пробовал. Мы его много брать не будем, есть вещи поважней. Да, много всяких врак об этом ходит, – он уложил в сумку сорванные стебли. – Есть в травах и цветах целительная сила для всех, кто сумеет разгадать их тайну. Только не каждому это дано. О, гляди – лопух... Дай-ка лопатку.

– Репей-то нам на черта?

– Осенний корень лопуха в настойке, – наставительно сказал Жуга, окапывая куст вокруг, – от осинового или пчелиного укуса – первейшее средство.

– А почему осенний?

Травник пожал плечами:

– Я не знаю.

– А это... Я вот слыхал, что орхилин-трава все тайны и чары раскрывает, ежели сумеешь её цветов сорвать.

– Это папоротник-то? Ерунду болтают, – сказал Жуга, утирая лоб рукавом. Потянул из земли оголившийся корень. – Я дважды просидел у орляка всю ночь на Ивана, ни хрена он не цветёт. Городские байки. Другое дело, что червяков из брюха гонит, если приготовить как надо. А ещё от поясницы помогает, если на ночь приложить или тюфяк свежим листом набить.

– Так давай набьём!

– Завянет быстро – не сезон.

– Какой же прок от него тогда? Поясницу ведь как раз по осени и крючит.

– На то другие средства есть. Каштан на хлебе с салом, корня шиповника настойка или, там, акация... А вот ещё про папоротник: если растереть свежий листок и к ране приложить или, там, к свищу – в три дня всё заживёт и следов не останется. Ну-ка, помоги...

Домой к Рудольфу Телли возвратился нагруженный травами и окончательно обалдевший от обилия сведений.

– Мне всё это в жисть не запомнить, – сказал он, поразмыслив.

– А ты не забывай. Пока просто слушай.

Оказалось, Рудольф отлучился по своим делам. Воспользовавшись его отсутствием, Жуга и Телли решили разобрать завалы в верхней комнате, пока какой-нибудь котёл и впрямь не рухнул ночью им на головы.

Толстые, неструганого дерева полки прогибались под непосильной тяжестью. Обилие вещей поражало. Здесь были стеклянные бутылки всех форм, цветов и размеров, какие-то разрозненные чашки и тарелки серого фаянса, покрытые тоненькой сеточкой трещин, большей частью с отбитыми краями или без ручек, статуэтки людей и зверей в разломанной шкатулке, две-три монеты странной формы – там же, изогнутый бронзовый нож с затейливой ручкой, радужные перья не ведомых травнику птиц, большая связка старых ключей на кольце, кресало, череп (Телли перепугался до одури, когда наткнулся на него за старым жестяным подносом), горы старого трута, свёрнутый в трубку небольшой квадратный коврик, истёртая перчатка из кожи на левую руку, извитая, с отростками раковина с кулак величиной, толстая пачка слипшихся свечей, песочные часы, кубок – измятый, старого олова, с чеканкой внутри и снаружи, большая медная чернильница с остатками чернил и многое другое – всё старое, забытое, покрывшееся плесенью и пылью.

– Дела-а, – травник с натугой стащил с верхней полки маленький бочонок, снял крышку и ошарашенно уставился на россыпь блестящих, перемазанных прогорклым маслом наконечников для стрел. – Куча всякой всячины! И вещи всё ненужные, вроде...

За бочонком на полке обнаружился щит – обитый сталью поверх досок конный рыцарский тарч² с обрывками кожаного ремня и полустёртым гербом, очертания которого терялись

² Тарч – небольшой, как правило, почти квадратный щит, входивший в снаряжение рыцаря. Служит, в основном, для отражения копейных ударов. Также излюбленное место для размещения рыцарского герба.

в проплешинах облупившейся краски. За щитом примостилось высохшее деревце в треснутом глиняном горшке.

– Думаешь, он этим торговал? – спросил Телли. Дерево в горшочке почему-то его особенно заинтересовало.

Жуга осторожно взял в руки чёрную, с радужным отливом тонкую свирель, посмотрел её на свет, поднёс к губам и для пробы выдул пару созвучий. Звучала свирель вполне прилично. Он вздохнул и отложил её в сторонку.

– Кто знает, – сказал он. – Наверное, торговал, а иначе зачем тут это всё? Бутылки мне, пожалуй, пригодятся, а остальное отнесём пока в чулан.

– И это тоже? – Телли поднял с полки что-то круглое, в пятнах, рукавом стёр пыль и изумлённо вытаращил глаза. – Ух ты! Глянь!

В руках его была дощечка в палец толщиной, аккуратно стёсанная на ровный круг поперечником в локоть. Одна сторона её была гладкой и одноцветной, другую сплошь покрывала инкрустация из чередующихся правильных шестиугольников трёх цветов. Жуга нахмурился и протянул за нею руку:

– Ну-ка, дай.

Он повертел дощечку в руках. Царапнул ногтем край мозаики и хмыкнул – шестиугольнички сидели как влитые, под пальцем не ощущалось никаких неровностей. Полированная поверхность блестела, словно залитая в лак.

– Тонкая, однако, работа, – пробормотал Жуга. – Как соты пчелиные. – Он поднял взгляд на Телли: – Чёрный, белый и... какой ещё?

– Ты что, не видишь? – удивился мальчишка. – Красный.

Травник невесело усмехнулся.

– Я не различаю красное и зелёное, – сказал он.

– Это как? – не понял Телли. – Почему?

– Не знаю. Таким уродился, – он снова повертел в руках дощечку. – Интересно... Смотри – ни один не касается другого такого же.

– Красивая штука, – согласился Телли. – Я её под столик приспособлю.

Жуга кивнул и с чувством некоторого сожаления положил дощечку обратно на полку. Вдоль спины пробежал знакомый нехороший холодок. Травник нахмурился, но ничего не сказал и вернулся к работе.

Наконец в комнатке стало свободнее. Кое-что из вещей травник унёс вниз и разместил на полках над прилавком, чтобы были под рукой, а остальное утащил в чулан. На доску Телли водрузил горшочек с пересохшим деревом, полил его водой и поставил всё сооружение на каминную полку.

– Авось зацветёт.

Наверху странник развернул рогожу и разложил на ней сушиться собранные травы, после чего достал припрятанный кусок холста, иглу и принялся сооружать новый сеник. Телли ещё некоторое время повозился с тряпкой, залил в котёл воды, разжёг огонь и только расположился отдохнуть, как в дверь нетерпеливо постучали. Жуга помедлил и пошёл открывать.

Стоявший на пороге незнакомец был высок и небрит. Выцветший мундир и кожаная куртка под кирасу за версту выдавали в нём солдата из наёмников. За поясом торчал короткий дирк³ в потёртых кожаных ножнах, за спиной болтался мешок.

– Ну, наконец-то! – хрипло воскликнул пришелец вместо приветствия. – Стучу, стучу... Эрих я. Тута, помнится, старик торговал. Где он?

– Рудольф? Он закрыл свою лавку, – ответил Жуга. – Насовсем.

³ Дирк – небольшой кинжал, кортик.

– Во как! Гм... Слышь, малый, помоги – с обозом еду завтрева, дорога дальняя, а я огниво потерял, а могёт, вытащил кто. А нужно – хоть зарежь. А поздно, лавки все позакрывались, а выезжаем рано, а дай, думаю, зайду к Рудольфу, отоварюсь на дорожку, хорошо, что вспомнил.

– Говорю же, он больше не торгует.

– Чёртова задница, те что, кресала жалко?! – вспыхнул солдат. – Я ж те толкую, что я без его как без рук – ни костра разжечь, ни трубку раскурить! Неужто сам не понимаешь? Выручи, рыжий! Ну что тебе стоит?

Жуга почувствовал себя неловко, тем паче, что как раз в этот момент ему вспомнилось, будто в вещах старьёвщика он действительно видел трут и огниво.

– Погоди минутку. Схожу, посмотрю, – сказал он и направился в чулан.

Кресало отыскалось на одной из полок, куда они с Телли сложили всё, что могло пригодиться в хозяйстве. Поразмыслив, Жуга сунул в мешочек кусок трута и вернулся к двери.

– Держи.

– Ну, спасибо, выручил! – солдат заглянул в мешочек и полез в кошель. – О, да ты и трута положил! За сколько? Пяти менок хватит?

– Хватит.

Солдат отсчитал монетки и сунул покупку в карман.

– Бывай, – сказал он и, фальшиво насвистывая, зашагал прочь.

Вскоре вернулся Рудольф с корзинкой, полной всяческой еды – Жуга с утра оставил ему денег. Старик с неодобрением оглядел разложенные на полу пахучие листья и поднялся к себе наверх.

– Уже перетаскали? – воскликнул он, заглядывая в комнату с полками. – Какого чёрта, вы что, меня подождать не могли? Где вещи?

– В чулане.

– Все?

– Вон тут, на полках ещё кое-что.

Рудольф принёс большой мешок, без разговоров стрёб в него те немногие предметы, которые травник оставил в нижней комнате, и тоже уволок в чулан. Не тронул старьёвщик одни лишь бутылки.

– Так будет лучше, – не дожидаясь вопроса, хмуро сказал он. – Так, что у нас сегодня на ужин?

* * *

Шли дни. Постепенно осень вступала в свои права. Всё, что отцвело, обильно плодоносило, всё, что не успело, быстро доцветало. Жуга вертелся, словно белка в колесе. Каждый день он уходил в лес, стремясь собрать как можно больше трав, а иногда ходил по городу, прикупая в лавках всякую всячину. То ему был нужен рыбий жир, то молоко, то воск, то мёд, то яйца. То он принимался чуть ли не мешками закупать чеснок, подсолнечное семя и конские каштаны. Затем повадился таскать в дом уксус, купорос, поташ и негашёную извёстку. Прикупил ещё бутылку водки. Подговорил рыбаков привезти ему толстый, желтовато-коричневый шмат сушёных водорослей. А однажды ему вдруг позарез понадобился свиной жир и чтобы непременно нутряной. В доме старьёвщика теперь постоянно пахло мягкой прелью подсыхающих листьев, всюду, вплоть до чердака, сушились травы, дикие плоды и длинные, на дратве, ожерелья резаных грибов. Разнообразные бутылки на полках быстро наполнялись тёмными и светлыми настоями, декоктами и отварами. Телли тоже не сидел без дела – высушенные травы требовали надлежащей обработки, а в лавке у Рудольфа весьма кстати отыскалась большая бронзовая ступка с бронзовым же пестиком.

– Давай-давай, – подбадривал его Жуга. – Зимой отдохнём.

Рик вертелся у всех под ногами, постоянно что-то опрокидывал, разбивал и частенько валялся в сохнувших листьях. Последнее дело ему особенно полюбилось. Жуга сперва гонял его, затем махнул рукой и соорудил для дракошки отдельную подстилку, свалив туда все травы, что испортились в процессе сушки (испортились они, само собой, благодаря тому же Рику).

Вся эта суета не осталась незамеченной, и слух о травниковой лавке постепенно распространился по городу. Пару раз наведались больные. Жуга не стал их гнать и в меру сил помог. Вдобавок Телли пробежался по аптечным лавкам, и кое-кто из местных фармацевтов не погнушался зайти к Жуге посмотреть товар. В лавке завелись кое-какие деньжата, и вскоре началось то, о чём предупреждал травника Рудольф.

В то утро появился лишь один посетитель – парень лет двадцати, мордастый, в сером добротном полукафтани и хороших башмаках. Щека его была перевязана грязной тряпкой.

– Ты тут, знахарь который? – позвал он с порога.

Жуга снял пену с варева и поднял взгляд на гостя. Вытер руки.

– Ну, я. Чего тебе?

Парень, будто опомнившись, схватился за щеку, картинно закатил глаза и застонал.

– Зуб у меня, – пробормотал он, – это...

– Зуб?

– Угу.

– Заболел, значит, – сочувственно покивал Жуга.

– Угу...

– И давно?

– Не... Утром вот. Сегодня.

И парень снова вполне натурально застонал.

– Ага. Угу, – Жуга вытер руки о передник и полез на полку. – Ты сядь пока, – кивнул на табуретку. Парень послушно сел.

Жуга налил в кружку горячей воды, достал из мешочка пригоршню сушёных листьев, тщательно размял их пальцами и высыпал в воду. Добавил каплю чёрного, как дёготь, настоя из зелёной маленькой бутылки и сдобрил всё конопляным маслом. Накрыв тряпицей, подождал немного и протянул кружку больному.

– На, прополощи.

Тот набрал полный рот зеленоватого настоя, прополоскал и огляделся, ища, куда выплюнуть. Жуга протестующе поднял руку:

– Нет, плевать не надо. Глотай.

Тот поморщился, но проглотил. Отхлебнул ещё. Ещё. Травник внимательно глядел ему в лицо.

– Ну, как, полегчало?

Круглая физиономия парня расплылась в улыбке.

– Да-а... – протянул он обрадованно. – И в самом деле... – он отставил кружку и полез в кошель. – Ну, спасибо! Сколько я тебе должен?

Травник замахал руками:

– Да что ты, какие пустяки! Я денег не беру – помог и ладно. Давай иди, а у меня дела.

Он встал и направился к камину. Парень озадаченно притих, не зная, куда девать зажатые в кулаке монетки.

– Эй, ты чего? – спросил он, бестолково двигая рукой. – Ты это брось! Ты деньги-то возьми, слышь, рыжий?

– Отвяжись, – махнул рукою травник и снова наклонился над котлом.

Парень молча потоптался у дверей, напялил шляпу и вышел вон, не попрощавшись и забыв даже снять повязку. Жуга выплеснул настой в огонь и усмехнулся.

Подошёл Телли.

– Ты мне не говорил, что подорожник с коноплёй помогает от зубов.

Жуга рассеянно повертел в руке пустую кружку, вздохнул и поставил её на полку. Перевёл взгляд на мальчишку.

– То и не говорил, что не помогает.

Телли опешил.

– Но ведь помогло же!

– Да не болели зубы у него. Пустышка это. Дура с хвостиком. Стукач. Меня задумал провести, нет, надо же! – Жуга сел и усмехнулся. – Пришёл и стонет, будто помирает, а сам то за одну щёку хватается, то за другую, зрачки не сузились, да и вообще... Хоть бы пальцем ткнул – показал, который зуб! Я намешал ему чего попало, а он и «излечился». – Травник поднял голову. – Кто ж это играет со мной в такие игры, а, Рудольф?

– Магистрат, – сказал старьевщик.

На следующий день его догадка подтвердилась – с утра появился ещё один мнимый больной, на сей раз «страдающий» от боли в животе. Жуга и его спровадил так же, как вчерашнего, и денег не взял.

А вот третий гость оказался поважнее первых двух – вечером того же дня в дом старьевщика появился сам Гельмут Вальраф, личный канцлер бургомистра, ответственный, вдобавок, за сбор налогов в городскую казну. Явился он в сопровождении аж двух стражников и сразу взял быка за рога.

– Кто тут есть Жуга, известный также по прозвищу Лис? – спросил он с порога. Шагнул вперёд – надутый, важный, в дорогом, отороченном волчьим мехом плаще.

– Это я, – Жуга шагнул вперёд и сухо поклонился. – Чем могу помочь?

Гельмут поморщился. Похоже, что произнесённое травником «помочь» вместо обычного «служить», несколько резануло ему слух.

– Дошли до нас слухи, – после паузы начал он, – что ты здесь врачеванье и траволечение учинить изволил, прямого дозволения на то от бургомистра не имея и лицензии у цеха врачевателей не получивши. За недозволенную эту деятельность я облечён доверием Магистрата сделать тебе, Жуга с прозванием Лис, предупреждение и наложить штраф в сто талеров, буде такое ещё раз повторится.

Жуга едва заметно улыбнулся. Витиеватый слог чиновника, казалось, травника несколько не смутил.

– Вообще, бывало, что я приторговывал травами, – признал он, спокойно глядя Гельмуту в лицо. – Но местные аптекари имеют право покупать их у кого захотят. Так сказано в их цеховом уставе. А что касается лечения, то если даже это и случилось, денег я за то не брал, а стало быть, на жизнь не зарабатывал.

Вальраф побагровел.

– Ты отбиваешь этим хлеб у городских врачей! – вскричал он. – Кто может поручиться, что ты не обманщик?

Жуга пожал плечами:

– Имя Иоганна Готлиба, аптекаря из Гаммельна, вам что-нибудь говорит? – Удар попал в цель – похоже, имя говорило, и Жуга продолжил: – Это их забота, если больные идут ко мне. Могу я знать, почтенный, от кого поступил донос?

– Нет! – рявкнул тот. – И я предупреждаю тебя: если я снова узнаю, что ты лечишь людей без патента, пеняй на себя!

Он развернулся и двинулся к двери.

– Смотрите, не пожалейте, ваша милость, – сказал ему вслед травник.

Канцлер обернулся на пороге, его обрюзгшая физиономия налилась багрянцем.

– Ах ты, наглец! Ну, смотри, допрыгаешься. В нашем городе такие вольности тебе не спустят, деревенщина! И палец я на тебя загну, запомни!

Он демонстративно загнул перед травником палец, фыркнул, развернулся на каблуках и вышел вон. Стражники последовали за ним. Жуга промолчал.

Дверь за Гельмутом захлопнулась.

Некоторое время царила тишина, затем Жуга снова взялся за пестик.

– В опасную игру ты играешь, Лис, – сказал Рудольф.

– Я знаю, что делаю, – ответил тот и с хрустом размял с ступке сухие листья чистотела.

Прошло два дня. Никто их больше не беспокоил. Жуга возился с травами и словно бы забыл о всех других делах. Посыльные из аптечных лавок и больные получали вежливый отказ.

А ранним утром третьего дня в двери дома Рудольфа опять постучали. Очень тихо и очень вежливо. Телли подбежал к двери, открыл и попятился, разинув рот.

– Жуга, – позвал он, – иди сюда!

На пороге стоял Гельмут Вальраф.

– А, это вы, ваша милость, – радушно окликнул его Жуга. – Ну, что же вы встали на пороге? Проходите, проходите. Садитесь.

Вальраф поколебался, медленно прошёл в глубь комнаты и сел на табуретку. Был он сегодня непривычно тихий, бледный и измождённый. Дорогую броскую одежду сменил неприметный серый плащ, обрюзгшее лицо скрывал капюшон. Всё говорило о том, что этот его визит к травнику неофициальный.

Левая рука секретаря-распорядителя была обёрнута платком.

– Что вам угодно? – Жуга был сама любезность.

Гельмут медленно развернул платок.

– У меня... гм, вот... – он поднял руку. Указательный палец был загнут к ладони крючком.

– Прекрасно, угу... Ну и что?

– Не разгибается, – пожаловался Вальраф и поднял взгляд на травника. Откашлялся смущённо и опустил глаза. – Я был у врачей... Никто не смог мне помочь.

– Сожалею, ваша милость, – травник картинно развёл руками, – но мне запрещено заниматься врачеванием без патента. Приказ бургомистра, знаете ли.

– Но я... – Гельмут гулко сглотнул и покосился на свой палец. – Но это можно вылечить?

– Я думаю, попытаться стоит, – с самым серьёзным видом кивнул Жуга. – Но, сами понимаете, я не рискну: сто талеров – у меня просто нет таких денег!

Канцлер был далеко не такой глупец, каким казался, и счёл за лучшее промолчать.

На следующий день в доме старьёвщика появилось выданное лично бургомистром для «Farmacius Zhuga» разрешение на врачеванье в Лиссбурге и новый, пахнущий чернилами патент в деревянной рамочке, который Жуга прибил к стене на самом видном месте.

* * *

Минуло две недели. Осень наступала. Город жил неспешным, обволакивающим ритмом октября, и травник начал приспосабливаться к этой жизни. Он привыкал покупать еду на рынке, а воду у развозчика и уже не находил ничего странного в том, что никто не спешил разбирать ворота: у магистрата не было рабочих рук, а горожан это мало волновало. Здесь всё было не так, как в деревнях или в селениях его родных Хоратских гор, где в хозяйстве всегда находилась неспешная, но неотложная работа. Здесь вообще не было такого понятия, как хозяйство: народ жил торговлей, ремёслами, земельной рентой или просто воровством. Большую часть торгового оборота занимала рыба. Всё крутилось вокруг рыбы. У четырёх причалов швартовались баржи, сутились грузчики. Утопали в заказах бондари, чадили день и ночь коптильни. Вся восточная окраина города провоняла копчёной рыбой. Горы протухших селёдочных голов громоздились на улицах, валялись на мостовой, плавали в сточных канавах,

смердя и привлекая в город крыс, собак и вороньё. «Не морщи нос, – с усмешкой говорили детям горожане, – так пахнут деньги». Лисс, построенный на перепутье двух ремёсел, город-порт среди земли, был странен не столько своими жителями, сколько сам по себе.

Спокойная жизнь, казалось, будет длиться до зимы, а уж зимой и вовсе неоткуда было ждать несчастий, тем более что дела у травника и Телли шли весьма неплохо. Поток заказов на целебные травы от аптекарей не уменьшался, больные (те, кто излечился) помогали, чем могли, да и кладовая помаленьку пополнялась благодаря регулярным вылазкам в окрестные леса. В один из таких походов Телли упросил Жугу прихватить с собой Рика. После долгих уговоров травник сдался, о чём скоро пожалел – предыдущий день выдался ненастным, а Рик бросался на каждую встречную лужу, в результате чего вымазался так, что из зелёного сделался черно-бурым. Сквозь растресканную корку подсохшей грязи блестели только зубы и глаза.

Жугу чуть не хватил столбняк.

– Яд и пламя! – только и смог выдохнуть он, когда из кустов с треском выломилось это-кое чудище и полезло к травнику ласкаться (кошачьей привычки умываться дракончик, естественно, не имел). – Вот чёрт!

– А? – откликнулся Телли, вслед за Риком продираясь сквозь кусты. – Это не чёрт, это Рик. Ой-ёй...

Мальчишка по большому счёту мало чем отличался от своего питомца: поставь обоих на четвереньки – перепутаешь. Некоторое время травник безуспешно отпихивался от дракона, тот же, думая, что с ним играют, резвился ещё сильнее. Комья грязи летели во все стороны.

– Вы что, нарочно... Уйди, зараза!!! Нарочно, что ли? Где вас носило?

– Да это... – мальчишка нагнулся и вытер лицо лопухом. – Лужа там. Большая... Я его пытался оттащить, а он... Вот.

И Телли виновато развёл руками.

– Свинья он, твой Рик, а не дракон! – Жуга в очередной раз оттолкнул от себя Рика и отряхнул колени. – Гм, вот влипли! И, как назло, ни ручейка вокруг...

Трав они в тот день, конечно, не собрали.

Дома Жуга выкатил большую деревянную бадью, в которой запаривал травы для лечебных ванн, и нагрел воды. С грехом пополам удалось отмыть Телли, Рик же пришлось довольствоваться ополосками. Тот не возражал, но целиком в бадье не поместился. Брызг в результате хватило на целое наводнение – купаться дракошка любил больше жизни. Рудольф некоторое время молча глядел на это безобразие, затем плюнул и ушёл к себе.

– Позовёте, когда приберётесь, – сказал он, – я ужином займусь.

– Беда мне с вами, – пропыхтел Жуга, скребя ковшом по днищу бочки. – Даже чаю заварить воды не осталось. Ладно, прогуляюсь до ключей, авось успею.

– Я с тобой, – вскочил было Телли.

– Сиди уж... золотарь несчастный.

Травник нахлобучил шляпу, подхватил ведро и вышел вон.

Жуга недаром торопился – доступ в город вечером прекращался. Идти до речки было недалеко – ворота в Речной башне как раз выходили к причалам, другое дело, какая там была вода. Весь мусор, нечистоты, городские стоки и трюмную воду горожане беспечно сбрасывали в реку. Не то что пить – купаться здесь было противно и небезопасно. Водовозы наполняли свои бочки из реки, но выше по течению – у Башни Трёх Ключей, вблизи которой, собственно, и били эти самые ключи – три родника с прозрачной и чистой водой. Жуге по роду своей деятельности приходилось закупать воду по бочонку в день, и он уже давно свёл знакомство с водовозом по имени Марк, единственным, который возил воду с родников (остальные избегали ездить далеко). Его корявую, но вместительную бочку и тощую купую лошадедку хорошо знали в городе – Марк снабжал водой аптекарей, две-три пекарни и пивоварню Карла Гагенбаха. Вода с ключей стоила дороже, но кто знал, не торговался.

До родников был час ходьбы. Днём. Налегке. В хорошую погоду. Жуга рассчитывал бегом успеть минут за сорок – до двенадцати надо было вернуться, а одиннадцать уже пробило. До источника травник добрался ещё засветло и, наполнив ведро, отправился обратно. Дорога была тиха и безлюдна. Быстро темнело. Небо клубилось тучами, ветер стал холодным и порывистым. Всё предвещало непогоду. У раскрытых ворот красноватым огоньком затеплился фонарь, и Жуга невольно ускорил шаги.

– Воды приспичило? – сочувственно прихмыкнул стражник, провожая взглядом травника. Жуга поставил ведро на брусчатку и размял затёкшую ладонь. Покосился на стражника. Тот был седой, усатый, с заметным брюшком – ещё не старик, но человек уже преклонных лет. Алебарда в его руках казалась неуместной, но лезвие, любовно смазанное жиром, и древко, отполированное ветошью, говорили, что дело своё он знает крепко. «Интересно, – подумалось Жуге, – а был ли он в Лиссе во время осады?»

– Я тоже завсегда из родников из этих воду пью, – задумчиво продолжил страж, приняв остановку травника как приглашение к разговору. – И дочь моя, и сын. И жена пила, пока жива была. Хорошая вода. А ты рискованный парень: ишь, в полночь за водой пошёл... С чего вдруг поздно так?

– Чаю захотелось, – сказал Жуга, – а в доме ни глотка.

– А, это да, – он покивал, – бывает. Что ж к соседям не зашёл?

– Да нет соседей. У Рудольфа я живу, возле Синей Сойки.

– Рудольф, – стражник помрачнел. – Вот как... Что ж он, жив ещё?

– А с чего ему помирать? – немного нервно огрызнулся Жуга. Упрямые попытки горожан похоронить заочно старика Рудольфа помаленьку начинали его раздражать.

– Да кто ж знает, с чего, – пожал плечами старик. Тёмные глаза его устало глядели вдаль, на дорогу. – Знали бы, не спрашивали. Вот и жена его тоже не знала...

– Жена? – насторожился травник. – А что с его женой случилось?

– Э-э, – стражник поднял бровь, – да ты, похоже, и не знаешь ничего? Был он женат, рыжий, был. Лет пятнадцать назад. И дочка у него росла, аккуратно с моей Хедвигой одногодки. Лавку держал да барахло, слышь, скупал помаленьку. Дом вон купил. Хороший дом... А как-то раз – никто не знает, что случилось – мёртвыми нашёл и дочку, и жену. С тех пор почти не выходит из дому. И торговать перестал. Такие дела. А ты при нём каким боком?

– Я не при нём, – ответил Жуга, – я сам по себе. Травник я.

– Эва! Небось, и заговоры какие знаешь? Слышь, – засуетился старикан, – а вот чего у меня, как дождь или как подыму чего тяжёлое, так в спину вступает? И правый бок так, знаешь, пожжёт, пожжёт, да как саданёт! Я уж и так, и сяк, и задом наперёд...

Часы на башне глухо заскрежетали, и колокол отбил двенадцать ударов.

– Полночь, – вскинулся стражник и отставил алебарду. – Где Гюнтера носит? Слышь, рыжий, помоги ворота закрыть, одному невмочь.

Жуга рассеяно кивнул и ухватился за тяжёлую створку ворот.

– Навались.

Петли глухо заворчали. Жуга толкал, поглощённый своими мыслями, и вдруг, когда ворота уже готовы были захлопнуться, в щель между створками будто ударила чёрная молния. Страж ворот и Жуга шарахнулись назад и прынули к стене, каждый к своей.

– Матерь Божья... – выдохнул старик.

На мостовой между ними стояла собака – огромный чёрный пёс, брыластый, молодой, поджарый, с хорошего телёнка ростом. Шерсть на его спине и на боках мокро блестела в свете фонаря. Ошейника на собаке не было.

Пёс посмотрел на стражника, повернул голову к Жуге – травник навек запомнил взгляд горящих, жадных, серо-жёлтых глаз размером каждый с полновесный талер – бесшумно переступил и, развернувшись, скрылся в темноте проулка лёгкими упругими прыжками.

Момент оцепенения прошёл. Стражник что-то промычал и медленно сполз по стене.

– Видел? – еле слышно спросил он.

– Видел, – тихо ответил Жуга.

– Что это было?

Травник не ответил.

Вдвоём они кое-как закрыли ворота и задвинули запорный брус, затем не сговариваясь прошли в караулку, где стражник вытащил бутылку и разлил по кружкам тепловатое разбавленное пиво. Оба молча выпили и некоторое время так же молча сидели за пустым столом.

– Меня Людвиг зовут, – сказал наконец стражник.

Травник кивнул:

– Меня – Жуга.

И в это мгновение раздался крик.

* * *

Капуста наконец закипела. Рудольф поворошил дрова, убавляя огонь под маленьким котлом, помешал варево длинной ложкой и закрыл крышку.

– Капусту считают едой бедняков, – проговорил он, качая головой. Засыпал в котёл щепотку пряностей, посолил, размешал и снова уселся в кресло. – Отчасти это верно – стоит дёшево, хранится хорошо, а созревает, когда другие овощи уже убраны. Однако не брезгают ею и короли. Лучшей закуски к мясу не найти, и готовится легко. Хочешь – вари её, хочешь – жарь, а хочешь – потуши в сметане с морковкой, чесноком и базиликом, вот как мы сейчас, и всегда получишь превосходное блюдо. И притом, что самое удобное, можно остановить готовку, когда хочешь – капуста не бывает недожаренной или недоваренной. Только бы не подгорела, – он подобрал рукава своей облезшей меховой накидки и задумчиво уставился на котёл. – По правде сказать, не знаю овоща, который был бы таким же сытным и неприхотливым, разве что репа, да ещё эти новомодные потатас⁴, которыми балуются аристократы...

– Слышал, Рик, что дядька Руди говорит? – усмехнулся Телли, бесцеремонно пихая драконшку ногой. – Что ж ты, гад, капусту не жрёшь? У, бесстыжие глаза, всё тебе рыбу подавай...

Дракончик лениво приоткрыл один бесстыжий глаз, зевнул, продемонстрировав игольные, отменной белизны клыки, повернулся на другой бок и снова задремал. Он был сыт позавчерашней трапезой и особых неудобств не испытывал.

Мальчишка уже обсох после мытья и теперь сидел у камина, вороша щипцами угли и шумно грызя кочерыжку. Зубы у него были тоже молодые, белые и острые. Отсветы пламени окрашивали рыжим белизну его волос, плясали искрами в чёрных глубоких зрачках, блестели на чешуе дракона. Левое ухо мальчишки до сих пор торчало в сторону.

– Откуда у тебя дракон? – спросил Рудольф.

– Да это... – Телли зашвырнул в огонь огрызок. – Долгая история.

Он вытер нос рукавом и некоторое время молчал, глядя в камин, словно трепещущие синим язычки огня будили в нём воспоминания, затем принялся рассказывать.

– Нашёл я как-то яйцо на куче мусора в лесу. Во-от такое, – Телли показал руками. – А жрать хотелось, ну просто невтерпёж. Дай, думаю, спеку. А как его? В огонь же не сунешь... Ну, я его в золу. И задремал. Угрелся у костра. А утром просыпаюсь – лежит на куче пепла скорлупа, значит. Толстая такая. Половинки. И этот, значит, мне под бок подлез и дрыхнет, ровно кошка. Маленький такой, зелёный, с крылышками... Ну не убивать же мне его было,

⁴ Картофель, лишь недавно завезённый в Европу, сперва выращивался как декоративное растение, а чуть позже подавался как экзотическое блюдо к столу аристократии. Широкое распространение получил значительно позднее.

верно? Аккурат с тех самых пор так вместе и ходим. Я вроде как ему вместо мамки. Или дядьки, – подумав, добавил он.

– А где ты нашёл его?

– В лесу, я ж говорю. В предгорьях, за Вышеградом, у камней.

– Каких ещё камней?

– Ну, этих... тамошних. Кругами которые.

– Вот как? Интересно, – Рудольф заёрзал в кресле. Подвернул накидку. – Гм... И долго вы так э-ээ... ходите?

– Да уж полгода скоро. Весной я его подобрал. Всё веселей с ним. Народ только вот пялится.

– Чего ж тогда ты в город подался?

– Да жрёт уж больно много. Растёт, так его... А тут рыба по осени дешёвая, я на копильню и устроился. А после, значит, и турнули нас оттудова обоих.

Рудольф умолк и погрузился в размышления. Молчал и Телли. Котелок в камине мягко пыхал, наполняя маленькую комнату сладковатым запахом варёных овощей. За окном совсем стемнело. Часы на башне пробили двенадцать. Рудольф помаленьку начал клевать носом.

– Однако, – хмыкнул он, в очередной раз очнувшись от дремоты, – куда это Жуга запропастился? Уж не случилось ли чего?

– Да что с ним станется, – отмахнулся Телли. – Должно быть, у ворот застрял. Я ж говорил...

Что именно он говорил, осталось загадкой: с улицы донёсся топот, шум, пыхтение и сдавленная ругань, дверь распахнулась от пинка, и в дом ввалился травник, на пару с усатым седым мужиком волочивший третьего. Этот третий, похоже, был без сознания, из его рваных, подвязанных грязными тряпками ран сочилась кровь. В другой руке Жуга тащил наполовину расплескавшееся ведро.

– Рудольф, прими! – крикнул он с порога, сунул ведро старику и обернулся: – Телли, дождевик тащи – вон ту синюю бутылку... Чего уставился? Скорей!

Оцепеневший мальчишка встряхнулся и бросился к полке.

Напуганный со сна, Рик заметался, схлопотал от травника пинка под хвост и в панике удрал вверх, откуда не без опаски наблюдал за творившейся суматохой. Вдобавок ко всему, дракошка, убегая, сшиб с каминной полки деревце в горшке и теперь вдвойне не спешил возвращаться, догадываясь, что за это дело его тоже не погладят.

– На стол, Людвиг! На стол! Тил! Иголку!

– Что?

– Кончай трепаться, у меня руки в крови. Вдевай!

Одним движеньем травник смахнул со стола посуду, освобождая место для раненого, рванул из-за пояса нож, проверил пальцем остроту клинка и принялся срезать набухшие кровью повязки. Телли приволок ту самую бутылку, корпию, моток бинта и теперь во все глаза смотрел, как ставшие необычайно ловкими пальцы травника проворно зажимали, чистили, сшивали, растягивали, отрезали лоскуты висящей кожи и присыпали раны тонкой пылью дождевичных спор, от которой кровь останавливалась как по волшебству. Особо глубокую рану на правой ноге, струившуюся ярко-алым, пришлось перетянуть жгутом и только после бинтовать. Закончив возиться с ногами, травник принялся за руку, и Телли замутило от тошнотворного запаха палёного мяса – левая рука у парня оказалась обожжённой от ладони до локтя. Жуга некоторое время молча рассматривал ожог, затем огляделся и прищёлкнул окровавленными пальцами:

– Телли! Извёстку неси. Знаешь, где лежит?

Тот кивнул и умчался. Жуга тем временем стащил с полки широкогорлую вместительную банку белого стекла и наполнил её водой. Зачерпнул ложку негашёной извести из прине-

сённого кулька, развёл в воде и осторожно, едва касаясь тряпкой обгоревшей кожи, промыл раствором рану. Деревянной лопаткой наложил на повреждённое место вязкую густую мазь и после, не размазывая, перебинтовал. Мазь (Телли это знал, ибо готовил её сам) состояла из воска, сосновой живицы и свиного сала – поровну всего и переваренное вместе. Парнишка сделал в памяти заметку.

– Всё, Людвиг, можешь отпускать, – кивнул Жуга и вытер пот рукавом. – Рудольф! Подсунь ему что-нибудь под голову. И дай попить. Ему и мне.

– И мне, – седоусый старик развернул и снял закрутку с ноги паренька. Поднял взгляд на старёвщика. – Здорово, Рудольф, – сказал он неловко.

– Здоров будь, Людвиг, – помолчав, ответил тот. – Давно не виделись.

– Давненько.

– Что за парень? – Рудольф склонился над столом. – Знаешь его?

– Чего ж не знать, – хмыкнул стражник. – Бликса это, сковородник. Ходит по дворам, лудит, паяет.

Рудольф зачерпнул из ведра, медленно, с ложки принялся поить раненого. Нахмурился.

– Кто ж его так?

– А вот это, веришь ли, и сам не знаю, – колебавшись, развёл руками страж ворот. – Видел, а не знаю. Может, друг твой рыжий чего скажет. А, Жуга? Слышь? Что за тварюга парня погрызла? Знаешь, нет?

Жуга стоял у камина, хмуро и сосредоточенно вычищал ножом из-под ногтей запёкшуюся кровь. Поднял голову, посмотрел на Телли, на Рудольфа и отвернулся.

– Не сезон им, – невпопад пробормотал он, будто оправдываясь. Спрятал нож и нелепо повёл руками, словно не зная, куда их девать. – Не сезон...

Он поддел башмаком остатки деревца и толкнул их в огонь.

– Что?

– Ты всё расскажешь мне, Рудольф, – сказал Жуга вместо ответа. – Всё про всё, ты понял?

Жуга не спрашивал, а произнёс это как нечто, не подлежащее сомнению, и старёвщик понял – да, расскажет. И не нашёлся, что ответить.

Травник между тем стащил с полки бутылку, выдернул с коротким «тым!» зубами пробку, помедлил и выплюнул её в камин – деревяшка вспыхнула спиртовым синим пламенем. Плеснул в стакан остатки самогона, покосился на раненого Бликсу. Снова, будто наяву, перед ним возникло видение огромных, горящих желтизной собачьих глаз, слепая темнота проулка, раскалённое жало паяльника, рассыпанные угли...

Часы на башне с натужной усталостью пробили час.

– Не сезон, – повторил Жуга и опустил взгляд. Стакан в его руке дрожал. – А так хотелось хоть немного пожить спокойно...

Он вздохнул и одним глотком опрокинул самогон в пересохшее горло.

* * *

Суета в доме старёвщика наконец утихла. Страж ворот ушёл. После ужина (забытая капуста разварилась в нитки) Жуга отправил Телли вместе с безобразником драконом спать наверх. Перебинтованного вдоль и поперёк лудильщика ещё раньше уложили в комнате Рудольфа – тот ради такого дела предоставил свою кровать. Старик вообще вёл себя сегодня на редкость странно, был хмур, рассеян, а на вопросы отвечал коротко и невпопад.

– У него хоть родичи есть? – спросил он травника.

Тот лишь пожал плечами; он был занят – варил на последней воде для раненого сонное питьё. Дрова в камине громко потрескивали, в трубе порывами завывал ветер. Надвигалось ненастье. Подбросив угля, Жуга убрал котелок с огня и уселся на коврик. Рудольфу стало не

по себе от позы травника – точь-в-точь так же днём сидел мальчишка. Травник долго молчал, покрасневшийся от водки и огня, ерошил пятернёй рыжие вихры. После недавней суматохи в доме было необычно тихо и тепло. Бесновался ветер за окном. Наконец Рудольф не выдержал молчания и первым начал разговор.

– О чём ты меня хотел спросить?

– Вот и я думаю – о чём, – хмыкнул Жуга. – Обо всём сразу нельзя, а выбрать что-то одно не получается.

– Раз так, давай хоть просто поговорим. Обо всём сразу.

– Что ж... Давай.

– Что за зверюга парня покусала?

– Собака, – помолчав, ответил травник. – Здоровенная такая псина. Чёрт знает, откуда взялась, – он с хрустом потёр подбородок. – Проскочила в ворота, только мы её и видели. А парень этот, видно, работал на улице, а как увидел тварь, вскочил, перепугался. Она на него и кинулась. Паяльником тут не отмахнешься... Мы, когда подросли, одного его там и нашли. У вас кто-нибудь тут собак держит? А впрочем, что я спрашиваю – откуда тебе знать.

– Вообще-то, знаешь ли, не держат, – отозвался старик. Голос его чуть заметно дрожал. – На кой сдалась собака в городе! Бродячая, быть может. Их тут полно по осени. А сам ты что об этом думаешь?

– Есть одна мыслишка, – нехотя сказал Жуга. – Но чувствую – не то. Не там ищу. А объяснить тебе, как надо, не сумею, даже не проси: всю ночь пришлось бы говорить, а всё равно не поймёшь.

– Ну, если ты так считаешь...

– Рудольф.

– Что?

– Как умерли твоя жена и дочь?

Старик дёрнулся, будто его ударили. Синие посоловевшие глаза Жуги смотрели на старёвщика в упор, не мигая, и тогда Рудольф сам отвёл взгляд.

– Дознался-таки, – пробормотал он. – Откуда? Впрочем, ясно. Людвиг разболтал? Людвиг... – покивал Рудольф и закусил губу. – Что ж, верно. К стенке ты меня припёр, рыжий. Отпираться не стану. Загрызли их. Вот так же, как сейчас этого. Никто не видел и не знает, кто и как.

Травник не ответил.

Холодный ветер налетал упругими порывами, дождём стучал в оконное стекло, царапал черепицу. Огонь в камине дёргался, плясал, дым из трубы короткими клубами вышибало в комнату. Жуга ругнулся. Задвижки, как у деревенских печек, над камином не было. Открытый огонь очень быстро согревал помещение, но чтобы долго, всю ночь сохранять тепло – такого за камином не водилось.

– Надо ставни закрыть, – сказал он, вставая. – Как бы стёкла не повышибало...

Его слова прервал донёсшийся снаружи громкий треск, и в следующий миг дом сотряс чудовищный удар, будто некий великан с размаху саданул дубиной в крышу, словно в барабан. Что-то с шумом рухнуло на мостовую, окошко, выбитое веткой, заблестело зубьями осколков, с подоконника закапала вода. Рудольф и Жуга переглянулись и опрометью бросились к двери.

Выл ветер. Мокрой пеленой хлестал косой осенний дождь. Старое дерево, ещё недавно росшее у дома, рухнуло, разворотив корнями мостовую и едва не порушив дом.

– Это был самый старый тополь в Лиссе, – невпопад сказал Рудольф.

Жуга помедлил, отступил от дверей и привстал на цыпочки, пытаясь бросить взгляд на крышу. Памятуя, какой силы был удар, травник рассчитывал обнаружить там по меньшей мере дыру, но, к его удивлению, таковой не оказалось. И вообще, вся черепица выглядела целой

и лежала, где ей полагалось лежать, блестела под дождём как новая. Стены тоже, вроде, не пострадали. Единственным произведённым разрушением оказалось разбитое окно.

– Умели строить раньше... – покачив головой, пробормотал он и, слегка пошатываясь, направился обратно в дом. Рудольф, вооружившись топором, уже отсек злосчастную ветку и теперь затворял ставни. – Завтра стекольщику скажу.

– Зачем деньги тратить? – возразил Рудольф. – Досками забьём.

– Всё лучше, чем лишние свечи жечь.

Телли был внизу.

– Что стряслось? – спросил он. – Я чуть со страху не загнулся. Что это было?

– Дерево упало.

– Ой-ёй... Крышу пробило, да?

– Нет. Иди спать.

Жуга посмотрел мальчишке вслед, опустил глаза. Взгляд его упал на черепки цветочного горшка, и травник помрачнел лицом.

– Везёт нам на поломанные деревья, – словно прочтя его мысли, сказал подошедший Рудольф. – Может, потому я вас в дом к себе пускать и не хотел, боялся – вдруг опять всё повторится. Не зря, выходит, боялся.

Травник медленно кивнул:

– Выходит, что не зря.

Соломенный лис

«Выдернул бы ты у себя один волосок, если бы это могло помочь миру?»

Циньцзы

Утром следующего дня Бликса пришёл в себя, и Телли, который принёс ему питье, сразу позвал Жугу.

– А, это ты, – лудильщик слабо улыбнулся, заведя травника. – Здорово, Лис соломенный. А я-то думаю, кто меня так мастерски заштопал... Где я? У Рудольфа?

– Привет, Бликса, – Жуга кивнул, присел на край кровати, бесцеремонно задрал одеяло и осмотрел повязки на его ногах. Бликса тоже потянулся глянуть, но травник жестом остановил его: – Смотреть не советую. И вставать пока тоже не надо.

– Ну, ты даёшь! – возмутился тот. – А если по делу?

– Придумаем что-нибудь, не дёргайся. Что ты, в горшок не попадёшь, что ли?

Бликса хмыкнул, потёр подбородок и только теперь заметил, что рука его тоже в бинтах. Несколько мгновений он молча разглядывал плотный белый кокон, затем поднял взгляд на травника.

– Она меня... сильно погрызла? – голос его дрогнул.

– Суховязки целы, остальное заживёт. Вот, выпей лучше.

Бликса послушно глотнул из кружки и поморщился.

– Фу, гадость какая... Неужто нет чего получше?

– Пока не поправишься, я буду решать, что тебе пить, – оборвал его травник, и Бликса, давясь, осушил кружку до дна. Откинулся на подушку.

– Я, наверно, всю кровать кровью заляпал, – он вновь неловко заглянул под одеяло. – Чёрт-те что... Это ты меня подобрал на улице?

– Я и Людвиг. Стражник, у ворот который.

– А, знаю его. Дочка его раз мне кастрюлю вынесла лудить, а я возьми да ущипни её за это самое... В смысле дочку, а не кастрюлю. А тут и он идёт! Ка-ак хрясь меня алебардой по хребту...

– Собаку ты хорошо разглядел?

– Куда уж лучше! – раненого передёрнуло. – Эй, полегче! Моя нога-то, всё-таки... Разглядел, а как же. Вот такенная скотина, – Бликса показал рукой от пола. – Чёрная, мокрая, зенки – во! – как блюдца чайные. Набросилась, глаза горят, ужась! Только и успел ей в харю ткнуть паяльником: подмяла – и ну рвать. Больше ни хрена не помню. Думал, всё – капут пришёл, ан нет. Это что ж получается, как ни крути, я твой должник теперь? Слышь, Лис?

– Слышу, – травник сосредоточенно ощупывал правую ногу лудильщика ниже колена. – С долгами как-нибудь потом разберёмся. Так тоже больно?

– Терпимо...

– Значит, говоришь, просто так набросилась?

– Собака-то? Ну, да. Сижу я, значит, никого не трогаю, а она как выскочит, жаровню опрокинула... Слышь, Лис, а струмент, струмент-то мой где?

– Бросили. Не до того было.

– Как не до того? Как это не до того? Ах, чёрт... – Бликса суматошно подскочил и, сражённый болью, повалился на подушки. Закусил губу. – Куда я без него?

– Что-нибудь придумаем, – сказал Жуга и встал. – Короче, так: лежи смирно, если что, кричи, я накажу, чтоб мальчишка поблизости был. Тил его звать. Он же тебе и ноги перевяжет. Руку не трогай – сжёг ты руку. Ею я потом займусь.

И с этими словами травник поспешил к двери, ибо на улице уже скрипели колёса марковской бочки.

– Эй, вы! Алхимики чёртовы! Отравители посиневшие! – вопил в своей обычной манере водовоз, катя на них бочку меж разобранных завалов. – Воду брать сегодня будете или как? Ой, мать... Это чего тут у вас?

Упавший тополь почти перекрыл проезд, дверь едва открывалась. Лошадь Марка с меланхолическим спокойствием остановилась у поверженного дерева и дальше идти не намеревалась. Травник мимоходом сделал в памяти пометку – нанять кого-нибудь, чтоб разрубили тополь на дрова или хотя бы оттащили прочь. Пока Марк, ругаясь и пытаясь, таскал воду в дом, Жуга наставлял Телли, как в его отсутствие ухаживать за раненым.

– Возьмёшь свежих бинтов и тысячелистника – вон ту зелёную кашу в банке, видишь? Смажешь ею раны, перевяжешь наново. Смотри, чтобы узлом не закрутило. Туго тоже не завязывай – не бегать, не слетит... Так. Что ещё? А, да. Старые бинты – в бадью и замочи в сортире. Только воду не грей, а то кровь не отстирается. Всё понял?

– Всё, – кивнул тот. Помедлил и всё-таки задал вопрос, который, похоже, не давал ему покоя всю ночь: – Слышь, Жуга, а этот парень, что, так и будет теперь с нитками в ноге ходить?

– Выдернем потом.

– А ловко ты вчера его! Научишь меня одной рукой узлы вязать?

– Научу.

– А ты куда?

– А у меня дела. Я вечером вернусь. Дверь никому не открывай. И Рудольфу скажи, чтоб не открывал.

– А дверь-то чего?

– На всякий случай.

* * *

В надежде узнать хоть что-то о событиях вчерашней ночи, Жуга вознамерился пройтись по кабакам. Начать решил с «Сухого Вяза», о чём вскоре пожалел – публика там собиралась важная, богатая и большей частью не из местных. Кто и кого задрал на улице, их интересовало меньше всего. Разговоры промеж них шли всё больше про рыбу, про цены на рынке, про мародёров на дорогах и домашние дела. На рыжего нескладного парня в простецком кожухе и мятых штанах, заляпанных чем-то подозрительно бурым, посматривали косо. Без толку просядив пять менок, травник направился в «Синего Дракона», а оттуда – в «Башмаки».

– А, здорово, рыжий! – Томас улыбнулся, и на Жугу повеяло чесночным перегаром. – Давно тебя не видно было. Как делишки?

– Помаленьку.

– Выпьешь?

– Маленькую кружку.

Корчмарь склонился над бочонком.

– Слыхал я, будто лавку ты держишь теперь?

– Угу.

– И то, – одобрил Томас. – А чем торгуешь?

– Травами лечу.

– Эва! А случаем, не у Рудольфа?

– У него.

Кабатчик звонко шлёпнул себя по лысине:

– Так стал'быть, ты и есть тот соломенный Лис! А я гадал, кто такой...

– Какой ещё, к чёрту, соломенный Лис? – ответил травник раздражённо. – Жуга меня зовут!

– А, это да, оно, конечно, – закивал согласно Томас. – Да только если люди так зовут, что с меня-то взять...

Жуга помедлил и наконец решился.

– Слышь, Томас, может, ты слыхал краем уха... Что за псина бегает по городу? Большая, чёрная. Парня одного вчера погрызла ночью, ко мне его принесли.

– Это Бликсу-то? – насторожился кабатчик. – Как же, слыхал. А что он, жив? – Жуга кивнул. – Ну, стал быть, повезло. – Он помедлил. Сгрёб со стойки пустую кружку. – Вот что, рыжий, знаешь, что... Я в эти ваши с Рудольфом игры не играю. Сами натворили делов, так теперь свой зад и подставляйте, а меня не трожь, моё дело честное, я пивом торгую. Ещё налить?

– Не надо, – Жуга помолчал и полез в кошель. – Сколько я тебе должен?

– Свои люди, сочтёмся.

Как назло, у травника остался только талер. Томас высыпал на стойку горку медной мелочи. Жуга, не пересчитывая, скопом сгрёб её в кошель и двинулся к двери.

– Спасибо за пиво.

– Не за что. Поосторожней там с собаками своими.

Жуга остановился, будто ему выстрелили в спину. Обернулся медленно.

– Их... не одна?

– Не притворяйся дурачком, рыжий.

– Я не вызывал этих тварей, Томас.

Кабатчик криво усмехнулся. Поднял взгляд.

– А кто?

* * *

Когда Жуга в своих поисках добрался до «Красного Петуха», уже начинало темнеть. На постоялом дворе былолюдно. В кабаке тоже кучковался народ. Травник в который раз за день заказал пива, дождался, пока парень за стойкой не наполнил кружку, и достал из кармана монетку покрупней. Покрутил её в пальцах.

– Лудильщика Бликсу знаешь? – спросил он. Парень кивнул. – Вчера его собака задрала. Не насмерть, правда.

По тому, как равнодушно тот пожал плечами, Жуга решил, что для него это уже не новость. Он помедлил.

– Ты что-нибудь слыхал об этом?

Парень, не ответив, бросил на травника сердитый взгляд и хмуро принялся протирать кружки грязноватым полотенцем.

– Может быть, ты что-нибудь ещё слышал о собаках? – опять не получив ответа, травник подтолкнул к нему монетку. – Это очень важно для меня. Я мог бы заплатить...

Парень отставил кружку, повесил полотенце на плечо и щелчком отбросил монетку обратно.

– Отстань от него, – чья-то широкая ладонь легла травнику на плечо. Жуга обернулся. За спиной стоял Вальтер – хозяин «Красного Петуха».

– Оставь Пауля в покое, – повторил кабатчик, – он ничего тебе не скажет. Он немой. Всё слышит, но не говорит.

Травник невольно растерялся и замешкался.

– Что ж он не сказал... – неловко начал он и сбился. – А, чёрт... Ну, всё равно, мог бы показать хоть как-нибудь.

– Он не любит, когда ему напоминают, – Вальтер покосился на монетку, прилипшую к стойке, и потёр ладонью шрам на подбородке. Поднял взгляд на травника. – Что ты тут вынюхиваешь, а, Лис?

Жуга неторопливо глотнул из кружки.

– Это из-за тебя меня прозвали соломенным? – спросил он вместо ответа.

– Да. Из-за меня, – отрезал тот. – Ещё вопросы будут?

– Будут.

– На кого работаешь, рыжий? – хозяин постоянного двора прищурился.

– Ошибаешься, Вальтер, – Жуга покачал головой, – я не сыскарь.

– Оно и видно, – буркнул тот. – У сыскарей и кругляшки покрупней, и осведомители получше. И они знают, что разливала в «Красном Петухе» не из болтливых. Ну, что, так и будешь стоять и хвост мне крутить? Говори чего надо или пей своё пиво и выметайся. А можешь и то, и другое, и третье.

– Ты знаешь, что Бликса вчера чуть не сдох?

– Одним дураком больше, одним меньше, какая мне разница?

– А такая, – Жугу помаленьку начала разбирать нездоровая злость, – что следующим дураком вполне можешь оказаться ты, понял?

– Да что ты? – усмехнулся Вальтер. – Ой, боюсь! Ой, напугал! А ты, я гляжу, наглый, даром что соломенный... – он сделал знак вышибалам оставаться на месте. – Ну, допустим, понял. Дальше что?

– Меня интересует всё, что касается этих собак.

– Всё?

– Всё. Любые сплетни.

– Ну так и спрашивай у своего Рудольфа! – рявкнул Вальтер, наливаясь кровью. Громилы у дверей пришли в движение. Жуга почувствовал, что вновь коса нашла на камень: о загадочных собаках никто из горожан не знал, а если и знал, не хотел говорить. Как ни крути, всё упиралось в Рудольфа, а Рудольф молчал. Молчал, несмотря на гибель жены и дочери и добровольное десятилетнее затворничество. Тоже не знал? Или...

Или – что?

В этот момент дверь корчмы распахнулась, пропуская троих, одетых в одинаковые синие полукафтаны службы городского магистрата. Один держал в руке очиненное перо и свиток желтоватого пергамента с печатью на малиновом шнурке, второй был стражник при оружии, а третий просто шёл без ничего, зато щеголял в лоснящихся, отменной выделки, скрипящих кожаных штанах. Кабатчик сплюнул и переменялся в лице.

– Тьфу, чёрт, ещё и эти на мою голову! – он отмахнулся от травника, давая понять, что разговор окончен. – Всё, Лис, уходи: не до тебя сейчас.

– Пиво допью и уйду.

– Допивай.

Меж тем тот, что со свитком, успел уже свой свиток развернуть, встал посреди залы и откашлялся, прочищая горло.

– Приказом бургомистра, – начал он, – и по согласованию с гильдией Лиссбургских пивоваров мы, посыльный городского магистрата Редан Кокошка, подмастерье цеха пивоваров Марек Пемберзон и капитан городской стражи Фердинанд Альтенбах обычным порядком уполномочены по кабакам проверку учинить, дабы выяснить...

– Хорош болтать, упал, намоченный, – поморщился Вальтер. – В первый раз приходите, что ли?

– ...дабы выяснить, – невозмутимо продолжил тот, – хорошее ли пиво в городских трактирах подаётся и не разбавляют ли его хозяева с намереньем несправедливо нажиться. – Он кончил читать и свернул пергамент в трубочку. – Печать смотреть будешь, Вальтер?

– И так верю.

– Что ж, порядок ты знаешь, – Редан Кокошка повернулся к стойке и дал отмашку: – Пауль, наливай.

Тот нацедил из бочки кружку. Жуга с интересом наблюдал, как Марек – тот, что в кожаных штанах, отхлебнул первым, скорчил серьёзную мину и кивнул. Передал кружку Фердинанду. Пока другие двое пробовали пиво, Марек подтащил к стойке скамейку.

– Ещё кружку, – потребовал Редан. Пауль подчинился.

Посетители сгрудились вокруг. Зрелище происходящей «пивной проверки» всех изрядно веселило, не говоря уже о том, что напрямую затрагивало их интересы. На затёртую, отполированную бесчисленными задами выпивох скамейку вылили подряд три кружки пива, после чего Марек подобрал полы кафтана и с самым серьёзным видом на неё уселся. Со всех сторон посыпались шуточки.

– Ну и работёнка у парня. Дитель, ты поглянь, чего придумали!

– Это что ж, теперь пиво так пить полагается?

– А чё, в сам`раз... И закусь не нужна.

– И запаха не будет.

– И много так зайдёт?

– Кому как. Мыслию я, ведёрко засосёт на дармовщинку.

– Гм! Надо будет как-нибудь попробовать...

Толпа разразилась хохотом. Марек сидел с каменной физиономией, неподвижный, сосредоточенно считая про себя, пока наконец не решил, что прошло достаточно времени, и медленно принялся вставать. Прилипшая к штанам скамейка поднялась вместе с ним. Редан Кокошка удовлетворённо кивнул и что-то написал на пергаменте. Фердинанд Альтенбах и Марек Пемберзон тоже нацарапали внизу по крестик. Скамейку с липким треском от пемберзоновских штанов отодрали, после чего потребовали пива тёмного и всю процедуру повторили.

– Удостоверяю, – «уполномоченный» протянул пергамент Вальтеру, – что пиво в сём трактире подаётся свежее, светлое и тёмное, Хальсеновской варки, качеством удовлетворительное и неразбавленное.

– Стоило мороки, – буркнул кабатчик. – Спросили бы у людей.

– Дык спрашивали, – хмыкнул Марек, рыгнул и поморщился. – Тьфу, чёрт. Целый день ходим, скоро из ушей пиво польётся.

– Иной бы чёрту душу заложил за этакую должность.

– Это как посмотреть. Пивко в охотку хорошо, а по работе пить – маета одна. Ну ладно, бывай.

– Бывай и ты.

Сопровождаемая беззлобными насмешками, троица проверяющих прошествовала к выходу. Дверь за ними закрылась. Воодушевлённые результатом проверки, посетители по двое, по трое задвигались к стойке.

– Мне светленького налей.

– Плесни и мне кружечку, Пауль.

Вальтер повертел в руках пергамент, обернулся и встретился взглядом с травником. Жуга отхлебнул из кружки и с понимающим видом ухмыльнулся:

– Лакрица?

Кабатчик помедлил, прежде чем ответить.

– Больно умный ты, Лис, – сказал он наконец. – Не боишься, что побью?

– А я соломенный, – с усмешкой глядя Вальтеру в глаза, сказал Жуга. – Но со смолой. Как тот бычок. Смотри, не прилипни.

Он поставил на стойку опустевшую кружку, пришлёпнул рядом менку.

– Поговорить надумаешь, – сказал он, – знаешь, где меня искать.

И с этими словами повернулся и ушёл.

* * *

До дому травник добрался уже вечером, расстроенный, злой, раздувшийся от выпитого пива, и долго стучался в дверь, прежде чем его впустили.

– Вы что, с ума посходили? – сказал он, входя. – Полчаса стучу.

– Ты сам сказал, никого не пускать... – пролепетал Телли.

– Но я же не себя имел в виду!

– Так я ж не знал, что это ты!

– Спросить-то можно было, – Жуга закрыл дверь и повесил козух на гвоздь. Взъерошил волосы рукой. – Повязки поменял?

– Поменял.

– Не загноились раны?

– Вроде, нет.

Травник подошёл к камину. Приподнял крышку, заглянул в котёл.

– С обеда не осталось чего?

Рудольф покачал головой:

– Нет. Всё подъели. Нас же четверо теперь.

– Я хотел на рынок сбегать, да деньги кончились, – прибавил Телли. – Ты дал бы, что ли, а то с пустым брюхом спать придётся.

– Придётся, что поделать, – хмыкнул травник: – Куда сейчас пойдёшь, на ночь глядя?

– Места надо знать, – ухмыльнулся мальчишка. – У Франца Хальфа лавка дотемна открыта. И пекарня там рядом, а хлеб завсегда с ночи пекут. Тесто, небось, уже подошло... Давай, короче.

Жуга устал и потому предпочёл не спорить, молча вынул кошелек и отсчитал в подставленную ладонь пяток медяков. Замешкался, рассматривая одну монетку, нахмурился и сунул её обратно. Достал взамен другую.

– На. Купишь хлеба и колбасы.

– Кровавой?

– Ливерной, она дешевле. Да поосторожней там, слышь? Не нарывайся.

– Я быстро.

Телли оттолкнул вертевшегося под ногами Рика и умчался, только дверь хлопнула. Жуга помедлил, сел и высыпал на стол содержимое кошелька. Разложил монеты по ранжиру. Здесь были только менки: пфенниги, патары, турецкие гроши, шляхетские гроши и полугроши, кельнские денарии, орены и геллеры, и даже парочка неведомо как затесавшихся сюда турецких динаров с дырочкой посередине, как у медальона, – причудливая денежная смесь, имевшая хождение в Лиссбурге. Последней Жуга вынул монетку, которая привлекла его внимание. Поднёс её поближе к пламени свечи и вновь нахмурился.

Странный медяк не походил ни на что, начиная хотя бы с того, что монетка была не круглой, а семиугольной. На одной стороне была выбита в профиль бородастая голова на фоне гнущегося трезубца, другую сторону сплошь покрывали письмена. Читать Жуга умел плохо, но всё же, сравнивая с прочими монетами, не обнаружил среди надписей ничего похожего. То были даже не буквы, а нелепая путаница угловатых чёрточек и точек. Не походило это и на арабскую вязь, вдобавок, травник слышал краем уха, будто ислам запрещает изображения людей где бы то ни было. Он перевернул монетку и вновь вгляделся в резкий скуластый профиль на другой стороне. Как ни крути, а это всё-таки была голова.

Почему-то травника не покидало ощущение, что подобные монеты он уже видел. Жуга отложил монетку и потёр глаза. Голова была тяжёлая, хотелось спать – поход по кабакам во всех смыслах не прошёл для него даром. Быть может...

– Рудольф, – окликнул травник старика.

– Что? – поднял голову тот.

– Помнишь, ты убрал в кладовку вещи сверху? Там была коробка. Чёрная, в две ладони шириной.

Старьёвщик помедлил.

– Не помню. Может, и была... Погоди, сейчас взгляну.

Он встал, взял свечку и ушёл в чулан, с минуту шумно там возился, передвигая разный хлам, и вскоре появился вновь, неся в руках лакированную, всю в царапинах шкатулку.

– Эта?

– Да, – Жуга кивнул, открыл крышку и сразу понял, что память его не подвела: среди резных безделушек лежали две монеты. Старые, покрытые зеленоватой патиной, но в точности такие же, как та, что на столе. Рудольф и Жуга переглянулись.

– Откуда они у тебя? – спросил травник.

– Да разве ж я вспомню, – пожал плечами Рудольф. Потёр ладонью подбородок. – Должно быть, вместе со шкатулкой и купил когда-то.

– Хм... – Жуга помедлил, заглянул в шкатулку и вытащил оттуда резную фигурку. Повертел её в пальцах и поставил на стол.

– А это что такое?

Тяжёлая, изжелта-белой кости статуэтка изображала воина и высотой была примерно с палец. Указательный. Работа была мастерской – нож резчика с дотошностью изобразил и меч, и шлем, и прочие детали амуниции, даже звенья кольчуги. Плечи и спину скрывали складки длинного, до пят, плаща. Черты маленького лица поражали тщательностью отделки, а самые мелкие детали – брови, ноздри, зрачки были выжжены железом. Несмотря на это, сосредоточиться на нём Жуга не смог. Лицо было как будто знакомым, и в то же время мастер ухитрился вырезать на редкость неприметную персону. Сквозь полупрозрачную кость просвечивало пламя свечи. Заинтригованный, Жуга отставил статуэтку в сторону и потянул из шкатулки следующую. Рудольф следил за ним с не меньшим интересом.

На сей раз это была ладья. Под вздутым парусом, на круглой маленькой подставке, она, как и воин, тоже была вырезана с исключительным старанием.

За костяной ладьёй последовал дракон. Длинношей, чуть пригнувшийся и свивший хвост кольцом. Зубастая пасть распахнута в атаке, хребет, макушка головы и холка щетинились остроконечным гребнем.

Четвёртая фигурка вновь изображала человека. Он был безоружен, почти на голову ниже первого ростом и довольно просто одет. Его лицо, несмотря на тонкую резьбу, отличалось той же размытостью черт, что и у воина.

Травник хмыкнул, вытряхнул на стол последнюю оставшуюся в шкатулке фигурку и вытирает глаза.

– Чёрт! – невольно вырвалось у него.

– Где? – Рудольф, подслеповато шурясь, нагнулся к столу. – А... Это не чёрт. Это лис.

* * *

Три мальчишеские фигурки возникли возле выхода из полутёмного кривого тупичка совершенно неожиданно, и Телли произвольно перешёл на шаг, а затем и вовсе остановился. Шагнул назад. Сердце его бешено заколотилось. Он огляделся по сторонам и понял, что «нарвался».

Трое не спеша двинулись вперёд, и вскоре желтоватый отсвет фонаря выхватил из темноты ухмыляющиеся рожи Отто и двоих его неизменных приятелей.

– Гля, пацаны, – всю изображая удивление, воскликнул Отто-Блотто, – снеговик ползёт! А вроде, не сезон...

– Точняк, не сезон, – подтвердил тот, что пониже, со щербинкой на передних зубах. Сплюнул. – Да и не место.

Телли так и прозвал для себя этих трёх корешей – Отто-Блотто, Рябой и Щербатый. Последних он не знал по именам, да по большому счёту ему было всё равно.

– Я ж говорил тебе, чтоб ты не лазил, где не надо, – кулаки в карманах Отто лениво зашевелились. – Говорил али нет, а, мельник?

– Я не мельник, – буркнул Телли, отступая в глубь проулка и придерживая сумку с колбасой и булкой.

– А кто иначе, коли вся башка в муке? – хохотнул второй, с избитой оспинами рожей. Протянул руку за сумкой. – Он самый, энтот, значит, му... мукомор и есть...

– А моёт быть, маляр? – сострил Щербатый.

– Ну-ка, дай мешок.

Рябой не дрался без свинчатки. Телли чуть помедлил и нехотя скинул заплечную лямку. Перед его глазами вдруг возник Жуга – память услужливо и, как всегда в момент опасности, с необычайной резкостью оживила события двухнедельной давности, когда Жуга, поддавшись уговорам, принялся-таки учить мальчишку, как давать отпор.

«Понимаешь, – говорил травник, – твоя беда в том, что ты боишься. А в драке нет смысла попусту бояться. Если ты боишься – тебя побьют. А если не боишься, то, конечно, тоже побьют, но страшно уже не будет. А значит, сможешь дать сдачи. И помни: те, кто бьют втроём одного, всегда его боятся, а иначе вышли бы один на один».

Послушать, так сплошное развлечение... Телли в сомнении поднял взгляд.

И эти вот его боятся? Что-то не похоже...

«Ты скорый на язык, – говорил Жуга, – вертлявый и соображаешь быстро. Полено, вон, тогда поймал на мах... Не получилось убежать – хитри, играй, кружись. Их же трое. Ты знаешь, как ударишь и куда, а вот они чёрта с два, даже друг про дружку! Обзови их, что ли... Разорви рубаху, в розжу плюнь, заставь их растеряться. Делай суматоху! Понял?»

«Понял», – Телли кивнул.

«Ни черта ты не понял, – усмехнулся травник, вставая. – Давай учиться».

В руках у Щербатого мелькнула короткая толстая палка. Известное дело – Канава пустым кулаком не дерётся. Телли понял, что дело плохо, и...

Шагнул вперёд.

– Что, – простодушно хлопая глазами, спросил он Щербатого, – палочкой меня бить будешь? – Голова его нелепо дёрнулась, и Телли, по какому-то наитию не сменив интонации, повторил, как нелепое эхо: – Палочкой меня бить будешь?.. Палочкой меня бить будешь?..

– Эй, ты чё... – Щербатый, растерявшись, отступил.

«Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать: «Руки прочь от меня!» Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть?! Что будут стоить тысячи слов, когда важна будет крепость руки?»

Тил бросился вперёд, но бить Щербатого не стал. Заместо этого на полпути рванулся к Рябому (тот как раз залез по локоть в сумку) и врезал ему по зубам. Удар получился несильный, вскользь, но совершенно неожиданный, Рябой не удержался на ногах и плюхнулся на мостовую, выронив мешок.

– Ах, ты... – Отто рванулся вперёд и чуть не столкнулся со Щербатым. Завертел башкой. – Хватай его, Румпель!

– Я... хак!..

Локоть Телли врезался Щербатому под дых. Тот хватанул губами воздух и согнулся пополам. Телли вывернулся, вскрикнул от боли, отпрыгнул к стене (*«Со стены не нападают»*) и быстро оглядел всех троих (*«Не теряй врага из виду! Никогда!»*). Драка, похоже, переходила в самую опасную стадию – противники опомнились. Можно было попытаться убежать, но колбаса... и хлеб...

Телли стиснул зубы.

– Ну, гад, – прошипел Отто, – ну, ёжик, ты меня достал...

– Сам ты ёжик!

Телли рванулся (*«Делай суматоху!»*), подхватил валявшийся на мостовой осколок черепицы и запустил им в фонарь. Попал, и не успел ещё затихнуть звон разбитого стекла, как Телли, не вставая, бросился вперёд. Холодный ветер мигом затушил фитиль, из освещения осталась одна луна. На растерявшуюся троицу посыпались удары (*«Ступня, колено, голень, пах, дыхалка!»* – голос травника звучал в ушах. – *«Не трать сил попусту, бей туда, где больно!»*). Кто-то пнул и промахнулся. Другой попал, но потерял равновесие, взвизгнул и упал, хватаясь за промежность. Выронил свинчатку.

– Ы-ы, гадюка-а-а!

– Не трожь! – Телли прыгнул, оседлал упавшего Щербатого, наступил ему на руку и вырвал из пальцев дубинку. Замахнулся: – Изувечу!

– А-а!

Двое оставшихся насели на него, подмяли и отпрянули, вдруг обнаружив, что колотят не того.

– Чёрт!

– Мамочки, как больно...

– Это ты! А этот где?

– Уй, мамочки... – стонал Рябой.

– Вон он!

Отто обернулся.

Телли стоял над ними и бежать, похоже, не собирался. Подражая травнику, мальчишка медленно повёл в воздухе концом дубинки и замер.

– Ещё добавить или хватит? – осведомился он. Голос его слегка подрагивал и должного эффекта не произвёл, но заставил троих призадуматься.

– Ну, гнида...

Телли без замаха, что есть силы заехал Отто палкой по спине. Тот взвыл и повалился на бок.

– Меня звать Телли, – сказал он, отступив на шаг. Голос его звенел. – И я буду ходить там, где захочу, ты понял?

– Понял... – проворчал хозяин Блошиной Канавы, потирая спину.

– Ни черта ты не понял, – Телли, как ему казалось, с очень грозным видом плюнул, перехватил трофейную палку под мышку, подобрал мешок и скинул его на плечо.

Стукнула дверь пекарни. Фридрих – подмастерье булочника, парень рослый и усатый, но худой, как привидение, и такой же белый от муки, выглянул и осмотрелся по сторонам.

– Фонарь расколотили... – охнул он и, разозлённый, кинулся к мальчишкам. В руке его, откуда ни возьмись, появилась тяжеленная дубовая скалка.

– Я вас, сукины дети!..

Все четверо, включая Рябого, пустились наутёк.

И в этот миг на улице возникла собака.

Телли первым заметил её, взвизгнул, бросил палку, сумку и помчался, не разбирая дороги. Налетел в потёмках на фонарный столб, упал, отполз к стене и скорчился. Фридрих ахнул, метнулся обратно в пекарню. Обронённая скалка с сухим перестуком покатилась по

брусчатке. Отто и компания разбежались кто куда. Рябой, несмотря на ушибы, попытался вскарабкаться на фонарь, периодически съезжая, оглянувшись и припустил за остальными, дико вереща.

Телли остался один.

Собака приближалась. Громадная, серебристо-серая, она бежала совершенно бесшумно, лёгким собачьим галопом, и почему-то со стороны тупичка, откуда не было, не могло быть выхода. Огромные глаза её горели в лунном свете, словно два зелёных огонька. Телли хотел зажмуриться и не смог, парализованный страхом, лишь сидел и смотрел, как чудовищная тварь поравнялась с ним и... промчалась мимо.

Даже не взглянула на него.

В зубах она несла кошель.

* * *

Травник видел бег.

Он чувствовал движение меж сдвинутых домов – работу гибкого, хищного тела. Он мчался сквозь моросящий дождь, в холодном свете убывающей луны, изжелта-бледной, скрытой облаками, похожей на истёртую монету. Лицо на монете смеялось. Дома, ворота, фонари. Чужими глазами всё виделось необычайно ясно, словно днём. Он мчался. Он бежал. Потому что...

Ещё он видел человека с саблей, в красном с серебром кафтане, человека, которого он почему-то ненавидел, ненавидел люто, страшно. Ненавидел, но не мог с ним справиться. Потому что...

Ещё он видел дверь, обшарпанную стойку с кружками, солому на полу и темень за окном. Горел фонарь под потолком. Короткие толстенькие пальцы с многолетней сноровкой тасовали медные кружочки, тишину закрытой корчмы нарушал приятный, еле слышный звон. Кабатчик подсчитывал дневную выручку. Губы его шевелились. Серебро проворные пальцы убирала подальше. Медяшки звякали. На краткий миг взгляд травника выхватил в их потоке странную семиугольную монетку. Ещё одну. Ещё. Кабатчик не обратил на них внимания и продолжил считать.

Неожиданно раздался стук в дверь.

– Кто там? – окликнул кабатчик и помолчав, добавил: – Закрывается уже!

Вместо ответа поскреблись ещё раз. Тихо, осторожно.

– Чтоб тебя... – ругнулся тот. Сгрёб монеты в кошелёк. В дверь снова постучали. – Слышу, иду!

Он обошёл стойку. Из крайней бочки капало, кабатчик машинально прикрутил недозакрытый краник. Помедлил, подобрал мясницкий нож, засунул его за пояс и направился к двери. Посмотрел в окно, но кроме темноты и собственного отражения в чёрном стекле ничего не увидел.

Отражение...

Жуга попытался закричать, но не смог. Потому что...

Снова стук. Шаги.

– Да иду же! Вот же чёрт, принесла нелёгкая кого-то на ночь глядя...

Короткие пальцы коснулись холодного металла, и старая погнутая щеколда медленно поползла в сторону.

И тогда Жуга закричал.

* * *

Водоворот дурного сна нахлынул, затянул, сомкнулся вихрем брызжущей слюны, захлебнулся беззвучным криком и исчез. Как перекишавшая брага вышибает днище у бочонка, как разгибается лук, запуская стрелу, так и травника выбросило из сонного небытия. Он заполошно вскинулся и тупо уставился на стол перед собой, на вплавленные в мутную лужицу растёкшегося воска три угловатые монетки. Огляделся. В доме было тихо. Свеча в поставце догорела до самой розетки. Рудольф дремал в кресле у камина. Дракончик скулил, отчаянно царапая дверь в попытке выбраться.

– Тил? – позвал травник.

Ответа не последовало.

Услышав имя хозяина, Рик заскребёлся ещё сильнее. Жуга поморщился, потёр виски. Обрывки сновидений наплывали друг на друга, путались, терялись. Таяли. Он снова слышал стук, бежал по улицам, подсчитывал выручку, кричал: «Слышу, иду!», отодвигал засов, не зная, что за нею...

А что за нею?

Обычно травник не имел привычки спать ни днём, ни даже вечером, по опыту зная, что потом проваляется полночи в напрасных попытках уснуть и утром встанет разбитым. Только пиво смогло сморить его, пока он размышлял над своими находками. Пять костяных фигурок по-прежнему стояли на столе.

– Телли! – уже громче позвал он и вновь не получил ответа. Предчувствие беды усилилось. Травник ругнулся и потянул с гвоздя кожих. Свеча мигнула, ярко вспыхнула в последний раз и погасла. Разбуженный дракошкиной вознёй, проснулся Рудольф.

– Который час? – спросил он. Отблеск угасающих углей ложился на его лицо нелепой движущейся чёрно-красной маской. Как будто отвечая на его вопрос, далёкий колокол на башне отрывисто ударил один раз и смолк. Рудольф и Жуга встревоженно уставились друг на друга.

– Телли ещё не приходил?

– Нет...

– Чёрт... – Жуга скрежетнул зубами и заметался, разыскивая шапку. Не нашёл, махнул рукой и схватил свой посох. – Непоседа. Я ж предупреждал!

В этот миг в дверь заколотились.

– Откройте, это я! – кричал заполошно ломкий мальчишеский голос. – Откройте!

Весь мокрый, в грязи, Телли ворвался в дом, будто за ним гнались черти. Захлопнул дверь, задвинул засов и без сил опустился на пол.

– Тебя, что, опять побили? – Жуга с опаской посмотрел на дверь, но всё, вроде, было тихо. Телли помотал головой и протянул ему сумку.

– Там... – всхлипнул он, – я вид... я видел...

Он заплакал.

– Ну? – травник присел и отпихнул в сторону дракона, который уже проявлял к сумке недвусмысленный интерес. – Что случилось? – он встряхнул мальчишку за плечи. – Да говори же! Что ты видел?!

Телли не отвечал.

...Удар, прыжок из темноты, горящие глаза, короткий визг, падение, разодранная плоть, мокрый шорох соломы под ногами... кровь бьёт фонтаном из разорванных артерий, запоздалый взмах ножа и крик, крик, крик – отчаянный, безумный, переходящий в бульканье и хрип...

Жуга пошатнулся и схватился за косяк. Прикрыл на миг глаза.

– Что ты видел? – повторил он свой вопрос, уже зная, что услышит.

– Собака... – выдавил мальчишка, глотая слёзы.

Телли смог сказать всего одно слово, но и этого хватило, чтобы у Рудольфа забегали мурашки по спине.

А через миг мальчишка взглянул на травника и вдруг забился в судорожном крике:

– Не смотри на меня! Не смотри на меня так!!!

* * *

Редко когда в своей жизни Жуга бежал так быстро, хотя прекрасно понимал и знал, что не успеет. Знал, понимал – и всё равно бежал, разбрызгивая лужи, срезая путь кривыми переходами дворов. С разгону налетел на целовавшуюся в подворотне парочку – девица взвизгнула, парень выругался и схватился за нож, но Жуга уже исчез за поворотом. Город кружил, петлял, запутывал дорогу паутиной узких переулков, городил на пути баррикады развалин. Неровная брусчатка мостовой блестела каплями недавнего дождя. Было стыло и холодно.

Он опоздал.

У «Двух Башмаков» гомонил народ. Горел фонарь. Холодея сердцем, травник протолкался сквозь толпу.

– Что стряслось?

– Хозяина порешили, – с весёлым возбуждением охотно сообщили ему. – За стражей уже побёгли.

– А за лекарем?

– На кой за лекарем? и так подохнет... Чё ты пихаешься?! Ща как пихну...

– Заткнись!

В голосе травника было что-то, отчего словоохотливый зевака заткнулся и поспешно уступил дорогу.

У самой стойки лежал Томас. Травник протолкался сквозь вонючую, пропахшую пивом и страхом толпу и содрогнулся.

– Яд и пламя...

Такого он не видывал давно. Кабатчик ещё дышал – залитая красным грудь прерывисто вздымалась и опадала. Разодранное горло пенили пузыри, среди лоскутьев мышц и жил синевато и страшно блестели оголённые кольца трахеи. Руки до плеч покрывали укусы, рваные, с махрами содранного мяса; в их глубине белела кость. Кровь судорожными толчками била из разорванных вен, заливая пол неровной лужей. Люди в корчме стояли молча, переминаясь с ноги на ногу. Никто не решился подойти к лежащему, переступить неровный круг света от старого фонаря, висевшего как раз над ним, будто это могло навредить.

Никто, кроме Марты.

Травник впервые воочию увидел эту женщину, ту самую Марту, что вечно была на кухне и так смешно боялась мышей, коренастую, широкобёдную, с морщинистыми сильными руками, изъеденными бесконечной стиркой и мытьём посуды, руками, которые сейчас поддерживали голову Томаса. Она была единственной, кто не ушёл, не оставил его в беде.

Жуга шагнул вперёд. Марта подняла голову. В глазах её отразился ужас.

– Не подходи! – взвизгнула она и снова разразилась рыданиями. – Не тронь, не смей!

Травник опустил на колени, протянул руку.

– Я хочу помочь, – тихо сказал он.

– Уходи!

Не слушая её, Жуга стянул ремень и принялся накладывать жгут.

Глаза кабатчика открылись, нашарили травника.

– А, Лис... – прохрипел он. Содрогнулся в судорожном кашле. В горле его забулькало, струйка крови стекла изо рта на рубаху. – Доигрался... Пришёл... посмотреть?

– Это не я, Томас, – сказал Жуга. Голос его был на удивление твёрд и спокоен. – Кто-то другой натравливает собак.

– Какая... разница... теперь... – слова текли мучительно и медленно, как воск со свечи. Марта плакала, теперь уже беззвучно.

– Молчи, береги силы.

– Силы? Толку... умираю...

Кто-то сдавленно икнул и рванулся к двери, не выдержав зрелища. Ему уступили дорогу, ещё и дали пинка напоследок, чтоб не лез впредь, коль брюхом слаб. Народ в корчме молчал, лишь изредка проносился по рядам тревожный шепоток.

Жуга перетянул кабатчику жгутом руку выше локтя, взялся за вторую. Осторожно тронул растерзанную шею и замер в нерешительности. Так же осторожно оттянул края раны, взгляделся в кровавое месиво. Взгляд его помрачнел.

Надежды не было.

Если бы сонная артерия осталась незадетой, если бы кто-то чуть раньше додумался перетянуть ему вены, если бы Жуга бежал быстрее, если бы, если бы, если бы... Всех пальцев на руках не хватит сосчитать эти «если бы». Смерть приближалась к Томасу неотвратимо, семимильными шагами, и ей не было дела до людей, которые встанут на её пути. Ничто человеческое не могло здесь помочь.

Ничто.

Человеческое.

Жуга помедлил, собираясь с мыслями.

Он мог помочь кабатчику. Мог, но для этого пришлось бы вновь вернуть всё, от чего он, казалось, навсегда избавился, вернуть свой дар, своё проклятие, всё, что вело его, тащило за уши по злым дорогам спятившей судьбы всего лишь год тому назад, и шрамы на теле, в душе и в сердце ещё не успели зажить. Чем это могло обернуться, травник мог лишь гадать, а выбор – его выбор лежал сейчас на полу, хрипел разодранным горлом, отсчитывая каплями кровавой клепсидры последние минуты бытия.

Травник закусил губу. «А так хотелось хоть немного пожить спокойно...»

Он уже знал, какое примет решение. В любом случае медлить было нельзя – гораздо проще исцелить живого, чем оживлять умершего.

Жуга встал и быстрым взглядом окинул толпу.

– Ты, ты и ты, – окровавленным пальцем указал он на троих, стоявших впереди, – бегите на кухню. Несите воду, всю, какую найдёте. Быстро! – рявкнул он, заметив, что те не спешат. Толпа встревоженно загудела, когда травник повернулся к ней: – Остальные все вон!

Он помедлил и на краткий миг закрыл глаза, ощущая в пальцах колющий холодок серой магической мощи.

Смерть пришла и встала на пороге.

– Вон!!! – заорал он.

Толпа шарахнулась к выходу.

* * *

В просторный зал корчмы под «Красным Петухом» Жуга ворвался как ядро из катапульты. Вздёрженный, в разодранной рубахе, выпачканной кровью, он хлопнул дверью так, что с потолочных балок посыпалась сажа, и сразу, без слов направился к занавеске, за которой обычно сживал хозяин. Один из вышибал метнулся, чтоб остановить, ухватил за плечо. Затрещала рубаха. Жуга, не замедляя шага, потянул его за руку на себя, слегка присел, толкнул ладонью в грудь, и вышибала с грохотом и треском покатился по полу, сметая лавки и столы.

Выражение его лица было самое что ни на есть растерянное. Посетители заоборачивались, кто-то выругался.

Жуга прошёл через весь зал и остановился у стойки.

– Что за шум? – Вальтер возник на пороге, огляделся и только теперь заметил травника. – А, это ты... Что на этот раз?

– Всё то же, – травник навалился на стойку. – Поговорим, Вальтер?

Поверженный вышибала выбрался из-под груды обломков и снова подскочил к Жуге. Занёс руку для удара.

– Фриц! – коротко и хлётко бросил Вальтер. Громила задержал кулак и вопрошающе глянул на хозяина. – Ты мне больше не нужен. Я тебя увольняю.

– Но...

– Расчёт получишь завтра. – Вальтер повернулся к травнику, который за время этой сцены даже не дрогнул, и молча оглядел его с ног до головы. – А ты, я вижу, не утомился. Чего надо?

– Всё, что ты знаешь о собаках. Не притворяйся, будто ты ни при чём.

– А мне и не надо притворяться, – хмыкнул тот, – я ничего о них не знаю.

– Вальтер, не дури. Сегодня вечером задрали Томаса из «Двух Башмаков». – Было видно, как Вальтер побледнел, несмотря на всю свою выдержку. Жуга подался к кабатчику. – Он что-то знал. И ты знаешь, но молчишь.

– Я ничего не знаю.

– Врёшь!

– Убери руки!

Кабатчик ничего не успел предпринять: стоявший у стойки худой парнишка в короткой синей куртке резко развернулся, в воздухе мелькнуло лезвие меча и вонзилось в стойку, туда, где мгновение назад лежала ладонь травника. Жуга проворно отскочил, увернулся. Меч свистнул раз, другой, и противники замерли друг напротив друга.

– Ещё раз дёрнешься, гадёныш, и я тебя прибью. Ты понял?!

Травник поднял взгляд.

Перед ним была женщина. Рыжеволосая, поджарая, в мужской одежде, похожая на дикую растрёпанную кошку. Меч в её руках слегка подрагивал.

– Что там, Беата? – окликнул их кто-то из компании, сидевшей у камина. Высокий мужчина поднялся и направился к ним. – Вот те раз! – он выпучил глаза. – Да это же Лис!

– Знаешь его? – Беата бросила короткий взгляд на подошедшего, но меч не убрала.

– Чёртова задница, знаю ли я?! – возмутился тот. – Я ж те толкую – этот паря мне огниво продал! Ага. Да опусти железку, слышь! Давай, Лис, подсаживайся к нам, не обидим.

Травник молча смотрел на Эриха, наряженного в новенький, расшитый серебром по красному полукафтан. У пояса, набитого в три ряда большими медными бляшками, висели сабля и тугой кошель. Дружки солдата – трое у камина, забеспокоились, один встал и двинулся к стойке. Этот был длинноволос, ростом пониже Эриха и одет во всё серое. Его узкое породистое лицо немного портили на удивление густые брови. На поясе у незнакомца был меч, голенище высокого сапога для верховой езды оттопыривала рукоять кинжала. Левый глаз едва заметно дёргался.

– Что за фрукт? – он кивнул на Жугу. Голос его травнику не понравился.

– А? – Эрих завертел головой. – Да помощник Рудольфов. Помнишь, я те говорил? – он снова повернулся к травнику: – Так ты идёшь, нет?

Жуга молчал. Ему было над чем подумать.

От одежды всех троих едва ощутимо тянуло острым характерным запахом, которого травник не чуял уже много месяцев, но узнал мгновенно – запахом жжёной конопли.

За столом у камина курили гашиш.

– Нет, – сказал он наконец. – Недосуг мне сегодня. В другой раз.

Беата, помедлив, убрала меч в ножны. Фыркнула и отвернулась.

– Ну, как знаешь, – Эрих порылся в кошельке, ухватил травника за руку и шлёпнул ему в ладонь монету. – Держи, приятель. Выпей за наше здоровье. Ну, бывай!

Все трое направились к столу, посчитав инцидент исчерпанным. Травник молча посмотрел им вслед, опустил взгляд.

На ладони его лежала монета. Толстая, чуть потемневшего серебра.

На семь углов.

* * *

Бликса уже почти заснул, когда внизу гулко стукнула дверь. Старая лестница закрипела.

– Жуга, ты? – окликнул он.

– Я.

Последние трое суток стараниями травника и его ученика лудильщик спал. Раны его медленно, но верно заживали, и лишь правая нога внушала некоторые опасения. Впрочем, Жуга сказал, что хромоты не будет, и Бликса склонен был ему верить, хотя его порой так и подмывало выплеснуть приносимую Телли зеленоватую бурду в ночной горшок от греха подальше.

Травник пристроил свечу на табуретке и сел на край кровати. Помолчал. Одежда его была в крови.

– Ты... – лудильщик приподнялся и осёкся. – Что случилось?

– Сегодня напали на Томаса, – устало ответил тот. – Тоже собака.

– Томаса? Какого Томаса? Постой, – Бликса сморщил лоб и ахнул: – Который в «Башмаках»? – Жуга кивнул. – Он... жив?

– Надеюсь, выживет. Ему досталось гораздо сильнее, чем тебе.

– Иисус Мария... Куда уж сильнее?

– Послушай, Бликса, – медленно проговорил Жуга, – мне нужна твоя помощь. – Он порылся в кармане и достал две медные семиугольные монетки. – У тебя, случаем, не было... таких вот?

– Была одна. В мешке осталась. А откуда ты знаешь?

– Не важно, – Жуга нахмурился. – Так. Ещё вопрос: ты знаешь Эриха?

– Какого Эриха?

– Он выглядит... выглядел, как кнехт. Высокий, лысоватый, «чёртовой задницей» всё время ругается. С ним ещё парнишка мог быть, такой длинноволосый, в сером, повадки у него, знаешь, такие... – травник повёл рукой движением, от которого лудильщику стало не по себе, покачал головой и закончил непонятно: – Нехорошие повадки.

– Эрих Штауфер, – кивнул Бликса. – Если только я ничего не путаю, это он.

– Кто он такой?

– Наёмник. Мелкая сошка. В последнее время с обозами ездил, в охране.

– А второй? У него ещё родинка вот здесь, – Жуга коснулся левой щеки возле уха, – и говор не местный. Девка ещё с ними. Рыжая, с мечом.

– О, чёрт... – Бликса подобрался. – В какое дерьмо ты вляпался, Лис? Надеюсь, ты с ними не повздорил?

– Ты знаешь их?

– Кто ж их не знает! Хуго и Беата. Хуго – наёмный убийца, говорят, из разорившихся дворян. Мечом работает, как бургомистров писарь пёрышком – без кляксов, прозвище у него – Шнеллер. Его ещё Гиеной прозывают.

– Гиеной? – Жуга заинтересованно поднял голову. – А что значит – гиена?

– Не знаю, – Бликса пожал плечами, – но звучит паршиво, согласись.

– У девки тоже кличка есть?

– Да. Есть. Пиявка. Но не советую тебе её так называть. Она при Хуго как бы на подхвате, а на самом деле вертит им, как кот хвостом. Они не из местных, им на всё плевать, берутся за любую работу, лишь бы платили. Чего ты с ними не поделил?

– Что ж... – Жуга помедлил, словно не расслышал вопроса. – Ладно. Думается мне, остальные не в счёт. Спасибо, Бликса.

Он встал, направляясь к двери, и лудильщик только теперь сообразил, что за продолговатая штукавина у травника в руках, которую он принял за короткий посох.

– Жуга.

Тот обернулся. Бликса облизал внезапно ставшие сухими губы.

– Не делай этого. Ты не знаешь, с кем связался.

Губы травника тронула едва заметная усмешка:

– Это они не знают, с кем связались. Спи.

* * *

– Рудольф.

Старьёвщик поднял голову. Хмурый, с похмелья, Жуга спускался по лестнице. Ступеньки жалостно скрипели под ногами. В руке он нёс узкий меч в потёртых чёрных ножнах. Ранее Рудольф его у травника не видел. Старик кивнул на стул.

– Садись, – он взял бутыль. – Пить будешь?

– Нет.

– А я буду.

Он набулькал в кружку пива, отпил, поморщился и отставил в сторону.

– Где Телли? – травник огляделся.

Рудольф пожал плечами:

– Откуда мне знать? Убежал с утра пораньше, вместе с этой... ящерицей своей. Он не выносит дыма табака.

– Ты и в самом деле слишком много куришь.

– Привычка, – хмыкнул тот, – ещё с тех времён, когда я... Гм. Как там этот? – он указал чубуком вверх. – Жив?

– Поправится. – Жуга потёр глаза. Этой ночью он почти не спал.

– Да, – Рудольф плотней закутался в облезлый мех накидки и глотнул пива. – Это всё из-за того, что коптильни позакрывались. Проклятые собаки совсем обнаглели.

– Рудольф.

– Что?

– Это кто угодно, только не собаки.

Старьёвщик подозрительно прищурился на травника.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Ничего хорошего, – травник сплёл до хруста пальцы рук. – Видишь ли... Похоже, это я спустил собак на город. Впрочем, нет, не так. *Не совсем я.*

В нескольких словах Жуга рассказал, как продал Эриху огниво и что произошло потом. Рудольф слушал с напряжённым вниманием, изредка затягиваясь трубкой и прихлёбывая из кружки. Наконец Жуга умолк.

– Грешишь на оборотней? – спросил старик.

– Какие оборотни? Старый Томас жрал чеснок, как семечки, а оборотни не выносят чеснока. Нет, тут другое.

– Пусть даже так, – сказал Рудольф, в сомнении качая головой. – Допустим, я тебе поверил. Но чего ты хочешь от меня?

– Правды.

– Я не знаю этого солдата.

– Не в солдате дело, – отмахнулся Жуга. – Эрих слишком мелко плавает, чтоб в одиночку заварить такую кашу. Он глуп, да и боец, похоже, средний, ему только кметов брать на алебарду. Никакой соображалки, вырядился, как петух, едва деньжата завелись. У самого ладонь в мозолях от гизарма ⁵, а туда же – саблю прикупил... Нет. Огниво – вот где собака зарыта. Тьфу ты, – он поморщился, – ну и к месту же присказка... Огниво и деньги – вот что погубило твою жену и дочь. Ты должен знать, что с ними случилось.

Рудольф не ответил. Медленно встал, подбросил дров в камин и так же медленно опустился обратно в кресло. Выколотил трубку и полез в кисет за свежим табаком. Жуга молча ждал, когда он закурит.

– Да, – сказал наконец старик, выпуская клуб сизого дыма, – я знаю. Но я не хочу вспоминать.

– А придётся.

– Да, – кивнул тот и вздохнул. – Ну что ж... слушай.

– Ты был прав, – начал он. – Мартину и Хельгу действительно загрызла собака. Страшнее этого я ничего не видел. Я очень их любил, тебе не понять. Во мне тогда, наверное, что-то умерло. С тех пор я живу как бы наполовину. И уж никак я не мог подумать, что виновато это дурацкое огниво. Что до собак, – он затаился, – то многих в Лиссбурге в ту зиму закусали насмерть, это было прямо какое-то нашествие.

– Монеты разошлись по городу, – кивнул Жуга. – Всё сходится. И Телли тоже видел, как собака несла кошелек. Непонятно только, для чего собакам их приносить, чтобы потом отнять обратно.

– Может, они просто не могут иначе, – предположил Рудольф.

– Долго это продолжалось?

– М-м... Не очень.

– Гм... До серебра, как видно, дело не дошло. Огниво не простое, это ясно. Как оно могло к тебе попасть?

Теперь Рудольф молчал довольно долго.

– В этом городе всё не так просто, как кажется на первый взгляд, – сказал он наконец. – У этой лавки, – он повёл рукой вокруг себя, – тоже есть своя история.

– Не томи, Рудольф, – хмуро сказал Жуга. – У меня почти нет времени. Я знаю, что тебе больно об этом вспоминать. Ты купил его?

– Огниво? Кто знает! Я много чего тогда купил...

Старьевщик помолчал, собираясь с мыслями, и после паузы продолжил:

– Я расскажу тебе одну историю. Когда-то в Лиссбурге жил мужчина по имени Эйнар, и этот Эйнар очень любил одну девушку. И жил ещё тогда один дурак по имени Рудольф. И он тоже эту девушку любил. А девушка... Она не знала, кого из них она больше любит. Не знала или не хотела знать. А может, не любила никого из них, но ей нравилось, что за ней ухаживают сразу двое, такое тоже бывает. А они были очень разные. Один к тому времени уже всерьёз занялся магией, другой – торговлей. И она поставила условие, что выйдет за того, кто больше в жизни преуспеет. Ждать же согласилась год. На самом деле ей, наверное, тогда было всё равно, но, как бы то ни было, год прошёл. Она выбрала Эйнара. А глупец Рудольф, вместо того, чтоб отступить и забыть, стиснул зубы и продолжил гнуть своё. А она... она не знала, кого из них она больше любит. Эйнар стал злым и раздражительным, немудрено: он

⁵ Гизарм – древковое холодное оружие.

знал про них двоих. И когда его жена родила дочь, он знал, чья это дочь. Он всё больше уходил в работу. Почти не бывал дома. Часто ездил к морю. Неизвестно, что было дальше. Возможно, он стал потихоньку ненавидеть землю за то, что она носит таких, как они. И однажды он ушёл и больше не вернулся. Говорят, он искал способ стать дельфином и в конце концов нашёл. Он всегда завидовал дельфинам, хотел быть как они. Никто не знает, почему.

Рудольф умолк. Трубка его давно погасла.

– А дальше? – спросил Жуга. – Что было дальше?

– Дальше всё просто, – хмыкнул старик. – Мы выждали год и поженились. Она переехала ко мне. У меня был хороший дом. Он и сейчас неплох, но был ещё лучше, можешь мне поверить. А кое-что из вещей Эйнара Мартина забрала с собой. Наверное, на память, а может, ей просто было жаль выбрасывать. А я слишком сильно её любил, чтобы протестовать. Вот и всё, – Рудольф взглянул на травника красноватыми, слегка припухшими глазами. – Ты это хотел услышать?

– Не только, – помолчав, ответил Жуга. Кусочки головоломки стремительно вставляли на свои места. – Этот дом слишком хорош для лавки старьёвщика. Я видел твои товары – на этом барахле таких денег не заработать. Почему тебя все сторонятся, Рудольф? Не верю, что причиной только смерть твоей семьи. Говоришь, ты много путешествовал. Чем ты торговал, когда был молод?

Рудольф не ответил.

– Молчишь? – травник криво усмехнулся. – Ну, тогда я скажу: индийская конопля, афганский хаш, опиный мак...

– Не надо, – поморщился тот.

– Чёрный гашиш...

– Хватит, я сказал! – кулак старьёвщика обрушился на стол. Деревянная кружка подпрыгнула и повалилась набок, выплеснув остатки пива. – Хватит...

Кровь медленно отливала от его лица. Рудольф попробовал затянуться, обнаружил, что трубка погасла, выкатил из камина уголёк и дрожащими пальцами попытался прикурить. С третьей или четвёртой попытки это ему удалось. Травник смотрел на него внимательно и грустно.

– Это не тот дым, Рудольф, – сказал он.

– Знаю, – огрызнулся тот. – Не ковыряй старые раны, Жуга. Я уже давно заплатил свои долги.

– Работа у меня такая – в ранах ковыряться, – Жуга бесцельно подвигал меч, лежащий на столе, наполовину вытащил его из ножен и вложил обратно, Рудольф успел заметить лишь странный сероватый металл клинка и тоненькие нити гравировки. – А твои долги... – травник указал на высохшие пятна крови на своей рубашке: – Вот твои долги. Скажи, – он помолчал, – ты вёл дела с Вальтером из «Красного Петуха»?

– Да. Мы втроём заправляли всем.

– Кто был третьим?

– Рик ван дер Линден. Ты его не знаешь.

– И как вы называли свой товар промеж себя? «Солома»?

– Да.

– Понятно...

– Что ты собрался делать?

– Лучше, если ты не будешь знать, – уклончиво ответил Жуга. – Послушай, Рудольф. Может статься, я не вернусь. Дай мне слово, что не выгонишь мальчишку и дракона. Хотя бы, пока не кончится зима.

– А ты поверишь мне?

– Нет. Но это не важно. Важнее, чтоб ты сам себе поверил. И ещё. Постарайтесь ничего не трогать из того, что... принадлежало Эйнару. Особенно вон ту дос... Яд и пламя! – Жуга вскочил и метнулся к камину. Обернулся к Рудольфу: – Кто их сюда поставил?

Старьевщик встал посмотреть, но в этом не было нужды – Жуга уже стащил с каминной полки круглую, с инкрустацией, дощечку и водрузил её на стол. Рудольф не сразу понял причину беспокойства – на его взгляд, ничего особенного не произошло, просто пять резных фигурок, найденных травником, теперь стояли на шестиугольниках мозаики.

– Должно быть, Телли постарался, – хмыкнул Рудольф. Коснулся одной из фигурок, ладьи, и попробовал её поднять. Та сидела как влитая. – Гм... Странно. – Он приподнял всю доску. – Приклеил он их, что ли?

– Не трогай, – Жуга взъерошил волосы рукой и закусил губу. Сам попытался сдвинуть хоть одну фигурку. Безуспешно. – Чертовщина какая-то... – он нахмурился. – Ладно. Потом разберёмся.

– Кстати, я давно хотел с тобой о нём поговорить.

– О Телли?

– Да. Со странностями парнишка. Взять хотя бы его дракона. Тил говорит, что Рик вылупился прошлой весной, и явно врёт – драконы так быстро не растут. Потом, он совершенно не помнит, где жил до войны. Сколько, по-твоему, ему лет?

– Понятия не имею, – покачал головой Жуга. – Двенадцать?

– На вид можно дать и двенадцать. Возьмём для верности одиннадцать. Не могут же пропасть в никуда десять лет жизни! Хотя, конечно, всякое бывает. Ни ты, ни я не знаем, что он пережил в войну. А память у него здоровая.

– Да, схватывает на лету, – задумчиво подтвердил травник. – Так и кажется, что не учится, а... вспоминает?

Они посмотрели друг на друга.

– Гм, – сказал Рудольф.

– Однако, – сказал Жуга, – этак мы с тобою далеко зайдём. Чёрт, как башка трещит...

– Может, всё-таки выпьешь?

– Нет. – Он встал и подобрал меч. – Сегодня мне понадобится трезвая голова. Значит, так. Скажи парнишке, чтобы до моего возвращения ничего не трогал. И сам остерегись.

– Ты же сказал, что не вернёшься...

Травник поднял взгляд.

– Я сказал: «Быть может, не вернусь».

Три сестры

– Бывают ли люди без страстей? – Бывают.

Дао

Первым делом Жуга направился на рынок.

Сколько человек в округе занимались обменом денег, травнику было неизвестно, но в таком торговом городе, как Лисс, подобный промысел приносил немалую выгоду. В банки и ломбарды Жуга заглядывать не стал, не без оснований опасаясь шумихи, сам же он знал только четверых менял и надеялся, что этого хватит. Один из них – Гельмут Ценкер, приземистый, плечистый, больше похожий на грузчика мужчина лет сорока, обосновался в нише возле рынка. Среди его клиентов было множество приезжих, и Гельмут без зазрения совести брал за размен завышенный процент. Травника это устраивало, тем более что несколько недель назад он излечил его от острого приступа радикулита – обычной болезни уличных торговцев.

– День добрый, Гельмут.

Меняла поднял взгляд.

– А, Лис! – он осклабился в улыбке. – Привет. Ты ко мне? Какие проблемы?

Жуга достал из кошелька монету.

– Попадались тебе такие деньги?

Гельмут покрутил в пальцах тусклый серебряный семиугольник, куснул его с профессиональной сноровкой и повернул к свету, рассматривая рельеф. Прищурился.

– Хм... Необычная форма. Откуда это у тебя?

– Стало быть, не попадались, – отметил про себя Жуга. – Во сколько ты её оценишь?

– Хочешь обменять? – Гельмут уронил монетку на стол перед собой, прислушиваясь к звону, удовлетворённо кивнул и положил её на чашку маленьких весов. – Хм, так-так... пять унций... пополам... три пишем, два в уме... хм... хм... – он почеркал мелом на дощечке и отложил её. – Дам двенадцать менок с вычетом полушки за услуги. Идёт?

Травник поднял бровь:

– Так много? Дёшево берёшь. Сменил расценки?

– Обижаешь! Для нужных людей у меня скидка. Так как? Меняешь?

Жуга помедлил и достал ещё одну монету.

– У меня к тебе будет необычная просьба, – сказал он.

Гельмут заинтересованно подался вперёд.

– Выкладывай.

– Не сегодня, так завтра появятся люди, которые захотят их разменять. Попробуй выловить монеты. Их и вот эти, – травник выложил на стол перед менялой семиугольный медяк. – Давай завышенную цену, не торгуйся. Сколько ты поимел бы с этого сребреника? Только честно.

Тот поколебался.

– Два гроша.

– Получишь три, я обещаю. Если даже не смогу всё сразу выплатить, буду лечить тебя бесплатно. Если получится, спроси у других менял и откупи. Да, вот ещё что: до темноты зайди ко мне и захвати с собою всё, что наменял. Поверь, это очень важно. Гораздо важнее, чем ты думаешь.

Гельмут посерьёзnel.

– Что стряслось, Жуга? – спросил он. – Влип в историю? Я в грязные игры не играю, ты же знаешь. – Он с подозрением повертел монету в пальцах, выудил из сумки треснувшее, в медной оправе толстое стекло и рассмотрел через него внимательней рисунок реверса и аверса. Про-

шёлся пальцем вдоль реборды. – С ней что-нибудь не так? Фальшивка? Обрезь? Не похоже... Незаконная чеканка? Или... А, понимаю... – Гельмут поднял взгляд, лицо его озарилось догадкой. – Старинная работа, слишком чистое серебро. Подорвёт баланс. Хочешь придержать их до худших времён?

– Можно сказать и так, – с облегчением кивнул Жуга. Втайне он надеялся, что Гельмут сам подыщет происходящему правдоподобное объяснение, но не ожидал, что это случится так быстро. – На самом деле всё сложнее.

– Ладно. Не хочешь, не говори. Так и быть, для тебя постараюсь. Так, значит, говоришь, три гроша?

– Три.

– Их будет много, этих денег?

– Нет. Не больше кошелька.

– Хм, кошельки бывают разные... Медяки, что, тоже выменивать?

– Если попадутся.

– А цена?

– Договоримся. Скажем так, три менки за десяток. По рукам?

– По рукам. Жди, вечером зайду. А если что...

– Если что, – сказал Жуга. – Рудольф заплатит. Я его предупрежу.

Навестив для верности троих оставшихся менял, травник попросил их оказать ему такую же услугу, после чего направился к «Красному Петуху». На этот раз он не вошёл в корчму, ограничившись наружным осмотром. Прислужник Вилли, получив медяк, с охотой сообщил, что Эрих снял одну из комнат наверху и жить там будет неделю, и даже указал окно этой комнаты. Решётки там не было, но само окно располагалось высоко, под мощным козырьком дубовых, потемневших от времени стропил. Правда, вдоль всего второго этажа тянулся карниз, но карниз очень узкий, скошенный наружу и соструганный под фигурную галтель. Добраться до окна было можно, но закрепиться трудновато. Придя к такому выводу, Жуга заглянул в «Два Башмака».

Полностью исцелить Томаса он вчера не смог бы при всём желании – слишком много сил было потрачено на беготню, слишком много Томас потерял крови, слишком долго в травнике дремал его магический талант. Зарастив по мере сил разодранную плоть, Жуга оставил кабатчика под присмотром жены – Томас был очень слаб, и перенести его к Рудольфу Жуга не решился. Впрочем, Марта оказалась хорошей сиделкой, все наставленья соблюдала беспрекословно, хотя до сих пор косилась на травника с подозреньем. Сейчас Томас спал. Спутанная сеть лиловых вздувшихся рубцов покрывала его шею и руки. Жуга осмотрел его и удовлетворённо кивнул.

– Самое страшное позади, – сказал он, уходя. – Недельки через полторы сможет встать. Раньше не надо, а то швы разойдутся. Побольше питья и какой-нибудь мягкой еды, только не пива и не мяса. Свари ему тыквенной каши, репы испеки, что ли... И чтобы ничего острого! Никакой горчицы или уксуса, никакого чеснока!

В доме Рудольфа царил тишина. Телли так и не пришёл. Жуга нахмурился, но ничего не сказал, лишь переоделся в чистую рубаху и принялся наводить порядок на полках.

Под вечер заявился Гельмут.

– Вот, – он бросил на стол два увесистых кошелька, – держи. Как договаривались. Сорок восемь монет серебром и тридцать четыре медяшки. Здесь всё, что наменяли я, Давид и Генрих-Фридрих. Что у остальных, не знаю, у Хорста голяк... Ты хоть бы предупредил меня насчёт тех троих! А то, понимаешь, приходят, приносят...

– Некогда было, – травник высыпал на стол монеты, переворошил. Взъерошил волосы рукой. – Сколько я тебе должен?

– Так, – тот скосил глаза на потолок. – Ну, прежде всего – шестьдесят талеров взамен этих, плюс все медяки один к одному, плюс сто пятьдесят четыре менки комиссионных... округляем... Хм. Это будет... это будет... Восемьдесят три талера.

– Не в ту сторону срезаешь.

– Я же сказал, для тебя у меня скидка. Чем расплачиваться будешь?

– Серебром, – травник вынул кошель. – Отсчитывай.

В гробовом молчании отсчитали восемьдесят три талера, после чего травник сгрёб принесённые Гельмутом монеты и без разбора ссыпал их в отдельный мешочек. Гельмут завязал свой кошель и спрятал его в сумку.

– Может, ещё чем помочь?

Жуга помедлил, покачал головой:

– Не знаю. Вряд ли получится. Что-то говорит мне, что их было по полсотни.

– Почему?

– Число хорошее. Впрочем, ладно, если выпенишь ещё, уговор остаётся в силе. Что-нибудь ещё?

– Больше ни о чём спросить не хочешь?

Травник поднял голову:

– Например?..

– Например, не узнал ли я того, кто пришёл их обменять.

Гельмут явно не спешил уходить.

– Ну и кто это был?

– Нильс Торгерсон, – ответил Гельмут, – торговый капитан. Его корабль снимается с якоря завтрашним утром, идёт к Британским островам. Называется «Иггдрасиль». Найдёшь его у жёлтого причала.

Травнику потребовалась ровно секунда, чтобы сообразить, куда тот клонит.

– Он не сказал, за сколько мест ему заплатили?

– За два.

Вот теперь Жуга умолк надолго.

– Ну что ж, – сказал он наконец, – спасибо. Ты мне в самом деле очень помог.

* * *

Тил сидел на крыше, на самом гребне, прислонившись к тёплой каминной трубе, откуда струился горьковатый угольный дым. Сидел и смотрел на освещённые окна дома напротив.

– Рик, спишь? – подтолкнул он дракончика локтем. – Не спи, забавное пропустишь.

Тот вскинулся, зевнул и завертел башкой.

– Вон там, внизу, – подсказал Телли.

Дракончик выгнул шею, глянул вниз и встопорщил крылья, заметив знакомую фигуру. Засучил ногами, когти заскребли по черепице, красноватые кирпичные крошки покапались по крутому скату.

– Тихо, дурак! – прошипел Телли, ухватил его за шею и потянул обратно. – Тихо! Сам вижу, что Жуга... Сиди спокойно.

Травник шёл по улице. Он шагал неторопливо, уверенно, по самой середине, не глядя на дома и не оглядываясь. Телли понял, что был прав в своих предположениях – путь его лежал в тот самый дом, напротив которого мальчишка и дракон устроили наблюдательный пост.

В том, что Телли увязался за Жугой, не было заранее продуманного плана. Просто, выбравшись с утра на улицу, Рик тотчас рванул на рынок подкрепиться, Телли погнался за ним, опасаясь, как бы чего не вышло, а поскольку день выдался солнечный и тёплый и сидеть дома безвылазно не имело смысла, оба решили прогуляться. Вернее, это Тил решил, а дракон-

чик не имел ничего против: полдюжины прогорклых рыбёшек, купленные по дешёвке, привели его в хорошее настроение. Купив себе пирожок и погрозив кулаком мелькнувшему на горизонте Румпелью-Щербатому, Телли направился к воротам Вавилонской башни – посмотреть, что новенького.

И там едва не столкнулся с Жугой.

Травник их не заметил. Тил хотел его окликнуть, но остерёгся, сам не зная, почему. Жуга сговаривался с менялой в нише возле входа в переулок. Из рук в руки переходили деньги. Потом травник направился на другой конец рынка, как выяснилось вскоре – к другому меняле.

Он обошёл четверых, и Телли постепенно разобрало любопытство. Прячась за лотками и то и дело вполголоса подзывая Рика, рвавшегося вперёд, он проследовал за травником до «Красного Петуха», куда Жуга входить не стал, лишь постоял у заднего крыльца, затем – до «Башмаков».

– Слышь, Рик, – задумчиво пробормотал Телли, осторожно подсматривая за корчмой из-за угла, – а ведь он что-то замышляет, наш Жуга. Как думаешь, а, Рик? Замышляет, а?

Рик высунулся посмотреть, что там, глянул на корчму, на Телли, снова на корчму, зевнул и отвернулся, явно не понимая, чего тут интересного. В это время дверь распахнулась и Тил поспешно потянул дракончика за хвост. Рик возмущённо пискнул, но перечить не стал, тем более что травник шёл домой. Приятели двинулись следом.

Тил тоже был не прочь вернуться, но перед этим заглянул в окно и... снова решил подождать.

Жуга и Рудольф ругались. Старьёвщик что-то объяснял, крича и наливаясь кровью, швырнул на стол свою трубку, едва её при этом не сломав, потом подобрал и раскурил. Жуга ответил, резко и отрывисто, потом суматошно завертел головой, вскочил и бросился к камину.

Когда он вернулся к столу, в руках его была доска с фигурками.

– Ой-ёй, – пробормотал Телли, чувствуя, как нехороший холодок ползёт вверх по спине, – ой-ёй...

Таща за собой упиравшегося всеми лапами дракона, он отступил сперва за поваленный тополь, затем ещё дальше и в конце концов затаился в подворотне разрушенного дома напротив, запахнул плотнее куртку и приготовился сидеть здесь по крайней мере до темноты.

– Переждём, – сообщил он дракончику своё решение. – Может, пронесёт.

Не пронесло. Травник бегал вокруг стола, тянул то за одну фигурку, то за другую, хмурился, хватался за голову и выглядел расстроенным, если вообще не разозлённым. Телли окончательно уверился, что не следовало трогать эти дурацкие фигурки.

Возвращение домой откладывалось на неопределённый срок.

Тем временем до травника явился посетитель, в котором Телли не без удивления признал менялу с площади. Того самого, первого, похожего на шкаф. Через окно было видно, как они высыпали на стол груду денег, сгребли каждый свою долю, обменялись рукопожатием, после чего меняла удалился так же быстро, как пришёл.

Смеркалось. Высыпали звёзды. Телли невольно вспомнилась собака с кошельком, драка у пекарни в переулке Гнутых Фонарей, и ему стало не по себе. Развалины восточной части города с конца войны служили приютом всяческому сброду. Городская стража сюда не заходила – что тут было охранять? Наткнуться здесь можно было на кого угодно.

Пора было решать – либо идти домой сейчас, либо не идти сегодня вовсе.

Неожиданно дверь дома старьёвщика скрипнула, открываясь, и на пороге показался травник. Он постоял, оглядывая пустую улицу в обрамлении темнеющих развалин, вздохнул и решительно направился в сторону Горелой башни.

Телли вытаращил глаза: за спиной у травника был меч.

– Ну, дела... – привычно обращаясь к дракону, пробормотал он. – Сдаётся мне, дружище Рик, что дома нам сегодня ночевать не придётся... Как думаешь, куда это он идёт, а?

Мальчишка и дракон переглянулись.

– Вот и я так думаю, – помолчав, кивнул Тил.

Он встал и чуть ли не бегом, опережая травника, коротким путём устремился к «Красному Петуху». Рик с видом оскорблённой невинности затрусил следом, лавируя меж куч разбитых брёвен и обломков кирпича и с удовольствием шлёпая по лужам. Приметил пробежавшую крысу, заметался. Изловил. Телли не стал его ждать. Он свернул к центру города, пробежал развалинами бывшей Тележной улицы, где под рухнувшей стеной три бродяги и старуха развели костёр и что-то жарили (похоже, собаку). Один было встал, но увидел Рика, забежавшего на запах, и поспешно вернулся к костру. Стараясь быть как можно незаметнее, глухими закоулками Телли добрался до корчмы и замер перед глухой стеной дома напротив. Оглянувшись, с натугой подтащил к ней деревянную, без одной ступеньки лестницу и вскарабкался на крышу. Рик завертелся, запищал, но вскоре понял, что спускаться хозяин не собирается, и полез следом.

Телли даже не успел толком отдышаться, как появился Жуга.

Постоялый двор был тих и неприметен, лишь в корчме и в двух комнатах на верхнем этаже светились окна. Похоже было, что хозяин сегодня решил закрыть заведение раньше обычного. Да и вообще окрестности корчмы сегодня были до странности безлюдны, лишь на заднем крыльце двое рабочих суетливо загружали на телегу пустые бочки – каждое утро их, наполненные заново, привозили с пивоварни обратно. Травник подождал, пока они не закончат работу, отступил, пропуская телегу, распахнул дверь корчмы и скрылся внутри.

– Ой-ёй... – Тил крепче ухватился за трубу, перебросил ногу через гребень крыши и уселся на коньке верхом. – Что будет, а?

Рик не ответил, и вообще никак не отреагировал на его вопрос: отяжелевшему от сытости дракончику опять хотелось спать.

* * *

– Куды, куды ты лапы тянешь? У, шельма рыжая! Мой черёд!

– Твой черёд? Ищи дурака! Ща я бросаю.

– Ах так... Ах вот ты как... А ну, иди сюда! Иди сюда!

– Убери щупальца, Дитмар! Молод ты ещё права качать.

– На себя посмотри! Как мухлевать, так на моей игре! Отдай стакан!

– На, чёрт с тобой, тряси.

– И потрясу... Вот потрясу... Ха! Полняк! Продул, Корявый?

– Отыграмся.

– Чем? Где деньги возьмёшь? Хе!

– Не твоё дело.

– Ставишь пояс? Ставишь? А?

Жуга переступил порог и огляделся. Дверь корчмы с тяжёлым скрипом захлопнулась за его спиной, пламя трёх свечей в закапанном жиром подсвечнике заколыхалось. Игроки за столом обернулись к вошедшему; двое – рыжий парень в синем расстёгнутом полукафтаны и невероятно толстый бородач с узким шрамом от ножа на вздёрнутой губе – поднялись навстречу, смирившись прищелчком. Переглянулись. Ни корчмаря, ни вышибал, ни Пауля за стойкой в зале не было. В руках у игроков и на столе дымились трубки.

Полумрак.

Треск дров в большом камине.

Тошнотворно-сладкий запах гашиша.

Игроков было четверо.

Все четверо – с оружием.

– Закрыто, – буркнул толстяк, положив ладони на широкий, усаженный серебряными бляхами ремень. – Нету пива. Завтра приходи.

Жуга посмотрел на него, перевёл взгляд на рыжего.

– Я ищу Эриха, – сказал он. – Эриха Штауфера. Он должен быть здесь.

– Нет тут никакого Эриха. Сказано: проваливай!

Из-за стола встал третий – совсем молодой парнишка в сером кожаном.

– Слышь, Ульрих, погоди. Сдаётся, это Лис, я у него зубья лечил... Слышь, Лис, – он повернулся к травнику, – ты это... уходи давай. Нет тут Эриха твоего.

– Я знаю, что он здесь.

– Ага! Под лавкой спрянтался. Фью-фью, эй, Эрих, вылезай! – парнишка в кожаном приотворно заглянул под лавку и соорудил удивлённую мину. Три его приятеля заржали. Четвёртый игрок рассеянно катал по столу кости, изредка бросая исподлобья взгляд на травника, взгляд быстрый, жалящий, как выстрел из арбалета.

Хуго.

Жуга не двинулся с места, и бородач снова нахмурился.

– Ну, хватит, – рявкнул он. – Чеши отседова, дурилка соломенная, куда тебе уши не подрезали.

Жуга не ответил. Ясно было одно – пускать его в корчму никто не собирался. Меж тем до полуночи он должен был увидеться с солдатом. Увидеться во что бы то ни стало, иначе смерти будут продолжаться.

– Вы пропустите меня, – утвердительно сказал он. – Иначе я пройду сам.

– Ты как, просто глухой али не понял? – Толстяк сноровисто выхватил меч. – Ну, раз так... Пришёл бы ты безо всего, так просто под зад получил. А коли с железкой...

– Хватит, Хорст, – отрывисто сказал Хуго. Встал и посмотрел Жуге в глаза. – Он хочет познакомиться с Эрихом? Он его увидит.

Хорст плюнул и вложил меч в ножны. Протянул руку к травнику:

– Сымай меч.

– Обойдётся, – сказал Жуга.

Толстяк побагровел, бросил взгляд на Хуго – тот молчал, спокойно наблюдая за происходящим, и вмешиваться не спешил. Жуга меж тем прошёл к камину. За стол, однако, не сел.

– Ты за огнём? – спросил Хуго.

– Да. Где Эрих?

Хуго усмехнулся:

– Эрих далеко. Можно сказать, нигде. Объяснить?

– Я понял, – травник помолчал. – Стало быть, огнём у тебя?

– У Эриха язык работал быстрее, чем голова, – пожал плечами Хуго. Вынул из кармана огнём, подбросил его на ладони. – Очень скоро он бы разболтал о нём всему городу.

– Так, значит, это для тебя теперь собаки носят серебро?

– Да. Для меня.

– И надо понимать, что огнём ты мне не отдашь.

– Чего бы ради? – усмехнулся Хуго.

– Они убивают, – травник поднял взгляд. – Ты знаешь, что они убивают, чтоб вернуть монеты?

Хуго рассмеялся лающим, отрывистым, очень громким смехом, от которого травника передёрнуло.

– Мне какое дело? – проговорил наконец наёмник. – Меня они не трогают.

– У тебя огнём.

– Да? – Хуго вновь подкинул огнём на ладони. – Знаешь, Лис, а ты мне нравишься. В последнее время мне нечасто встречались такие наглецы. Предлагаю игру. Ты хочешь сказать,

что дело в этой безделушке? – Хуго положил огниво на стол возле свечей. – Вот оно. – Он вынул меч. – А вот он я. Сегодня я уже высек огонь. В полночь явится собака. С кошелём. Тот, у кого будет огниво, как ты понимаешь, останется в живых. Сыграем?

Жуга медлил. Трое людей за его спиной насторожённо молчали. Потрескивал камин. Горели свечи на столе. Тупая грань щербатого кресала матово поблёскивала.

– Ну? – Кончик меча подтолкнул огниво к травнику. – Бери же! Ну!

Это был хороший меч.

И это была нечестная игра.

Травник понял, что попался. Теперь повернуться и уйти означало оскорбить наёмника в лицо. Драться придётся всё равно, пускай не сразу, но потом; Жуга не оборачивался, и без того буквально чувствуя спиной ухмылки трёх головорезов. И дело было даже не в том, что предстояло драться в одиночку против четверых. По всем прикидкам выходило, что до полночи осталось времени совсем чуть-чуть. Хуго играл в салочки со смертью, кто быстрее, и по его причуде все они сейчас играли с нею.

«Плохо, – подумал травник, – ох, как плохо...»

Неожиданно дверь корчмы распахнулась, и на пороге возникла Беата, сопровождаемая невысоким кривоногим парнем, тоже вооружённым мечом.

– Хуго, я договорилась. Нас будут ждать до... – она умолкла, мгновение переводила взгляд с травника на Хуго и обратно, затем разразилась проклятьями.

– Какого чёрта?! Что ты задумал?

– Помолчи, – отрывисто бросил тот.

Беата выхватила меч и подскочила к столу.

Травник стоял неподвижный, молчал, полускрыв глаза.

– Чего ему надо? – выкрикнула девушка. Взгляд её упал на огниво, она мгновенно всё поняла и замахнулась мечом:

– Получай!!!

Часы соборной башни ожили, и в вечерней тишине гулко прозвучал первый из двенадцати ударов.

Одновременно с этим начал двигаться Жуга.

* * *

Тил чуть не свалился с крыши при виде того, *что* началось в корчме.

– Рик, смотри! – вскричал он, хватая дракона за крыло. – Смотри!

* * *

Раз...

Дитмар следил за каждым движением пришельца, чтоб не пропустить момент, когда рука двинется к плечу. Всё равно какая, правая или левая. Мечом его смутить было трудно – несмотря на возраст, он был опытным бойцом, а оружие... Оружие после войны валялось всюду, и нередко среди ржавого хлама попадались очень странные экземпляры, вроде этого меча без гарды. Он уже встречал людей, которые носили меч за спиной, как этот парень. Но чтобы меч выхватывали *снизу*... Такое Дитмар видел в первый раз.

И, как выяснилось, в последний.

Два...

Клинок Беаты рассёк пустоту. Дитмар захрипел, шагнул назад и рухнул, как подкошенный. Из рассечённого горла фонтаном ударила кровь, обдав камзол и сапоги оказавшейся

рядом Беаты. А в следующий миг травник рыжей бестией прыгнул к столу и одним взмахом меча срубил все три свечные головки.

И наступила темнота.

Три...

Тени заматались в отблесках каминного огня – тень на тени и внутри теней. Хуго перемахнул через стол и ринулся в атаку, волосы его взметнулись тёмной гривой. Зал корчмы был невелик, уставлен столами, и дерущиеся слишком поздно поняли свою ошибку: убегая от одного, Жуга всякий раз преследовал другого.

Сшибая лавки и столы, слепая драка закружила по корчме.

Четыре...

Корявый Ульрих и толстяк столкнулись возле стойки. Первый запнулся, падая, боднул в живот второго. Живот у Хорста оказался неожиданно тугой, как тук с овечьей шерстью. На краткий миг у стойки, словно привидение, возник Жуга; меч травника свистнул, сметая уцелевшую посуду, но целил он не в чашки и не в кружки. Хорст издал странный звук, и Ульрих почувствовал, что падает. Два тела рухнули на пол, что-то тёплое брызнуло Ульриху на лицо.

Он поднял взгляд на Хорста, и его вырвало.

Пять...

Матиас растерялся. Он был ещё неопытен, Хорст взял его на дело в первый раз, а драка стала беспорядочной. «А я у него зубья лечил», – нелепо вдруг подумалось ему, когда пред ним из темноты возник Жуга. Меч закрутило, вырвало из рук, зубы травника клацнули у самого носа – Матиас невольно отшатнулся и получил в грудь рукоятью меча.

И свалился в горящий камин.

Шесть...

Травник, не задерживаясь, продолжил бег. Беата ринулась на перехват, охваченная злобой и азартом. Матиас завизжал и вылетел из камина, дымя штанами, упал и закатался по полу: «Горю! Горю!» Над стойкой шевельнулись занавески – кабатчик Вальтер выглянул в корчму.

И предпочёл не вмешиваться.

Семь...

Август Мосс по прозвищу «СамТретей» – тот, что сопровождал Беату к пристаням, ругался, на чём свет кланя и Хуго, и Беату, и всю эту дурацкую затею. Хуго был отменным бойцом, Беата – никудышным, привыкшим драться с безоружными и пускать меч в ход по делу и без дела. А в драке группа уравнивается по слабому. Травник расправлялся с ними резко и безжалостно, отлавливая их по одиночке. Он ускользал, кружил, вертелся, прятался в тени. Так не дерутся. Так убивают.

СамТретей не верил ни в каких собак с деньгами в кошельках.

Он так и не успел в них поверить.

Восемь...

Хуго и Беата всё-таки загнали травника в угол. Хуго, несмотря на всё своё искусство фехтовальщика, уже был дважды ранен – в ногу и в плечо. Беата наседала, беспорядочно и торопливо размахивая мечом. Ни один удар не доходил до цели. Ульрих наконец опомнился, вскочил и бросился на помощь, забыв, что в нападении третий лишний. Меч травника отбил очередной удар Беаты, растёкся дымным высверком, и Ульрих потерял клинок из виду.

Он его почувствовал.

Девять...

Атака. Выпад. Вновь атака. Финт, удар, защита, выпад. Вновь удар... Беата вновь открылась – в третий раз, и снова травник задержал удар. «Не могу», – подумалось ему. Он сам не понимал, что останавливает его руку с мечом. Остановиться бы, подумать, но не было времени.

И он опять обрушился на Хуго.

Десять...

Дверь корчмы хлопнула, и драка замерла. Беата, Хуго, Вальтер – все смотрели на собаку, возникшую на пороге. Матиас тихо всхлипывал, забившись в угол.

Травник опустил меч.

Одиннадцать...

Ни одни часы на свете не показывают точного времени – все либо спешат, либо запаздывают, а если это и происходит, то длится недолго.

Часы собора в Лиссбурге запаздывали.

Двенадцать.

Огниво осталось лежать на столе, у погасших свечей.

Травнику не требовалось объяснений. Всё шло так, как он и ожидал. То была третья собака, сестра двух первых – огромная мокрая тварь золотисто-рыжей масти с кошелём в зубах. В том, что кошель набит золотом, Жуга не сомневался. Он даже знал, сколько там монет – полсотни.

Собака посмотрела на Жугу, на Хуго, положила на пол кошель. Ощерила клыки и двинулась вперёд. Шерсть на её загривке встала дыбом, отблески каминного огня отразились в огромных зелёных глазах.

Травник двинулся в обход стола бесшумным мягким шагом. Пальцы левой руки скользнули за пазуху, нащупали туго набитый кошель. Собака помедлила и двинулась за ним.

– Не двигайтесь и, может быть, останетесь в живых, – не оборачиваясь, бросил остальным Жуга. Хуго и Матиас послушно кивнули: Хуго – медленно, Матиас – быстро и несколько раз. Беата молчала, оцепенев. Угли в камине почти не давали света, от тлеющей соломы на полу тянуло гарью.

– Я не возьму твоё золото, – сказал Жуга. Собака продолжала идти. Он достал кошель и бросил ей под ноги. – Здесь серебро и медь. Забирай и уходи.

Собака не остановилась, медленно и неуклонно приближаясь к столу, где лежало огниво. Ключ, – вдруг понял травник, – ей нужен ключ. Не для того, чтобы самой открывать эту Дверь, но чтобы закрыть её навсегда. Когда-то, кто-то, где-то поставил этих трёх собак стеречь своё богатство. Ослушаться они не могли. Эйнар сумел заставить их служить при помощи колдовского огнива. Но и прежнего приказа никто не отменял. Сокровища надлежит охранять, а значит, надо их вернуть на место.

Монеты рано или поздно кончатся, и снова кто-нибудь ударит кремнём о кресало.

Жуга остановился, вложил меч в ножны и подобрал огниво со стола.

– На, – он протянул его собаке. – Бери. Оно твоё.

Пару мгновений собака смотрела ему в глаза.

Потом подошла и взяла.

Беата, Хуго и Матиас вскрикнули разом. Ослепительная вспышка осветила тёмный зал, заставив прикрыть глаза, а когда все трое проморгались и опять привыкли к темноте, ни собаки, ни травника в корчме уже не было.

* * *

– Жуга не приходил?!

Рудольф оторвался от созерцания костяных фигурок и посмотрел на Телли. Мальчишка запыхался, видимо, бежал всю дорогу. За спиной его маячил Рик. Дракончик выглядел ещё более растерянным, чем его хозяин.

– Явились, безобразники, – с неудовольствием констатировал Рудольф. Кивнул на доску перед собой. – Какого чёрта тебе понадобилось расставлять эту дребедень?

– Рудольф, Рудольф, погоди! – Телли выставил ладонь перед собой – он никак не мог отдышаться. – Постой, дай сперва сказать... Там... Там эти – Хуго со своей подружкой... в «Красном Петухе»...

– Хуго? – Рудольф нахмурился. – Какой ещё Хуго?

– Хуго Шнеллер.

– Не знаю такого. Должно быть, из молодых.

– Да высокий же, длинноволосый! С бровями. Говор у него ещё такой нездешний...

– А, Баскервиль! – Рудольф откинулся на спинку кресла. – Так бы сразу и говорил. Так что там с ним?

– Не с ним. Там Жуга. Они там драку затеяли, в корчме, Жуга их всех порезал. Потом собака прибежала. А Жуга пропал.

– Пропал? – Рудольф непонимающе заморгал. – Постой, постой. Что ты несёшь? Кого порезал? Как пропал? Куда пропал?

– Да я откуда знаю! – взорвался Телли и забегал по комнате. – Он подошёл к ней, а потом – ба-бах! – и оба пропали... и он, и она. Девка в крик, мол, где они, Хуго свечи запалил, а там только трупы и этот, палёный... Потом они кошельки подобрали и смылись, пока стража не нагрянула.

– Постой, не тараторь. Не пойму никак... Ты что, там тоже был, что ли?

– Не, я на крыше сидел. Они к реке пошли, а я за ними до причала шёл, до этой... как её... «Иксар...», «Играс...» Ну, зелёная такая лохань! Я спрашивал, название забыл...

– «Иггдрасиль»?

– Во-во! – Тил замахал руками. – Что делать, Рудольф, а? Делать-то что?

Старьёвщик помедлил.

– Ждать, – сказал он наконец.

Взгляд мальчика меж тем упал на доску.

– Рудольф... Ты... трогал что-нибудь?

– А? Трогал. Да. Они не отрываются. А что, что-то не так?

Телли гулко глотнул и поднял взгляд на старика.

– Я лису ставил... не сюда.

Что-то не так

«Мудрый познаёт не существование и гибель, а их причины».
Страж Границы

В эту ночь Телли долго не мог уснуть. Он лежал в обнимку с драконом в комнате, где раньше спал Жуга, на его тюфяке, лежал и смотрел в потолок, а заснувши, то и дело вскакивал и с колотящимся сердцем вслушивался в ночь – не стукнула ли дверь? – и всякий раз напрасно. Ближе к утру, когда стал заниматься рассвет, он встал и спустился вниз. Рик запищал, потеряв источник тепла, свернулся сам в себя под серым войлоком одеяла и остался досматривать свои драконьи сны.

В комнате внизу было сыро и холодно, в окошко царапался дождь. Тил остановился и уселся прямо на ступеньках. Поднял взгляд. В пустых овалах двух зеркал отразились две мальчишеские головы, обе темноглазые, беловолосые и заспанные. Левое ухо у обоих до сих пор немного торчало в сторону. По-над зеркалом из темноты отблескивал стеклянный жёлтый глаз совы.

Обычно Тил так рано не вставал, это Жуга вскакивал ни свет ни заря, но даже травника порой опережал Рудольф, соскучившийся за ночь по любимой трубке. Но сегодня комната была пуста. Рудольф и Бликса спали, утомлённые тревогой и суетой. Телли вдруг поймал себя на мысли, что давно уже не связывает для себя этот дом с Рудольфом. Здесь всё напоминало о Жуге – большая деревянная бадья для ванн, мешки, горшочки, баночки на полках, связки сохнувших трав и кореньев на стенах и под потолком, ступка с пестиком, разрешение на торговлю и патент от бургомистра в рамке на стене... И даже круглая доска с дурацкими фигурками из кости тоже напоминала о нём. В углу примостился посох – им травник бился с тенью каждый день. Телли взял его и покачал на ладони. Увесистый, с оплёткой на концах, посох был на добрый локоть выше его роста. Вспомнилось, как однажды, с вечера упившись чаем, он проснулся раньше обычного и застал травника внизу. Вспомнился рисунок его дикого, стремительного танца, когда, казалось, всё, что есть на полках, вот-вот сметёт гудящий рукотворный вихрь, а стёкла окон и зеркал так и брызнут осколками... Тил вздохнул и покачал головой – как правило, Жуга никогда ничего не задевал. А что касается корчмы... У Телли вновь захватило дух при воспоминании об этом. Он толком не видел, что было после того, как травник загасил огонь. Был выпад, хлёсткий, с разворота росчерк серого меча, упавший с распоротым горлом один из бойцов и вслед за этим лишь мельканье беспорядочных теней, глухие выкрики и звон железа.

Потом примчалась собака.

Потом была вспышка.

Потом – пустота.

Какое-то время Телли лелеял надежду, что Жуга неведомо каким манером вырвался из окружения и спрятался – на кухне, в подполе, на чердаке – не важно, где, но спрятался. Но миновали сутки, а травник всё не приходил, и ничего не говорило за то, что он придёт. Напряжение ожидания росло. Казалось, вот сейчас, через мгновение гулко хлопнет дверь, и Жуга, с утра ушедший в лес, возникнет на пороге с ворохом только что собранных трав, вихрастый, рыжий, как всегда чем-то озабоченный; дом наполнится вознёй и суетой, осенним шорохом сушёных листьев, стуком пестика, весёлым треском дров в камине и кипеньем каши в котелке, приправленным обычным старческим ворчанием Рудольфа...

Но дом был мёртв. Мёртв, мёртв, мёртв.

Что-то пошло не так.

Тил вздохнул и с сожалением поставил посох обратно в угол. Если бы он мог хотя бы вполовину, хотя б на четверть драться так здорово, как Жуга! Все эти поганые стражники, всякие там Отто-Блотто и прочие Румпели сидели бы в своих канавах по уши и квакнуть боялись!

Он наскоро умылся, набрал в котёл воды и принялся растапливать камин.

Со всей этой вознёй и суматохой, внезапными находками, потерями, собаками, убийствами и исцелениями все окончательно потеряли голову. Никто не подумал пополнить запасы продуктов. Мешок с крупой погрызли мыши, хлеб засох, а сыр заплесневел. Лишь во всегдашней бутылке Рудольфа что-то плескалось да на дне сундука обнаружилась желтоватая дряблая тыква. Телли пошарил за бутылками, вытащил берестяной коробок, где Жуга обычно держал деньги, помедлил и высыпал их на стол.

Восемь сребреников и три медяшки.

Мало.

Он вздохнул и принялся застряпню.

Следующим, как ни странно, пробудился Бликса, и не только пробудился, но и сам спустился к завтраку. Как и предрекал Жуга, раны и ожоги на лудильщике заживали быстро. Тем не менее Телли настоял на том, чтобы сменить повязки, прежде чем тот сядет за стол. И только потом проснулся Рудольф, посмотрел на мальчишку, на рассыпанные монеты, покачал головой и принялся раскуривать трубку.

– Что ж, друзья мои, – сказал он, когда с завтраком было покончено, – пора решать, как дальше быть. На эти деньги долго мы не проживём, и если дела пойдут плохо, то на зубах у нас не будет ничего, кроме церковного звона. У меня есть кое-какие сбережения, но и их надолго не хватит. Троих теперь мы не потянем. Бликса, слышь, ты как насчёт того, чтобы домой пойти?

Бликса в сомнении потёр небритый подбородок.

– Пойти, конечно, можно, – сказал он неуверенно, – но, может, лучше я пока у вас останусь? Как-никак, я в долгу перед вами. Так что, ежели струмент найдётся, я и поработать не прочь, а заработок – вам.

– У Людвига твои паялки лежат, он их прибрал, я спрашивал, – рассеянно ответил Тил, перебирая деньги на столе. – Можешь забрать, если хочешь. – Он поднял взгляд. – Рудольф, а может, не так всё плохо?

– А что ты предлагаешь?

– Ну... продадим что-нибудь.

– Что, например?

– Ну... – Тил почему-то покосился на свои башмаки, купленные по случаю травником, и поспешил сменить тему: – Потом, я ведь кое-что помню, чему Жуга учил, а больные всё же деньги платят... Зиму как-нибудь протянем, а там, быть может, и Жуга объявится.

Сверху послышались топот и писк. Скрипнула дверь. Все невольно вскинулись и посмотрели на Рика, который вперевалочку спускался по лестнице.

– Этот ещё... зелень ходячая, – старик поморщился и откинулся на спинку кресла. – Сомневаюсь я насчёт Жуги. После всего, что ты рассказал, вряд ли он вообще вернётся. Более того, я думаю, что аптечные дела будут идти всё хуже и хуже.

– С чего ты взял?

Рудольф пожал плечами:

– Предчувствие.

* * *

Старик как в воду глядел – не прошло и дня, а неприятности уже посыпались на них как из мешка. Из семерых больных лишь двое взяли предложенные Телли снадобья. Четверо решили подождать, покуда не вернётся Жуга, а один и вовсе отказался говорить о своих боляч-

ках, когда узнал, что травника нет дома. Тил пробежался по аптекам и по докторам в надежде получить заказ на травы и настойки, как бывало, но заказов набралось всего ничего, и мальчишка приуныл.

А ближе к вечеру, будто всего этого было мало, в дом старьевщика ввалились четверо алебардистов из городской стражи с капитаном Альтенбахом во главе. Они подождали, пока этот самый Альтенбах разворачивал пергаментный свиток и объявлял, что ему приказано «арестовать и препроводить под стражу местного фармация по имени Жуга, который, смутьян и безобразник, третьего дня в корчме под Красным Петухом подлую драку учинил, четверых человек при свидетелях насмерть мечом порешивши», а после, грохоча сапогами, сопя и ругаясь, перевернули в доме всё вверх дном и ушли, напоследок огрев дракона древком алебарды и засветив мальчишке под глаз.

Спустя ещё часок явился посланник из канцелярии бургомистра, ткнул Рудольфу под нос свиток с красно-золотой печатью и объявил, что поскольку Жуга с прозванием Лис исчез из города и пребывает в розыске, патент и разрешение, выданные на его имя, отныне следует считать недействительными, и любая деятельность Телли по сбыту и изготовлению лекарств подлежит пресечению.

Потом явился посланник от гильдии ростовщиков с намереньем напомнить о заложенном Рудольфом доме, который откупил себе Жуга, который в свою очередь исчез неизвестно куда, не выплатив проценты по закладу и не уладив какие-то формальности, и Телли начал сатанеть.

– Да что они там, с ума посходили?! – кричал он, в бессильной ярости бросаясь на Рудольфа. – Что же это творится?

Но настоящие неприятности, как выяснилось вскоре, ещё только начинались.

Весть о случившейся в корчме резне распространялась со скоростью пожара, обрастая всё новыми подробностями, и к вечеру о ней уже знал весь город. Едва стемнело, к улице Синей Сойки двинулась большущая толпа, вооружённая лопатами, факелами и дрекольем и распалённая пивом и злобой.

– Думаю, вам лучше уйти, – сказал Рудольф, выглянув в окошко и запирая дверь.

– А ты? – опешил Бликса.

– Вряд ли они за мной.

– Ты думаешь, они будут разбираться?

– Чего спорите? – угрюмо вмешался Телли. – Всё равно уже поздно.

Рудольф не ответил.

Старый тополь уже давно не был преградой – и сами обитатели Рудольфова особняка, и разные бродяги растащили на дрова все ветки и макушку. Толпа запрудила улицу, по крыше дома загремели камни.

– Эй, душегубцы! А ну, выходите, лекаришки поганые!

– Отпирай, Рудольф!

– Где энтот, Лис который? Пушшай выйдет!

– А не то дом сожгём!

– Верно! Петуха им пустить. За «Петуха»!

– Эта... красного!

Прогнившая балка тараном ударила в ставни, оконное стекло со звоном лопнуло. Кто-то влез на крышу, кровлю разобрать побоялся, но от злобы помочился в трубу. Угли в камине противно зашипели, комнату наполнила вонь. Шутку на улице встретили хохотом и улюлюканьем и с новой силой набросились на дверь.

Рудольф встал:

– Я выйду.

– С ума сошёл! – вскочил Телли.

– Должен же им кто-то сказать, что Жуги здесь нет! Пусты.

Решительным движением отстранив мальчишку, старьевщик снял засов и распахнул дверь. Толпа невольно притихла, только пламя факелов, потрескивая, трепетало на ветру. Взгляд Рудольфа медленно скользил по серым, в сумерках почти неразличимым лицам.

– Чего пришли? – сказал он наконец. – Это мой дом. Вы все меня знаете. Я вам зла не делал.

Толпа зашевелилась.

– Где этот... рыжий?

– Да, иде он?

Рудольф нахмурился.

– Его здесь нет. Стражники сегодня уже обыскивали дом.

«Врёшь, тута он! – загомонили люди. – Негде больше...», «Выйдет пусть только... сами разберёмся...».

Из толпы вылетел камень. Ещё. Рудольф шатнулся, ухватился за косяк и медленно осел на ступеньки. Едва соображая, что делает, Телли выскочил и едва успел подхватить старика. Закусил губу и обернулся к толпе:

– Вы что творите, гады?!

И в этот момент наружу высунулся Рик.

Толпа охнула и сдала назад. Взревела:

– Вон он!

– Вона!

– Бесовское отродье! Бей его!

– Бей! Бей!

Одни спешно проталкивались в тыл, другие, наоборот, лезли вперёд, толпа сливалась в серое бесформенное месиво – свет факелов в глазах, оскаленные зубы, палки, камни, кулаки... Рудольф с неровной ссадиной на лбу... Слёзы мешали смотреть, Тил чувствовал, как нечто злобное, отчаянное поднимается в груди, комком клоочет в горле. В один короткий миг в голове будто открылась дверь, он вскинул руки – не то заслоняясь, не то для удара, и... стал выкрикивать:

– *Айло айвэтур энг Ихэл Айвэнгилэ...*

Народ сперва по-прежнему шумел и наседал, потом вдруг притих. В молчаньи, незнакомо, звонко падали слова:

– *Айло Айвэнгилэ эллома!*

– Да заткните же его! – закричал костлявый длинноногий парень, выхватил у соседа факел и подбежал к крыльцу. Замахнулся – пламя с гулом разорвало воздух.

Рик гневно пискнул, вскинулся и растопырил крылья, а в следующий миг ударил нападавшего мордой в живот. Драконья шея распрямилась, как таран, парень отлетел шагов на пять, выронил факел и шлёпнулся в грязь. Телли осёкся и умолк на полуслове, ошеломлённо глядя на толпу. Потряс головой, избавляясь от наваждения. А Рик внезапно раздулся, как бочонок, напрягся...

И выдохнул.

Две длинные струи оранжевого пламени с шумом вырвались из узких – щёлочкой – драконовых ноздрей, прошлись широким веером над землёй, опалив передние ряды, взлетели к небу и распались язычками синего огня на мостовой. Все замерли, кто где стоял, лишь костлявый парень выл и метался на земле, сбивая пламя со спины.

А после началась паника. Толкаясь, падая, люди с криками мчались прочь. Улица быстро пустела. Телли, Бликса и Рудольф ошарашенно глядели, как Рик невозмутимо прошествовал обратно в дом и улёгся на любимый коврик у камина. Поёрзал там, устраиваясь поудобнее, зевнул и закрыл глаза.

– Высморкался... – невпопад сказал вдруг Бликса. – А я его веником гонял... – Он выглянул на улицу. – Может, не стоит ему это... у камина спать? Полыхнёт ещё.

Рудольф медленно поднялся и долго смотрел на спящего дракона. Перевёл взгляд на Телли.

– Раньше с ним бывало... такое? – Мальчишка помотал головой. – Ты смог бы это повторить?

– Да я ж не делал ничего! – вскричал Телли. – Он сам!

Старик нахмурился.

– М-да, – он вытер кровь со лба. – Коль так пойдёт и далее... Эй, ты чего?

Бликса, разинув рот, смотрел в сторону стола.

– Это... – пролепетал лудильщик и указал рукой. – Доска...

– Что «доска»?

– Доска... шевелится.

Рудольф мгновение стоял, соображая, что к чему, затем метнулся к столу.

– Телли! – вскинулся он. – Кто передвинулся?

Тот взгляделся в костяные фигурки. Поднял на старика растерянный взгляд.

– Дракон... вроде бы.

– Точно – дракон?!

– Ну... вроде бы.

Все посмотрели на Рика – тот спал как ни в чём не бывало.

Рудольф пошарил под стойкой, вынул коробку, а из коробки – кусок мела. Аккуратно пометил на доске все клетки, где стояли фигурки, вытер пальцы о накидку и, ни слова не говоря, отнёс доску на камин. Все молчали. Без слов было ясно: происходит странное.

– Как думаешь, Рудольф, они вернутся?

– Нет, – сказал старик, косясь на Рика, – но я бы не советовал надеяться на чудо. Дом они поджечь не смогут, но ходить по городу одному тебе теперь опасно. Дракон, конечно, вещь хорошая, но кто знает, что у него на уме... Жуга ведь учил тебя драться? Ты сможешь за себя постоять?

Телли молча поднял травников посох, повертел его в руках. Тёплое шероховатое дерево уверенно лежало в ладонях. Рудольф был прав. Не важно, что он говорил сегодня – все те слова, что были брошены в толпу, наверное, не имели смысла, так – причуда детского ума...

«Что будут стоить тысячи слов, когда важна будет крепость руки?»

Тил помедлил в нерешительности, отмерил посох себе по росту, наступил ногой и с треском отломил излишек. Посмотрел на Бликсу, на Рудольфа. Те смотрели на него. Он понял, что должен что-то им сказать, но ничего не смог придумать, кроме как ответить:

– Да. Смогу.

* * *

В таверне воровская шайка
Всю ночь играла в домино.
Пришла с яичницей хозяйка;
Монахи выпили вино.

На башне спорили химеры:
Которая из них урод?
А утром проповедник серый
В палатки призывал народ...

Тил замедлил шаг. Навострил уши. Забавная песенка, которую с непонятной грустью пели на рынке, странным образом напомнила мальчишке о событиях в корчме, хотя там не было ни домино, ни этих самых химер, ни хозяйки с яичницей, а при словах: «А утром проповедник серый...» Телли представлялся вовсе даже не проповедник, а тогдашний парень с факелом. Он подошёл ближе и стал проталкиваться сквозь толпу.

На рынке возятся собаки,
Менялы щёлкает замок.
У вечности ворует всякий,
А вечность – как морской песок.

Он осыпается с телеги, —
Не хватит на мешки рогож.
И, недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь ⁶.

Бродячая труппа возвела среди рынка дощатый помост и давала представление. Один парень пел, аккомпанируя себе на маленькой девятиструнной лютне, другой, взяв длинный шест, вытворял на канате, натянутом меж двух столбов, всякие ловкие штуки. Ещё один – черноволосый и высокий здоровяк, одетый в короткие синие штаны, работал силу – подбрасывал и ловил большие гири, скручивал узлом бочарные ободья, руками разгибал подковы, а после, когда на помост выбежала невысокая гибкая девушка, оказавшаяся акробаткой, с ней в паре стал проделывать другие фокусы, подбрасывая и ловя теперь уже её. Хрупкая девичья фигурка в его руках казалась игрушечной – так бережно и ловко он с ней обращался. Обнажённые мускулы его блестели от масла и пота. Чуть в стороне стоял *speer-wagen* – крытый разукрашенным холстом возок бродячих акробатов. Теплилась жаровня. Телли невольно поёжился при взгляде на неё – сам он мёрз. Мёрз постоянно, каждый день и каждый час. От травника в доме остался овчинный козух, который с общего согласия Тил взял себе, но помогал он мало. Октябрь кончился, помаленьку наступали холода.

Прошло три дня после всего, что случилось у дома Рудольфа. Тил всё время был насто-роже. Однако мстить им горожане не спешили.

– Чего ж ты хочешь? – хмыкнул старьёвщик, когда Телли спросил его об этом. – Если к унижению добавляется страх, тебя поневоле начинают уважать.

Подобное уважение, однако, оказалось штукой неприятной – у булочника, у аптекарей, у рыночных торговцев, у всех, с кем Телли приходилось иметь дело, проскальзывала в общении с ним холодная, опасливая вежливость. Продукты им исправно отпускали, как за деньги, так и в долг, но шли дни, и Тил всё чаще стал замечать, что торговцы при его приходе замолкают и косятся в сторону.

Потом он к этому привык.

Спервоначалу, выходя в город, мальчишка брал с собою посох, надеясь, что это придаст ему уверенности и удержит недругов от нападения, однако вскоре отказался от этой идеи. Для этого требовалось нечто большее, чем просто умение им владеть – требовалась привычка, и если травник запросто мог расхаживать с посохом по городу, то белобрысый паренёк с оттопыренным ухом выглядел с дубинкой в руках по меньшей мере глупо. Он думал было завести себе свинчатку, как у Румпеля, но драться со свинчаткой Телли не умел – манера боя, коей

⁶ Стихи Осипа Мандельштама.

обучил его Жуга, всегда брала в расчёт открытую ладонь, а переучиваться не хотелось, и Телли перестал таскать посох с собой.

Дракончика от греха подальше он теперь тоже оставлял дома. Вдобавок ко всем заботам Телли вдруг добавилась ещё одна – Рик заболел. Причём, не просто занемог, а заболел серьёзно, так, что перестал есть и даже к воде не притрагивался. Даже любимое лакомство – копчёные селёдочные головы – оставляло его равнодушным. Кожа его подсохла, потеряла чистоту и блеск, на спине мосластым гребнем проступил хребет, крылья обвисли, глаза затянула мутноватая плёнка. Уже не вставая, Рик день за днём молча лежал у камина, тусклыми глазами глядя в пламень угольков, и только изредка вздыхал.

Рудольф ни слова не сказал по этому поводу. А вот Бликса, похоже, уже поставил на дракошке крест.

– Может, прикончим его, пока не поздно? – предложил он Телли. – А за шкуру, глядишь, и выручим чего.

– Лучше тебя прикончим, – огрызнулся тот, – за твою шкуру больше дадут!

– Ну-ну, не кипятись. Я ж как лучше хотел. А может, это у него оттого, что он огнём плевался?

– Не знаю. Может быть. Отстань.

Бликса с каждым днём всё быстрее шёл на поправку. Телли приволок от Людвига мешок с его «струментом», и теперь лудильщик снова ходил по дворам, починяя посуду, подсвечники и прочую утварь. За то время, пока он валялся в доме Рудольфа, работы накопилось достаточно, и без заработка Бликса возвращался редко. Жить он пока предпочитал у старьевщика, не без оснований опасаясь мстительных горожан.

– Конечно, я тут, в этой заварухе, вроде как ни при чём, – примостившись у огня с паяльником и взятой на дом работой, рассуждал он. – Но при встрече с медвежьим капканом поди объясни, что ты не медведь! Разбираться не станут. Я уж лучше тут пока... Не возражаешь, Рудольф?

Рудольф не возражал, тем более что лишние деньги всегда не помеха. В доме теперь было не на что даже купить угля, Бликса с Тилом раздобыли старую двуручную пилу и распилили на дрова упавший тополь. На первое время должно было хватить, хотя лудильщик уже стал присматриваться к окружавшим дом развалинам.

– На башне спорили химеры, – проговорил негромко Телли, – которая из них урод...

– Да все они уроды, – вдруг сказали сзади. Тил оглянулся. За спиной стоял Щербатый.

– Кто уроды? – спросил с подозрением Тил.

– Ну эти... как их... химеры. – Румпель поднял взгляд и, видя, что его не понимают, пояснил: – Ну, твари каменные. Которые на соборе сидят. Видал, небось?

Под глазом у Щербатого ещё не до конца зажил фингал, оставшийся после памятной драки. Телли почувствовал неловкость.

– А, – сказал он. – Ну. Чего надо?

Напряжение не отпускало. Украдкой Телли бросил быстрый взгляд по сторонам, но ни Отто, ни Рябого не обнаружил. Щербатый замялся.

– Да я просто шёл, вот... Вижу, вроде, ты. Стоишь...

Тил помедлил, прежде чем ответить.

– Ты вот что, Румпель... Знаешь, что... Иди своей дорогой.

– Да я что, я так... – замялся тот. – Я только сказать хотел, чтобы ты по нашей улице ходил. Когда хочешь. Отто говорит, что опосля того, как этот... друг твой рыжий в «Петухе» всю Шнеллерову банду покрошил, с таким лучше дружбу водить, чем враждовать... Ты на меня зла не держишь, а, Тил? Не держишь, а?

Телли растерялся. Чего-чего, но что Блошиная Канава вдруг пойдёт на мировую, он не ожидал. Как себя теперь вести, он совершенно не представлял.

– Да ладно, чего уж... – буркнул он.

– А меня Максом звать, – заявил Щербатый, мгновенно повеселев. – Румпель – это пацаны придумали. Нос, говорят, у тебя большой, вот и прозвали так.

Слова из Макса хлынули потоком, словно открылись невидимые шлюзы. Телли повернулся лицом к помосту и слушал вполуха. Румпеля это, похоже, нисколько не смутило. Меньше чем за пять минут Телли успел узнать, что Макс – сын местного торговца рыбой, а с бандой Отто водится постольку, поскольку невозможно жить у западных ворот и с нею не водиться, что Отто дома не ночует никогда, поскольку папаша у него – известный пьянчуга, а матери нет вовсе, что Рябого по-настоящему зовут Гансом, и что вообще он парень неплохой, но трусоват, и дальше-больше-обо-всех-про-всё. Он говорил и говорил без умолку и вскорости успел изрядно Тилу надоест. Сказать же ему: «Пооди прочь» было как-то неловко, не потому, что не хотелось ссориться, а просто и без этого проблем хватало. Телли был противен этот разговор. В этой «дружбе» был оттенок того самого «унижения пополам со страхом», о котором говорил Рудольф. Заводила Блошиной Канавы и тут стремился выгадать что-нибудь для себя – не власти, так безопасности. Всё это выглядело глупо и нелепо, и Телли попытался сосредоточиться на представлении.

А на сцене тем временем и впрямь начиналось интересное. Силач со своими железками убрался. Канатоходец – вертлявый парнишка, обтянутый лоскутным, ромбами, трико, схватил зелёное яблоко величиной с кулак, вскарабкался повыше и подвесил его на бечёвке к канату. Парнишка с лютней примостился на краю помоста, свесив ноги и тихонько пощипывая струны, а акробатка встала чуть поодаль, держа в руках три дротика и чёрную повязку. Канатоходец посмотрел на девушку, та на канатоходца, оба кивнули, и парень проворно пополз по канату.

– Хэй, горожане! – выкрикнул он, повиснув на руках и сверкая голыми коленками. – Вон яблоко висит, всем видно?

Толпа нестройным жидким хором подтвердила, что яблоко там и впрямь висит, и видно его всем, мол, эка невидаль – яблоко висит, да и вообще.

– Ха! – парень изогнулся и ловко подтолкнул его пяткой. Яблоко закачалось. – А как вы скажете, возможно ли попасть в него дротиком на пяти шагах?

Толпа вразнобой загомонила, что вообще навряд ли, но, может, и можно.

– А ежели с закрытыми глазами, тогда как?

Толпа откашлялась, похихикала и однозначно заявила, что уж вот этого никак не можно.

– Ха! – канатоходец, казалось, торжествовал. – Нора! Давай!

И спрыгнул вниз, заставив яблоко качаться ещё сильнее. Девушка быстрым движением завязала себе глаза, помедлила, затем последовал короткий взмах руки, и оперённая стрелка настигла яблоко на лету. Народ загомонил и полез поближе к помосту. Прежде чем яблоко успело качнуться туда и обратно, ещё два дротика вонзились ему в бок, и девушка сняла повязку. Толпа разразилась одобрительными воплями, в подставленную парнем шапку полетели медяки.

– Ага! – канатоходец выскочил на сцену, быстро выдернул и вернул девчонке дротики. – Ещё хотите?

Вновь яблоко качнулось на верёвке, вновь дротики нашли свою цель, и снова разноцветный акробат вскарабкался наверх.

– Кто хочет бросить сам? Кто хочет? – крикнул он, размахивая рукой с зажатыми в ней дротиками. – Пять талеров тому, кто попадёт! Хотя бы раз! С открытыми глазами, господа! Ха! Ну-ка, кто?

Какой-то зритель влез на сцену, хапнул дротики и после долго целился, смешно отставив зад, промазал все три раза и слез обратно под весёлый смех и улюлюканье. За ним последовал второй, с тем же результатом, а после – третий. Арлекин в цветном трико дурачился у них за спиной и передразнивал, вызывая в толпе взрывы хохота.

– Не попадут, – уверенно сказал у Телли за спиной Макс-Румпель. – И вообще никто не попадёт, куда им. Этих сызмальства учат стрелки бросать, вишь, как девка насобачилась. Даже и не спорят, сразу деньги сулят... Эй, ты куда?

А Тил и в самом деле вдруг шагнул вперёд.

«А что, – подумалось ему, – не бросить ли разочек? Денег ведь за это не берут... А не попаду, так хоть от Макса этого избавлюсь, пока он меня насмерть не уболтал».

Раздражение ушло, Телли разобрал азарт. Он поправил сумку на плече, протолкался ближе и вскарабкался на помост.

– А ну, я! – крикнул он. – Дай, я попробую.

– Держи! – цветной усмехнулся от уха до уха и протянул ему дротики. Те оказались неожиданно увесистыми – три толстые стрелки со свинцом под остриями и цветными перьями на хвостике. Тил покачал их на ладони, вызвав в толпе ехидные смешки, и поднял взгляд на девушку.

– Ну, что же ты? – она усмехнулась. – Давай бросай, не задерживай других.

– Да это... – Телли покраснел и указал рукой: – А можно мне тоже... повязку?

Толпа грохнула. Тил покраснел ещё сильнее, но протянутую девушкой повязку взял – не отступать же! – вздохнул и завязал глаза. Попробовал сообразить, где там качается дурацкое яблоко. Не смог. Народ притих, и Телли оставалось надеяться, что он по-прежнему стоит к толпе спиной. Мелькнула мысль, как будет здорово по ошибке зафинтилить стрелой кому-нибудь в глаз. Он встал поудобнее, два раза глубоко вздохнул, бросил первую стрелку и по смешкам и замечаниям, донёсшимся из-за спины, понял, что промахнулся. Вторая так же бесшумно запуталась в занавесе. Телли усмехнулся, повертел в руке последний дротик, замахнулся и вдруг почувствовал, как что-то изменилось.

Он *видел* это яблоко. Не глазами, по-другому, но он видел его – зелёный, со следами от иголок, шар на тонкой нити. Оно качалось медленно, огромное, попасть в него теперь не составляло труда. Это было так неожиданно, что Телли даже не успел сообразить, что происходит. А выше яблока тянулась, уходя к канату...

Пальцы его разжались, и дротик отправился в полёт.

Что-то стукнуло о доски настила, и тотчас ахнула толпа. «Так его, Тил!» – выкрикнул кто-то (не иначе Макс). Телли торопливо сорвал с глаз повязку и вытаращился на яблоко, упавшее на помост.

Дротик перебил нить!

Тил, торжествуя, обернулся к девушке.

– Я попал, – сказал он, ещё не веря в свою удачу. – Пять талеров мои!

– Постой, постой! – цветной парнишка выскочил вперёд. – Какие талеры? По уговору надо было в яблоко попасть! Нитка не считается! Так, горожане? Так?

«Ещё чего! – загомонил народ. – Наобещал, а теперь на попятную?»

– Жулик!

– Фигляр!

– Сам попробуй попади!

– Гони деньги, плясун канатный! Нечего мальчика дурачить!

Парень растерялся и метнулся за кулисы. Через минуту оттуда выплянул силач, уже набросивший на плечи тёплый стёганный кафтан. Он бросил на толпу оценивающий взгляд, посмотрел на девушку. Покачал головой. Взгляд его Телли не понравился, и он уже уверился, что нежданный выигрыш уплывает из рук, как вдруг девушка встала на его защиту.

– Отдай деньги, Арни, – вдруг сказала она.

– Он не попал в яблоко, – возразил тот. – Олле сказал...

– Олле – дурак и жадина, – выругалась та, шагнула к занавесу и подобрала дротик. – Ты не понимаешь. Он *целился* в нитку. Отдай ему деньги.

Тот помедлил, затем полез в кошель.

– Держи.

В подставленную Телли ладонь легли пять кругляшей серебра. Телли почувствовал, как губы его против воли растягивает глупая улыбка. Он поднял взгляд на девушку.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности, – отмахнулась та. Прищуренные, цвета кожуры спелого ореха, глаза её смерили Телли внимательным взглядом. – Ты здешний?

– Нет. Вернее – да... Хотя, на самом деле – нет.

– Хочешь поработать с нами? – Тил покачал головой. Девушка вздохнула: – Ну, ладно. Всё же заходи как-нибудь ещё. Поговорим.

– Я... может быть. Потом.

Толпа к этому времени уже потеряла к Телли интерес: парнишка на канате затеял новую потеху.

– А кто мне даст один башмак? – взобравшись наверх, подзадоривал он зрителей. Поверх цветастого трико он повязал широкий холщовый фартук. – Эй, вы, внизу, а дайте мне по башмаку! Спорю, что заставлю их плясать на канате вместе со мной!

– На что спорим? – азартно выкрикнули снизу.

– А хотя б на медяк! Ну? Э! Э! Не все сразу! Эй, Вилли, собери у них монетки.

Поименованный отложил свою лютню и с шапкой пошёл по рядам. Снизу полетели башмаки. Олле ловко их ловил и складывал в подол. Когда их набралось десятка полтора, он дал понять, что хватит, ловкими скользящими шагами выбежал на канат и стал приплясывать на нём, придерживая фартук с башмаками.

– Ха! – закричал он. – Видите? Вот я пляшу, и ваши башмаки тоже!

«Враньё! – закричали в толпе. – Надувательство! Деньги назад!»

– Какое надувательство? – с притворным удивлением заявил тот. – Я же не обещал, что башмаки запляшут *сами по себе*! Я сказал, что они будут плясать на канате *вместе со мной*!

Кто-то засмеялся, кто-то засвистел. Публика, конечно, понимала, что её одурачили, но также понимала, что и Олле по-своему прав, да и связываться с циркачами, среди которых был такой силач, как Арни, никому не хотелось. Плясун меж тем принялся швырять башмаки по одному обратно, и в толпе началась давка. Казалось, это веселило циркача ещё больше.

– Хотели потеху? Получайте! Эй, толстый, держи свой башмак!

– Это не мой! – выкрикнул какой-то горожанин, стоя на одной ноге и потрясая зажатым в кулаке грязным башмаком.

– Ах, ошибочка вышла... Сейчас. Оп! Ой, извините, не хотел... Следующий!

Толпа обступила один из столбов, меж которыми был натянут канат, и принялась его раскачивать. Олле оступился и повис на руках, кривляясь и хохоча. Оставшиеся башмаки градом посыпались на головы горожан.

– Побьют, – девушка из-под ладони наблюдала за проделками канатоходца. – Как есть побьют. Ах, Олле, Олле... К такой бы ловкости хоть чуточку ума! Арни, ну сделай что-нибудь!

Проказника тем временем уже стащили с каната и теперь лупили чем попало. Из людской кучи доносилось разноголосое ойканье. Арнольд, как медведь, влез в самую гущу драки, раздавая оплеухи направо и налево, и вскоре появился вновь, таща канатоходца за шкуру, как котёнка. Толпа разразилась хохотом, свистом и весёлой бранью.

– В другой раз свою верёвку над озером натяните, – посоветовал Телли. – Этот всё равно не упадёт, а толпе не подобраться. А упадёт – невелика беда.

Арнольд посмотрел на него с интересом. Потёр ладонью подбородок и посмотрел вверх, на перекошенную, всю в грязи и синяках, физиономию Олле, которого он всё ещё держал на весу.

– Не так глупо, как кажется, – он встряхнул канатоходца. – Слышишь, а?

– Да слышу, слышу! – извиваясь, пропыхтел тот. – Отпусти! Вот чёрт здоровый... Нора! – взмолился он, – ну скажи ему, чтоб отпустил!

– Ладно уж, иди.

Народ вокруг помоста веселился вовсю. Арни ловко поставил Олле на ноги и повернулся к Тилу. Смерил мальчишку взглядом с ног до головы, прищурился:

– Как тебя зовут?

Тот предпочёл не лгать:

– Телли.

– Ты правда целился в нитку?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Так получилось.

– Получилось? Хм... Сдаётся мне, что-то тут не так. Ладно, ступай. Будет охота – заходи.

Телли кивнул, спрыгнул с помоста, протолкался сквозь толпу и уже направлялся домой, да остановился, натолкнувшись на Румпеля. Тот расплылся в улыбке.

– Ну, Тил, ну, здорово ты их! Угостишь пирожком с выигрыша?

Мгновение Тил колебался, но потом решил, что в честь такой удачи не грех и покутить.

– Пошли!

Пирогамы дело не ограничились – по дороге новоиспечённых приятелей занесло в овощной ряд, и удержаться от соблазна не было возможности: прилавки прогибались под тяжестью дешёвых по осени фруктов. Сперва обоим захотелось груш, потом им попались на глаза медовые сливы, потом – янтарные грозди винограда, простые и китайские яблоки... Стоковавшийся по сладостям Тил, что называется, «оторвался» и не заметил, как истратил полталера. Попутно Тил прикидывал, какие выгоды он мог бы поиметь с нового знакомства. Выходило, что пока никаких, зато в голову ему пришла одна мысль.

– Слышь, Макс, – он облизал липкие от винограда пальцы, – ты откуда знаешь, что в корчме произошло?

– А брат рассказал, – охотно пояснил Румпель. – Он там с Гиеной был и жив остался, только сидеть теперь не может. Это... задницу обжёг.

– Брат, говоришь?

– Ага. Матиас. А чего?

– Поговорить бы с ним.

– Ну, это можно устроить. Ты домой?

– Домой. Бывай, Макс.

– До скорого.

Румпель повернулся и направился к палатке, где толстый кукольник с огромной чёрной бородою, заткнутой за пояс, водил на нитках чудную длинноносую куклу. Телли долго смотрел ему вслед, потом обернулся к помосту. Представление продолжилось, бард Вилли снова ударил по струнам:

Вид медузы неприличен,
Не похвалим и змею.
Человек любить приучен
Только женщину свою!
Обезумев от соблазна,
С обоюдного согласия
Он усердствует на ней
Меж кладбищенских камней.

А змея над ним смеётся,
Рассуждает о своём,

То восьмёркою совьётся,
То засвищет соловьём!
У неё крыло стальное,
В перьях тело надувное,
Кудри дивные со лба —
Невесёлая судьба! ⁷

Он всё пел, сопровождаемый взрывами хохота, эту новую песню, а в голове у Тила вдруг снова всплыли строчки старой.

— У вечности ворует всякий, — повторил он про себя, и снова колкий холодок пробежал между лопаток. — А вечность — как морской песок...

* * *

Домой Телли возвращался, испытывая смешанные чувства — гордости и тревоги. Пять талеров, перебитая нить и перемирие с Канавой — неплохой итог для одного дня. С другой стороны, непонятное ощущение, возникшее во время броска, да и само знакомство с трупной акробатов наполнили душу Телли смутным беспокойством.

Бликсы не было, зато Рудольф сидел за столиком, беседуя с каким-то толстяком. Толстяк был красен и сердит, вся шея у него была в лиловых вздувшихся рубцах, и лишь когда оба обернулись, Тил сообразил, что перед ним не кто иной, как Томас, только здорово спавший с лица и заросший недельной щетиной.

— ...Даже не проси, — Рудольф придвинул к Томасу увесистый, приятно звякнувший мешочек. — Не возьму. Ну что я, нищий, что ли? Тил, не стой в дверях — холоду напустишь!

— Да я же не за так, пойми ты! — вскинулся хозяин «Башмаков». — Я в благодарность! Вот ведь чёрт упрямый... Лис мне жизнь спас и вобще, так неужели ж я всё это так оставляю?

— Вот ему и отдашь, когда он вернётся. И не пыхти так — лопнет что-нибудь.

— Да где ж его сыскать теперь? Где? Я ж знаю, что у вас творится, хоть по слухам, а знаю, ко мне ведь тоже стража приходила. Вот и Марта говорит, иди, мол, потому как пришла беда один раз, придёт и два, сегодня — к нам, а завтра — к им. Я перед парнем тем теперь по гроб жизни в долгу, а что он там в «Петухе» накуролесил, знать не знаю и знать не хочу. Возьми, Рудольф, не обессудь. Вон этому, — он кивнул на Рика, — хотя бы рыбы купишь. А коль Жуга вернётся, так скажи, чтоб заходил, когда захочет: я ему бесплатно наливать буду. Так и скажи, слышь? — Он встал и нахлобучил шляпу. — Ну всё, пошёл я. Завтра рано открываю, надо всё проверить, посмотреть, и вобще. Бывай, Рудольф, и ты, Тил, тоже.

Дверь за ним закрылась. Старьёвщик подбросил кошель на ладони, посмотрел на мальчишку.

— Томас, — пояснил он неловко. — Деньги принёс.

— Я уже понял, — Телли кивнул и выложил на стол четыре талера. — Я тоже: вот.

Старьёвщик удивлённо поднял бровь:

— Откуда столько?

— После расскажу, — Телли посмотрел на Рика. С головой укрытый старым одеялом, тот лежал на коврике у камина и не шевелился. — Как он?

— Да так же. Ничего не ел и не вставал.

Дракончик был совсем плох. Телли присел рядом и приподнял Рику голову. Чешуйчатые веки чуть дрогнули, хвост выбил по полу короткую тройную дробь. Тил помедлил, смочил в воде тряпку, пристроил драконью голову себе на колени и выжал воду в пасть меж сомкнутых

⁷ Стихи Алексея Цветкова.

зубов. Ещё раз и ещё. Рик приоткрыл глаза, короткое мгновение смотрел на мальчика и снова смежил веки. Шершавый язык благодарно скользнул между пальцев. Тил почувствовал, как слёзы бегут по щекам, и отвернулся, не в силах их сдержать.

Рудольф подошёл ближе, поворошил дрова в камине и опустился в кресло.

– С ним не было такого раньше? – он кивнул на Рика.

– Не знаю, – Телли всхлипнул и помотал головой. – Вернее – не помню.

– Может, ещё выкарабкается. Кабы знать, что с ним...

– Жуга бы узнал, что.

– Жуга тут не помог бы. Он его сам впервые у тебя увидал, – старьёвщик нахмурился, покачал головой и вытащил кисет. – Что-то не так с его болезнью. Что-то не так.

Оба примолкли. Тил вытер слёзы, снова макнул тряпку в миску и стал протирать драконью чешую, Рудольф задумчиво набил трубку, прикурил от уголька и теперь попыхивал ею, откинувшись на спинку кресла. Тил поморщился.

– Не дыми так сильно.

– А? Прости, задумался. Я и забыл, что ты не переносишь табака.

В дверь вдруг стукнули – одним коротким и отчётливым ударом.

– Наверное, Бликса, – Рудольф поднялся и двинулся к двери. – Рановато он сегодня. Хотя, постой, я же не закрывал засов... Эй, кто там?

Ответа не было. Телли и Рудольф переглянулись.

– Не открывай!

– Телли, не дури, – старьёвщик отворил дверь и выглянул на улицу. – Хм, никого... Я же говорю, что дверь не заперта, и если бы захотели напасть... Хм, хм... А это что?

В двери, приколотый ножом, торчал кусок пергамента, старый, пожелтевший, с обгорелыми краями и корявой надписью. Рудольф сорвал его, пробежал глазами и нахмурился.

– Что это? – вскинулся Телли.

– Ничего, – помедлив, сказал Рудольф, подошёл к камину и бросил пергамент в огонь. – Безобразит кто-то, вот и всё. Не бери в голову.

Тил молча смотрел, как огонь пожирает корявые неровные строчки, и в который раз пожалел, что не умеет читать. Вспомнился нож в двери, толпа на улице и распалённый парень с факелом. Рудольф что-то скрывал от него – с такими вещами не шутят.

Телли ничего не сказал, но про себя решил сегодня быть настороже.

Лудильщик так и не пришёл.

* * *

Проснулся Телли, услышав, как тихо хлопнула закрывшаяся дверь. Поднял голову, прислушался и осторожно стал выпутываться из одеяла. Проклятый тюфяк оглушительно зашуршал. Ругаясь про себя, Тил подхватил стоящие в ногах башмаки, прокрался между полок к выходу и, приоткрыв дверь, выглянул. Комната внизу была пуста. В неверном свете тлеющих каминных угольков виднелась мебель, развороченная стойка и укрытый одеялом Рик. По углам метались тени. Внезапно послышались шаги, заскрипела лестница. «Рудольф!» – мелькнула мысль.

Он не ошибся – это в самом деле был Рудольф. Затаив дыханье, Телли пронаблюдавал, как старьёвщик остановился у камина. Потрогал фигурки на доске, поскрёб небритый подбородок. Посмотрел на спящего дракончика, помедлил и подбросил дров в огонь (камин теперь топили круглосуточно). На левом виске старика темнела ссадина от камня. Был он сейчас одет для улицы – в тёплый стёганный кафтан и суконную шапку с ушами. В руках его был нож, тот самый, что воткнули в дверь. На краткий миг Телли испугался, подумав, что Рудольф решил прирезать спящего дракончика, но вместо этого старьёвщик спрятал нож в рукав, минуту-другую

повозился с дверным засовом и вышел, осторожно притворив за собою дверь. Установленный хитрым способом засов с коротким лязгом лёг на место. Воцарилась тишина.

Телли сунул ноги в башмаки и торопливо сбежал по лестнице. Приподнял одеяло – дракончик спал, упрятав голову под левое крыло, бока его судорожно вздымались и опадали. Удостоверившись, что Рик в порядке, Тил сорвал с гвоздя кожух, набросил его на плечи, помедлил, схватил посох и вслед за Рудольфом выбежал в темноту холодной октябрьской ночи.

Была луна. На мелких лужах намерззал ледок. Среди развалин завывал осенний ветер, пустой фонарь под аркой жалобно скрипел. На улице Синей Сойки было тихо и безлюдно. Ёжась от холода, Телли поразмыслил и решил, что вряд ли старик пошёл к замурованной башне, и потому без промедления направился в другую сторону, к центру города.

Для своих лет Рудольф шагал удивительно резво. Телли уже подумал, что ошибся в рассуждениях, но через два квартала впереди замаячила сутулая спина старика. Рудольф шёл не оглядываясь, и Телли приходилось прилагать немалые усилия, чтоб не перейти на бег – старьёвщик бы наверняка его услышал. Временами Телли и самому мерещились шаги, в переулках ворочались тени, он замирал, оглядывался, втягивая голову и нервно стискивая посох, но всё было тихо. Фонари теперь всё больше попадались целые, горящие. Временами с соседних улиц доносилось позвякивание амуниции и мерный топот башмаков городской стражи. Рудольф пережидал их в подворотнях. Телли следовал его примеру. Так они миновали рынок, площадь у собора, коптильню и постоялый двор «У камня». Часы на башне пробили три, а они всё шли и шли, пока не добрались до тёмного трёхэтажного дома, ничем не выделяющегося из череды других таких же. Здесь Рудольф постучался и, когда дверь отворилась, скрылся внутри.

Телли огляделся и обнаружил, что находится почти у самой Башни Толстухи Берты, в квартале, известном всему городу как Блошиная Канава.

– Так-так, – пробормотал он, стуча от холода зубами и пряча в рукавах замёрзшие ладони. – Интересно получается... Какого чёрта ему здесь понадобилось?

Телли уже давно привык говорить со своим драконом, не ожидая ответа, и не замечал, что разговаривает сам с собой. Стучаться в двери не хотелось. Он заглянул в проулок, посмотрел наверх. На третьем этаже, сквозь неплотно закрытые ставни, пробивалась полоска света. Вдоль угла, до самой крыши, сизыми коленчатыми изгибами тянулась водосточная труба. При известной сноровке и смелости по ней вполне можно было взобраться, и Телли не раздумывал ни секунды.

Посох, заткнутый сзади за пояс, здорово мешал, всё время казалось, что он выскользнет и упадёт на мостовую. С замирающим сердцем Телли наконец добрался до крыши, подполз к дымовой трубе и только после позволил себе отдышаться. Прислушался. Из чёрного провала доносились тихие голоса. Дыма не было, лишь едва ощутимо тянуло теплом – камин сегодня уже протопили. Телли ещё внизу решил, что будет делать, но теперь, когда для придуманного плана не возникло никаких препятствий, вдруг заробел. «В конце концов, – подумалось ему, – чего тут сложного? Трубочисты этим каждый день занимаются. А если что – вернусь назад. А иначе какого чёрта я за ним шёл?»

Телли прикинул на глаз ширину дымохода, поколебался, затем положил посох поперёк трубы, привязал к нему ремень и решительно полез внутрь.

Дымоход был узок – только-только чтобы упереться. Пушистая тепловатая сажа сыпалась за шиворот, Телли постепенно согрелся. Ремень вскоре пришлось отпустить. Зажимая нос и стараясь не шуметь, мальчишка медленно сползал вниз по трубе, пока, взглянув в очередной раз под ноги, не разглядел свет. Голоса доносились уже вполне отчётливо. Тил решил, что с него хватит, устроился поудобнее, упёрся коленками в стену и приготовился слушать.

Голосов было несколько – Телли различил четыре, хотя два из них были очень похожи. Он даже принял их сперва за один, пока те вдруг не заговорили разом. Рудольфа Телли опознал без труда, остальных он никогда до этого не слышал.

Голоса спорили.

– ...полтора десятка лет вдруг наново раздрай делить, в натуре, запаadlo! – громко возмутился кто-то (разговор для Телли начался с полуслова). – Если уж тебе так засвербело...

– Попридержи язык, Мориц! – осадил его Рудольф таким тоном, что Телли не сразу и узнал его. – Ещё раз говорю, мне плевать на вашу мышиную возню. И нечего было ломать комедию с ножом.

– Ты знаешь закон.

– Это ваш закон, не мой. Я отошёл от дел.

– И это ты говоришь после того, как твой поделщик порешил четверых наших?! Ещё скажи, что ты тут ни при чём!

– И скажу. Он сам по себе, я сам по себе. Я в его дела не лезу, и если кто с ним что не поделил, значит, сам виноват. Где он сейчас, я не знаю, но думаю, если он появится, вам несдобровать.

– Кто он такой? – вмешался третий голос. – Откуда взялся?

Рудольф помедлил, прежде чем ответить.

– Я очень мало о нём знаю, – сказал он наконец. – Он пришёл ко мне два месяца назад. Он и этот мальчишка с драконом. Занялся травами, но не соломой, а лекарством. Сам он с юга, откуда-то с гор, говорит, был пастухом, а после...

Один из собеседников внезапно фыркнул и рассмеялся хриплым громким смехом, словно Рудольф к месту и весьма удачно пошутил.

– Уж соврал так соврал, – поддакнул второй. – Интересно, где он в таком разе наловчился так мечом махать? Гиена от него едва отбилась.

– Не скажи, – серьёзным тоном вмешался третий. – Это в наших деревнях, внизу, пастушат дураки да ребята, в горах всё по-другому. Там они без топора из дому не выходят. Если разобраться, так они там все разбойники, а кто не разбойник, тот разбойница... Он больше ничего не говорил?

– Я не спрашивал.

– Темнишь, Рудольф, ох, темнишь...

– А парня своё, белобрысого, какого хрена на Косого натравил?

– Нечего было факелом размахивать. Пусть скажет спасибо, что жив остался, а ещё раз сунется, так я его...

Тут Рудольф выругался так, что Телли на некоторое время потерял нить беседы, озадачившись, как такое проделать и возможно ли это вообще, а когда вслушался опять, разговор уже шёл о другом.

– ...а ты не пугай! – кричал кто-то. – Понадобится, так мы и дом твой спалим, вместе со всем барахлом!

– Уйди с дороги! Не тебе меня учить, Яббер, – ты ещё под стол пешком ходил, когда мы с Рихардом караваны водили.

– В самом деле, Руди, – вновь вмешался тот, что поспокойнее, – откуда взялись эти собаки?

– Да не знаю я! – выкрикнул Рудольф и добавил устало: – Не знаю. Если кто и разобрался, так это Жуга, но его уже не спросишь. Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов. Оставьте меня в покое. Я сказал всё, что знаю.

Задвигались стулья. Открылась и закрылась дверь, видимо, выпуская Рудольфа. В трубу дохнуло сквозняком. Телли вознамерился лезть наверх, но три собеседника выдержали паузу и вдруг заговорили вновь.

– Что скажешь, Мориц? – спросил спокойный голос.

– Что-то тут не так, если Рудольф опять взялся за своё. Весёленькая парочка, ничего не скажешь – старый лис и молодой. Думаешь, они оставят нас в покое? Даже если рыжий

не вернётся, Рудольф нам этого не простит. Порешить обоих – и дело с концом. А ещё этот, белобрысый, с его ящерой. Давно пора было им заняться. Три – хорошее число.

– Яббер?

– Как-то не верится, – отозвался тот, – что после пятнадцати лет затворничества Руди снова рвётся к власти. Вон и Бликса говорит, что вроде как поврозь они с этим рыжим...

Телли чуть не свалился в камин. Бликса! Стали понятны и все его расспросы, и нежелание съезжать от Рудольфа. Собака, конечно, выбрала жертву наугад, но и ночные хозяева города очень ловко воспользовалась случаем, чтоб подослать к Жуге шпиона. Телли чуть не застонал, кусая кулаки в бессильной ярости.

– Выражайся яснее.

Яббер помедлил.

– Я против, – сказал он наконец. – Рано нам Рудольфа убирать. Да и вообще, не люблю я это дело.

Как оказалось, это не конец. Владелец спокойного голоса испросил мнения ещё двоих, доселе, видимо, молчавших.

– Рикер?

– Моё дело маленькое, – хрипло и отрывисто сказал тот. – Как брат, так и я.

– Понятно... Хольц?

– Убить.

Телли испугался, что в комнате сейчас услышат, как у него заколотилось сердце. Теперь было ясно – какое бы решение ни принял тот, кто спрашивал, результат не изменится: три против двух или четыре против одного – нет разницы.

Надо было срочно предупредить Рудольфа.

Телли подобрался и медленно пополз наверх.

– Ну, что ж, раз так, – донеслось снизу, – быть посему. Хотя я не стал бы с этим спешить. «Проклятая труба!»

Телли знал, что подниматься будет труднее, чем спускаться, но даже не подозревал, насколько. Он продвигался медленно, извиваясь, как уж, и с трудом удерживался, чтобы не чихнуть. Дом в своё время строили на совесть, кирпичи в дымоходе были гладкими, смыкаясь без зазора. Казалось, что труба кнаружи сходится на конус. Мелькнула мысль, что так, наверное, и есть. «Хоть бы какие ступеньки сделали, что ли...» – посетовал он про себя, и в этот миг рука нащупала какую-то железку. Телли с радостным облегчением ухватился за неё, подтянулся, но через миг понял, что совершил ошибку – чугунная выюшка со скрежетом вдвинулась внутрь, пальцы сорвались, и мальчишка заскользил вниз по трубе, тщетно пытаясь удержаться.

Весь в копоти и саже, Телли с грохотом вывалился в камин и, чудом увернувшись от упавшей следом выюшки, растянулся на полу.

* * *

Комната, в которой так скоростижно очутился Телли, была невелика и выглядела необжитой. Кровати не наблюдалось, а был здесь шкаф, большой квадратный стол, ковёр и табуретки. Вся мебель была старая, грубой работы, и только камин неподобающе роскошен.

На столе горела масляная лампа. Пять человек вокруг неё с изумлением вытаращились на выпавшее из камина существо. Изумление их, однако, продлилось недолго.

– Это что за чёрт?! – вскричал один, вскакивая и хватаясь за нож. – Яббер, это из твоих?

– Впервые вижу, – отозвался лысый как коленка толстяк в сером плаще, протянул руку и повернул лампу, направляя свет на Телли. – А ну, Мориц, тащи его сюда.

Тот ухватил мальчишку за ворот, приподнял и встряхнул, поставив на ноги. Обшарил, отыскивая оружие, не нашёл и сунул нож за пояс.

– Ты что там делал, а, сопляк? – рявкнул он. – Подслушивал?

Телли обнаружил, что вполне различает всех пятерых по голосам и, как он ни был ошарашен, почувствовал облегчение от мысли, что под слоем копоты узнать его затруднительно. Иначе, памятуя всё, что он услышал о себе, ему бы не поздоровилось. Тил лихорадочно пытался сообразить, чем можно оправдать своё появление, но в голову не лезло ничего, кроме идиотского: «Трубочиста вызывали?» Он гулко сглотнул и облизал пересохшие губы.

– Я это... как его...

– Только не говори, что ты трубочист, – будто прочитав его мысли, усмехнулся Яббер. – Кто тебя подослал? Отвечай!

– Рикер, сходи проверь вход, – коротко бросил своему соседу высокий худощавый парень. – А ну как ещё кто пожаловал...

– Там Август.

– Всё равно проверь.

Тот кивнул и вышел. Парень повернулся к Телли и смерил его взглядом. Поманил пальцем:

– Ну-ка, подойди.

Спокойный голос принадлежал ему. Телли сделал шаг и остановился. Выходить на свет было опасно – его могли узнать, а стало быть, убить, но остаться в тени ему не дали – Мориц подтолкнул его в спину.

– Шагай, шагай, – буркнул он, – а то наваляю. Ну!

– Ты кто такой?

Телли молчал. Мориц выругался, схватил его за плечи и рывком развернул к свету. Вгляделся в лицо и вытаращил глаза:

– Хольц! Это же этот... Рудольфов щен...

Не дав ему договорить, Тил рванулся к столу, оставив кожух в руках у Морица, и прежде чем его успели остановить, схватил со стола лампу и швырнул её на пол.

Он надеялся, что, подобно травнику, в темноте сумеет выбраться, но результат получился противоположным. Светильник разлетелся вдребезги, ворвань растеклась горячей лужей и мгновенно вспыхнула. Все четверо с проклятьями шарахнулись прочь от стола. Мориц попытался сбить огонь кожухом, но только пуще разогнал его. Пожирая старый вытертый ковёр, пламя с гулом поползло к камину.

– Мальчишку! – взвыли позади. – Держи мальчишку!

Внизу загрохотало, дом вдруг наполнился шумом и суматохой, и Телли с нарастающим ужасом понял, что пробиться наружу ему не удастся. Уже на лестнице кто-то его вновь схватил за ворот. Телли взвыл, извернулся, укусив что было мочи держащую руку, и получил в ответ такую затрещину, что кубарем скатился по ступенькам. Прежде чем он встал, преследователь догнал его и занёс ногу для удара:

– Ах ты, сучонок! Ну, всё, драконий выкормыш, отбегался!

Мелькнуло перекошенное яростью лицо Морица. Тил зажмурился и сжался, но удара почему-то не последовало. Вместо этого раздался короткий сдавленный крик, хрустнуло, пол рядом с ним тяжело содрогнулся, и наступила тишина. Телли опасливо открыл один глаз, второй – и отшатнулся: перед ним лежал Мориц.

Мёртвый.

И, насколько Телли мог об этом судить, было очень похоже, что ему свернули шею.

У Телли закружилась голова. Он попытался сесть и вдруг углядел на лестничной площадке ещё один тёмный, невероятно большой силуэт. Человек неторопливо огляделся, вслушиваясь в буйство огня наверху, удовлетворённо кивнул и протянул Телли руку.

– Если хочешь жить, – сказал он, – идём со мной.

Телли вздрогнул, но тут же выдохнул с облегчением.

Это был Арнольд.

* * *

За стеклом была чернота. Бликса прижался к окошку вплотную, но и тогда ничего не смог разглядеть: свечи в доме не горели, а камин погас. Рудольф и Телли, вероятно, спали. Касаемо дракона, Бликса искренне надеялся, что тот уже успел подохнуть. Змей он терпеть не мог с детства, а уж ящериц...

Арбалет тяжело оттягивал руку. Бликса повесил бы его на плечо, не будь ремень оторван и потерян в давней схватке. Это была дрянная копия оружия работы Марвина, с капризным стопором и неудобным ложем, которую ему всучил по дешёвке знакомый подмастерье оружейника. Круг, пронзённый молнией, – эмблема известного мастера, коряво вырезанная на ложе, выглядела издевательски. Ничего лучше Бликсе раздобыть не удалось, он и этот хлам нашёл едва ли не в последнюю минуту. Бликса был не силён в драке, мечом владел из рук вон плохо, и арбалет был его единственной надеждой на спасенье, если что.

Если – что?

Замка на двери снаружи не было. Бликса осторожно подёргал за ручку, прежде чем постучать, и был немало удивлён, когда дверь открылась. Он вошёл в дом, затворил дверь за собой и задвинул щеколду. Сердце его бешено колотилось. Он подошёл к столу, перехватил арбалет в другую руку и зашарил в темноте, отыскивая свечку. Нашёл и двинулся к камину.

Неподвижная туша дракона лежала на прежнем месте, укрытая одеялом. Осторожно, стараясь не наступить на хвост, Бликса обошёл гада и присел у камина. Положил на пол арбалет, разворошил золу, отыскивая тлеющий уголёк, обжёгся и сунул палец в рот.

События последних дней окончательно его издёргали. Ранение, поправка, затем приказ от воровских главарей следить, что здесь творится... В лавке у Рудольфа ему всегда было не по себе. Все эти зеркала, дракон, сова и волчья шкура на стене, бутылки с разноцветными настойками и эта чёртова волшебная доска производили на Бликсу гнетущее впечатление. Сам Рудольф его и вовсе иногда пугал, когда целыми днями неподвижно просиживал в кресле, попыхивая трубкой. О чём он мог всё время думать, что он замышлял, этот с виду безобидный скупщик барахла, а в недавнем прошлом – едва ли не главарь подпольной гильдии воров? Пятнадцать лет назад он добровольно отошёл от дел, и чтобы поделить оставшуюся власть, понадобилось пятеро! Рудольф держал преступный мир железной хваткой. Бликса знал, что и сегодня старик способен убить его голыми руками. А этот травник, с его манерой махать дубинкой по утрам... Бликса поёжился. Даже когда он лежал здесь больной, то старался пореже выходить из отведённой ему комнаты. Теперь же, в темноте и тишине, дом старика Рудольфа здорово смахивал на ловушку. Оружие своё лудильщик зарядил и взвёл заранее. Бликса сухо сглотнул. Ладони его вспотели, в горле першило. Нестерпимо хотелось покурить гашиша.

Он вряд ли бы вернулся сюда, не произведи его рассказ про доску и фигурки такого впечатления на Пятёрку. Хольц приказал забрать её и пошарить по углам: не найдётся ли ещё чего странного. «Шарить по углам» Бликса вовсе и не собирался – пусть ищут другого дурака, но насчёт доски перечить Хольцу не посмел.

А надо было бы.

«Дался им этот Рудольф!»

Он наконец подцепил уголёк и затеплил свечу. Скрюченный фитилёк оделся пламенем, мрак стал расползаться по углам. Щурясь и моргая с непривычки, Бликса поднял арбалет, огляделся, и в этот момент кто-то шумно и быстро вздохнул у него за спиной. Еле удержавшись, чтоб не закричать, лудильщик резко обернулся и шагнул назад, водя перед собой тяжёлым арбалетом. Посветил. Сало свечи проседало под пальцами.

– Кто здесь? – вполголоса окликнул он.

Молчание.

Что-то было не так.

Бликса почувствовал, как пот струится за воротник и стекает по спине. Жажда стала нестерпимой. Он помедлил. Наклонился к лежащему дракону. Трепещущий чадающий огонёк выхватил из темноты оскаленную морду, серую, в оспинах и складках. Остекленевшие глаза слепо таращились в потолок – проклятая тварь, похоже, в самом деле отдала концы. Бликса сплюнул в отвращении и снова вздрогнул, услышав за спиной негромкое «топ-топ» и шелест чешуи.

– Кто здесь?! – спросил он уже громче.

Ответа снова не последовало, лишь пламя свечи гипнотически дрогнуло. Ток воздуха нахлынул и исчез, оставив ощущение, будто нечто огромное прошло по комнате и снова замерло. Бликсу пробрал холодок. Руки его тряслись. Уже забыв про доску, и вообще про всё забыв, лудильщик попятился к двери, лихорадочно тыча арбалетом в темноту.

– Не подходи! Убью!

Он был бы рад услышать голос старика или мальчишки, писк дракошки, да что угодно, даже лай собаки, лишь бы не это молчание!

Он плохо помнил, что было потом. Тень вдруг надвинулась на него из темноты, большая, как гора, и в круге света против Бликсова лица возникла жуткая, блестящая от слизи, оскаленная морда. Раззявив пасть, усеянную зубами, чудище шумно вздохнуло, словно раздулись исполинские мехи... а затем так же шумно облизнулось.

Свечу задуло. Бликса завизжал, вскинул арбалет и дёрнул спуск. Звонко щёлкнула тетива, и тут же мощный удар в грудь сбил его с ног. Он взвыл и закатался по полу, потом на четвереньках бросился к двери.

Он выл, в крошечной темноте царапая засов, выл, в исступлении дёргая за дверь, что открывалась от себя, выл, вырвавшись на улицу... Все мысли исчезли, кроме одной – бежать! Бежать немедленно из проклятого дома, где в холодном сумраке бродит ЭТО!

И Бликса побежал.

Он нёсся дикими скачками, оглашая улицу истошными воплями, взъерошенный, в мокрых штанах. Идущего навстречу Рудольфа он даже не заметил.

А оглянуться уже не мог.

* * *

– Как ты узнал, что я был там?

– Я шёл за тобой. От самого дома. Твоего.

– Куда мы идём?

– К тебе. Конечно, если ты не возражаешь.

Телли поразмыслил и решил не возражать.

Закутавшись в широкий серый плащ, Арнольд шагал легко и быстро. На каждый его шаг Телли приходилось делать два своих. Арнольд спешил. Телли тоже склонен был поторопиться – даже если людям Хольца удалось справиться с пожаром, Рудольфа всё равно необходимо было скорей предупредить.

– Как только представился случай, я расспросил того парнишку о тебе, – рассказывал по пути Арнольд. – Он мне сказал, что ты ничей и что у тебя живёт ручной дракончик. Это правда?

– Парнишку? – Тил наморщил лоб. – Какого парнишку?

– Того, носатого. С которым ты болтался у помоста.

– А, Румпель! И что?

– Дракон, подумал я, мне б сейчас не помешал. Такого не было ещё ни у кого. Вдобавок, Нора велела тебе передать, что если ты захочешь с нами, она обучит тебя всем трюкам с дротиками. Она сказала, у тебя получится. Твой дракон и вправду тебя понимает?

– Уже поздно, – с горечью сказал Телли, чувствуя, как слёзы набегают на глаза. – Рик очень плох, вот-вот умрёт. Думаю, он не протянет и до завтра. Пришёл бы ты раньше, а сейчас...

– Даже если так, – задумчиво проговорил Арнольд, – то можно сделать чучело. Будем возить его с собой. Народ повалит валом. Ты против чучела не возражаешь?

– Нет, – угрюмо буркнул Телли, – но только если он умрёт.

...Крик они слышали, квартала не дойдя до Синей Сойки. Телли припустил бегом, Арнольд последовал за ним, придерживая плащ и громко топая, когда из-за угла навстречу им выскочил вопящий человек, промчался мимо и исчез за поворотом. Глаза у него были совершенно безумные.

Тил в изумлении остановился.

– Бликса! – окликнул он.

Арнольд на мгновение замедлил бег. Взглянул на Телли вопросительно: «Поймать?», но тот лишь помотал головой, и оба побежали дальше.

У входа в дом стоял Рудольф и всматривался в темноту. При виде Телли и Арнольда старик несколько не удивился, лишь нахмурился и кивнул на распахнутую дверь:

– Что здесь произошло?

– Не знаю, – выдохнул мальчишка в напрасной попытке отдышаться. – Я...

– Ты Бликсу видел?

– Он стукач! – выкрикнул Телли. – Его подослали те пятеро, с которыми ты говорил. Он обо всём им докладывал, слышишь? Нас убьют, Рудольф! Я слышал, я в трубе был...

– Плевать, что ты слышал, – нетерпеливо оборвал его Рудольф. – Всё это я знаю и без тебя. Что могло его так напугать?

Теперь и Тил с опаской заглянул в дверной проём. Было тихо, лишь доносился негромкий надоедливый скрип фонаря на ветру. Все трое переглянулись.

– Когда ты уходил? – спросил Рудольф.

– Не помню, – Тил нахмурился, – часы...

– К чёрту часы! До или после меня?

– После. Сразу за тобой.

– Значит, он забрался к нам потом. Интересно, кто ему открыл...

– Я не закрывал.

– Вот как? – Рудольф посмотрел на Телли, как на идиота. – Тогда молись, мой мальчик: один бог знает, кто мог забраться в дом, пока нас не было. Кстати, кто это с тобой?

Силач шагнул вперёд и с достоинством поклонился:

– Меня зовут Арнольд.

– Выглядишь крепким парнем, сынок. Как насчёт того, чтобы идти первым?

– Не надо, – сказал поспешно Телли и повторил: – Не надо. Я пойду.

Он поднялся по ступеням, помедлил, зачем-то отряхнул рубашку и вошёл. Тихо заскрипели половицы. Тил сделал несколько шагов и споткнулся. Наклонившись, с удивлением поднял арбалет и повертел его в руках.

– Что там, Тил? – слышалось снаружи.

– Подождите, – отозвался тот. – Сейчас осмотрюсь.

Свечки на столе не оказалось. Телли поколебался и с опаской двинулся к камину. Он сделал шаг, другой, как вдруг внезапный вихрь сбил его с ног, и прежде чем он успел крикнуть или заслониться, большой влажный язык несколько раз облизал ему лицо. Писк и возня, следовавшие за этим, лучше всяких слов сказали Тилу, кому принадлежал язык.

– Фу, напугал, чёрт! – с облегчением рассмеялся Телли. – Ну хватит, Рик, хватит... Да пусти же! Рудольф, Арнольд! Заходите.

Те вошли. Узнав, что свеча пропала, Рудольф вынул новую и запалил её у камина, после чего все трое так и замерли посередине комнаты, глядя на открывшуюся им картину.

– Крутая штука! – несколько оторопело наконец сказал Арнольд. – Это и есть твой дракон?

Рудольф повернулся к Телли.

– Это Рик? – спросил он сурово.

Телли посмотрел на возвышавшуюся перед ним громадину, затем – на пустую шкуру, лежащую возле камина, и обречённо кивнул:

– Рик.

* * *

Теперь, при свете, Рудольф мог разглядеть мальчишку получше. Разглядел и невольно переменялся в лице.

– Бог мой! Где тебя носило?!

Было чему изумляться: весь в саже и в пыли, Телли не походил на себя. Белые волосы стали пегими. Кожух исчез, рубашка была разорвана во многих местах, штаны лопнули. Синяк расплылся на пол-лица, одного зуба не хватало. Из-под обломанных ногтей сочились кровь.

– Чёрт тебя дёрнул идти за мной! – ругнулся старьевщик. – Надо же, в трубу... Ты хоть знаешь, с кем имеешь дело?

Телли промолчал, и старик снова повернулся к дракону.

– Что-то тут не так... – задумчиво проговорил он. – Ты уверен, что это он?

– Больше ж некому!

– Как сказать... А ну как мама его заглянула проведать?

– Шкура-то пустая...

– А это откуда? – Рудольф повертел в руках арбалет. – Должно быть, Бликса приволок.

– Стрела тоже здесь, – сказал Арнольд. – Вон, торчит над полкой.

Арнольд присел у камина и с интересом рассматривал выползок. Зеленовато-серая, уже почти совсем подсохшая кожа бугрилась неровными складками, ещё сохраняя форму драконьего тела. Отслоились даже когти, лепесточки век и плёнка от зубов. Вдоль брюха, от хвоста до головы, зиял неровный шов разрыва.

– Похоже, у нас теперь будет и дракон, и чучело, – сказал силач, вставая и вытирая руки о штаны. Вновь покосился на дракона. – Это шкура так ссохлась или он и впрямь стал больше?

– Не то слово, – упавшим голосом сказал Телли.

Дракон не просто увеличился в размерах – весь его облик переменялся так разительно, что подобная метаморфоза и вправду не укладывалась в голове. Он был теперь не ниже человеческого роста в холке, морда раздалась, на спине вдоль хребта прорезалась цепочка плотно сдвинутых остроконечных выростов, образовавших на голове роскошный гребень. Крылья, раньше выглядевшие как насмешка, теперь лежали вдоль спины упругими складками, ещё не полностью расправленные, в сеточке морщин, но это были настоящие, большие кожистые крылья. Шея, вроде бы, осталась прежней, но в сравнении с новым телом выглядела короткой: Рик стал плотнее и массивнее, исчезла ящеричья вертлявость, вместо этого под кожей при движениях внушительно и мощно перекачивались мускулы. Но самым удивительным был новый цвет драконьей чешуи – блестящий, золотисто-жёлтый, отливающий радугой на сгибах и извивах. Чешуя на брюхе стала оранжевой. Все осмотры и ощупывания Рик воспринимал с благодушным ребячеством, да и вообще, похоже, был не прочь покрасоваться. Он с готовностью подставлял то ногу, то крыло, то хвост и всякий раз оглядывался, будто спрашивая: «Ну? Как?»

– Я всегда говорил, что внутри он больше, чем снаружи, – сказал Телли. – Теперь он, наверное, и летать сможет.

– Так вот отчего он столько жрал в последнее время! – поддакнул ему Рудольф.

По всему выходило, что Рудольф прав. Всё, что удалось скопить за лето, дракончик пустил в рост. Мало того: переменивши кожу, Рик первым делом уничтожил в доме всё съедобное, до чего смог дотянуться, и выпил всю воду из бочонка. Наверняка он и сейчас был не прочь закусить, да и свечку, судя по всему, тоже схарчил.

– Придётся, Рик, тебе потерпеть до утра, – сказал Тил, похлопав дракона по золотистому боку. – Куплю тебе самую большую рыбину...

Рик протестующе пискнул.

– Ну, хорошо, хорошо. Две.

Дракончик снова помотал головой, затем вдруг надулся и коротко вякнул:

– Пять!

Все замерли, кто где стоял.

– Крутая штука! – громогласно восхитился Арнольд. – Он у тебя ещё и говорит!

– А ну, повтори, – потребовал Рудольф.

Дракон, однако, повторять не захотел, и все, поразмыслив, решили, что разумное словечко им слышалось. Телли решил купить ему пять рыбин.

«Куда мне его теперь девать? – озадаченно думал он, оглядывая Рика с головы до хвоста. – Он и в дверь, поди, не пролезет...»

– У нас есть повозка, – перехватив его взгляд, сказал Арнольд, которого, по-видимому, снедали те же мысли. – Думаю, поместится.

Рудольф помолчал, затем устало опустил в кресло. Достал кисет и потянулся за трубкой.

– Так, – сказал он, по очереди оглядывая всех троих. – Вы, друзья, похоже, куда-то собрались. Куда, если не секрет? Кстати, – он повернулся к Арнольду, – нас, кажется, толком так и не представили. Могу я узнать, с кем имею дело?

– Меня зовут...

– Я помню, как тебя зовут, – прервал его Рудольф. – Я спрашиваю не об этом. Кто ты такой?

– Я соержу бродячую труппу. Мы выступали на площади, я встретил парня там.

– Дальше.

– Он предложил мне работать у них, – вмешался Телли. – Вместе с Риком.

– Это правда? – старик повернулся к Арнольду. Тот кивнул. – Ну а зачем ты увязался за нами?

– Увидел, как он за тобой крадётся, и решил посмотреть, что к чему.

– Ну и как?

– Посмотрел.

Рудольф умолк и прикурил от пламени свечи. Некоторое время молча сидел, задумчиво пуская дым и глядя в никуда. Ни Телли, ни Арнольд, ни Рик не рисковали его тревожить.

– Что ж, – сказал он наконец, – возможно, это выход. Если вы уедете сегодня, вряд ли Пятёрка до вас доберётся.

– Тройка, – поправил его Телли.

– Что?

– Я говорю: Тройка, – пояснил он. – Два попались под руку Арнольду.

– Та-ак, – помолчав, протянул Рудольф. – Похоже, я ушёл оттуда слишком рано... Что произошло?

– Он вывалился из трубы, – ответил за мальчишку Арнольд, – и устроил пожар.

– Как пожар? От чего?

– Да просто так, от фонаря. Пришлось его вытаскивать.

– Что значит «вытаскивать»? – старьевщик поднял бровь.

– Свернуть пару голов, – спокойно пояснил Арнольд.

Рудольф посмотрел на него с интересом, повернулся к Телли:

– Которые?

– Мориц и этот... Рикер.

– Вот как! Гм, занятно... Значит, двое против одного. Впрочем, ладно бы кто другой, а от этих ничего не зависело: одного никто не слушал, другой ничего не говорил. Может, это даст вам немного времени. Да. Пожалуй, ты прав – так и в самом деле будет лучше. Уезжайте.

Телли вскинулся непонимающе.

– А как же ты? Ты что же, собираешься остаться?

– Стар я бродяжничать, – усмехнулся Рудольф. – К тому же, есть дела... теперь.

– Но...

– Уходите, – отрезал тот. – Уже рассвет. А если вы когда-нибудь вернётесь... Что ж, тогда посмотрим. Эту штуку, – он подтолкнул к ним арбалет, – заберите: пригодится.

– Он без рычага.

– Такому парню, как Арнольд, рычаг не нужен.

Телли молча встал и подошёл к камину. Не без усилий выдернул стрелу. Взгляд его упал на доску с фигурками.

– А это куда?

– Доску? Возьмёшь с собой, – сказал Рудольф. – Я не смог с ней разобраться, попробуй ты. Э, погоди-ка!

Они склонились над доской, разглядывая три пустых, неровно обведённых мелом поля и три фигурки, сделавших свои ходы.

– Ты её не трогал?

– Нет. А ты?

Они взглянули друг на друга, после – на Арнольда.

– Мальчишка, воин и дракон, – констатировал Рудольф. – Ну, что ж... Пока всё сходится.

– Ты думаешь...

– Всё может быть, – уклончиво сказал Рудольф. – Но хватит болтать. Уходите, пока на улицах пусто.

Он помолчал и добавил:

– Я сам вас найду.

Драконов Ключ

«Сначала научись не моргать, а затем поговорим и о стрельбе».
Стремительный Вэй

- Бр-р... Холодно. Подбрось дров.
 - И так горит.
 - Подбрось, грю, ведь нет же никакого терпежу!
 - Ишь, разорался, Зяблик. Нам всю ночь сидеть. А кончатся дрова, так кто пойдёт? Зяблик пойдёт? Ага. Шпент пойдёт! Так что сиди и не чирикай.
 - Тебе, Шпент, лишь бы трепаться, а у меня на рыбе дважды руки поморожены, так холоду не терпят вовсе... Ох, задувает, ну и задувает. Да дождь ещё... Перебраться, что ль, под стену, ближе к энтим? А, Шпент?
 - Подберёшься, как же... Враз вылезет этот бугай и сам с тобой разберётся. Встали, мать их раздери, на лучшем месте со своей телегой и торчат уже неделю.
 - А чего им тут?
 - Да чёрт их разберёт. Ахтёры, говорят. Дня три-четыре и вправду выкобенивались. Эти... как их... преставления давали.
 - Да-а? И об чём преставлялись?
 - Да ни об чём. Они там эти... вокрубаты. Крутят, значит, это... ну, вокруг. Девка там у них ещё такая. Ого-го, какая девка. Стрелки мечет. Ничего так, симпатишная. Я б её, ну, если б случай выдался, так я б ей это бы... не прочь.
 - Это маленькая-то? Видал. Чё ты в ей нашёл?
 - Э, не скажи. Она же это... она же знашь, как выгнуться моёт, ого! Да...
 - Ори тише – неровён час этот услышит, вылезет и сам тебя это... выгнет. Лучше дров подбрось.
 - Ох, Зяблик ты, Зяблик и есть. Связался я с тобой... Кажи пасибо, что до кучи надо было Фрицу морду наскоблить, а то б...
 - Вот... вот правду про тебя говорят, Шпент, что ты мать родную обкрадёшь и за гроши жидам заложешь! Первый же пришёл, как хвост подпалили! У, знал бы я, что Хольц меня с тобой поставит...
 - Ха-ха, ладно, проехали. Чё там у тебя?
 - А во: селёдка.
 - Бр-р, опять селёдка... Обалдел? Чего получше не было?
 - Да будет ерепениться – хорошая селёдка. Брунсовская. Нюхни, коль не веришь.
 - М-мм. Кхе-кхе... Вроде, ничего. Хотя на вид не больно казиста.
 - Не ндравится, не ешь.
 - И-эх. Ладно. Нарезай, что ли...
- Два бродяги, кутаясь в тряпье, придвинулись к костру. Один достал нож, долго примеривался к большущей селёдке, лежащей у него на коленях, и наконец распилил её пополам. Некоторое время оба жевали, с завистью поглядывая в сторону большого полотняного шатра, разбитого у городской стены, потом устроились под навесом у стены, покидали кости в огонь, подбросили дров и стали устраиваться на ночлег.

* * *

- Ишь, сидят, – Олле сплюнул и поправил полог. Постоял, задумчиво скребя в затылке. – Как бы лошадь не свели. Выйти, что ль, разобраться, а? Как считаешь, Арни?

– Сядь, не дёргайся, – ответил здоровяк, подбросил угля в чугунную печурку и затворил плотнее дверцу. – Пускай сидят. С коптилен их повыгоняли – кончился сезон, а из города уходить не хотят. Так и так не уйдут. Подойти побоятся.

– А может, всё-таки прогнать?

– Пускай сидят. Ложись. Спи.

Олле предпочёл не спорить, но из чувства протеста поворчал, лёг поближе к печке и отвернулся. Тил, заинтригованный, закутался в одеяло и поплёлся к выходу. Приподнял полог. Пару мгновений рассматривал сидящих у костра оборванцев, затем повернулся к Арнольду:

– Думаешь, это за мной?

– Кто знает, – тот пожал плечами. – Но вообще-то, вряд ли. Никто не знает, что ты здесь. Хотя они наверняка из той же коды.

Рик вскинул голову, потеряв источник тепла под боком, и суматошно заоглядывался. Гневно пискнул и принялся выпутываться из одеял. Палатка заходила ходуном.

– Тише, идолище! – выругался Олле. – Раздавишь...

– В самом деле, Телли, приструни его, – сонно отозвалась Нора из своего угла. – Не ровён час увидит кто.

– За ветром не заметят, – успокоил её Вилли.

С грехом пополам дракона удалось уложить обратно. Рик сначала протестовал, потом замёрз и угомонился. В последние дни он рос не по дням, а по часам, соответственно и ел за троих. Единственное, что у него пока не изменилось, был голос. Прятать его от соглядатаев Тройки становилось всё труднее и труднее. Вдобавок, Рiku до смерти надоело сидеть на месте и хотелось размяться. На счастье всех пятерых, похолодало, и дракона одолела вялость.

Прошло три дня со времени пожара в доме на Канаве. Несмотря на заверения Арнольда, выбраться из города им пока не удалось – на каждой улице, у всех городских ворот шныряли люди Хольца или Яббера. Арнольд и его спутники были вне подозрений, но вывезти из города дракона не было возможности. Арнольд арендовал местечко у стены, передвинул туда помост, поставил палатку и выжидал удобный момент, отгоняя шантрапу и слухачей, а вынужденную проволочку заполнил тем, что обрабатывал под чучело драконью шкуру. Скрыть такую тварь, какой стал Рик, оказалось невозможно, но когда пошёл слухок, что «ящеру» видели в палатке акробатов, Арнольд продемонстрировал явившимся стражникам драконье чучело, для пушей достоверности набитое соломой и горлышками от бутылок вместо глаз.

– Точно, он это! – тотчас воскликнул один из стражей. – Он!

– А не свистишь, Сорока? – с сомнением переспросил второй. – Давно ж видал, поди, да с пьяных глаз ишшо.

– Гад буду, он! – ответил тот и, выставив для верности перед собою протазан, опасливо приблизился. – От нас же с Клаасом тады и сбёг.

– Слышь, ты, чучело, – мягко сказал Арнольд, брезгливо перехватывая оружие за древко. – Не трогай чучело. А то ведь я тебя тоже... потрогать могу.

– Но-но, ты не очень-то, не очень! – окрысился стражник, но смерил взглядом силача и предпочёл не связываться. Протазан, однако, убрал.

– Ишь как. Таки подход змеёныш!

Воспользовавшись замешательством солдат, Арнольд поспешил выпроводить их, пока настоящий Рик не заворочался под настилом. Двумя днями позже помост пришлось разобрать на дрова: по вечерам уже сыпал снежок.

Рудольф пропал без следа. Тил каждый день ходил к нему, но дом стоял пустой и запертый. Проникнуть внутрь никто не посмел. Сам Телли жил теперь в шатре у акробатов. Он подрезал волосы, по предложению Норы вымазал их сажей и выходил наружу лишь когда темнело. Кафтан для него одолжили у Олле. Говор у Тила изменился – челюсть побаливала после

удара, язык двигался неловко, всякий раз нашаривая пустоту на месте выбитого зуба. Узнать его никто пока не узнал, и если бы не Рик, всё складывалось лучше некуда.

Нора, чтобы не терять времени, взялась натаскивать его на дротики, но результаты были более чем скромные – Тил попадал куда угодно, только не в цель. Приходилось отрабатывать стойку, рассчитывать силу броска и глазомер, а странное всеобъемлющее чувство *видения*, так неожиданно возникшее тогда на рынке, никак не могло прийти.

Или не хотело.

Его наставница, надо сказать, отнеслась к этим неудачам неожиданно спокойно.

– Ну, что ж, – говорила в таких случаях она, ободряюще похлопывая мальчишку по плечу, – кучность уже есть, осталось добиться точности. Поначалу всегда так бывает. Навостришься.

За размышлениями Телли не заметил, как все уснули, лишь Арнольд сидел у печки, налаживая трофейный арбалет. Вооружившись ножом, он уже развинтил спусковой механизм и теперь возился со стопором. Судя по тому, с какой уверенностью он обращался с оружием, Тил решил, что арбалет Арнольду в руки попадает не впервые. Но удивило мальчишку другое – силач, похоже, всерьёз готовился к бою.

Дождь всё лил и лил. Промасленная ткань шатра помаленьку начала протекать, тонкие струйки сбегали по стене, и отблески огня отражались в этих дорожках. Рик уgomонился и спал, свернувшись калачом, дыханье с тихим свистом вырывалось из драконовых ноздрей.

С тех пор, как Рик перелинял, он не пытался извергать огонь. Рос он уже не так быстро, как в первые дни, но похоже было, что внутри дракончика образовалась пустота, которую он безуспешно пытался заполнить. Олле ворчал, что такой прожора разорит их в считанные дни, а вот будет ли с него доход – ещё вопрос, но Арнольд придерживался другой точки зрения. «Не обращай вниманья, – сказал он Телли. – Он просто тебе завидует».

Силач со скрипом завернул последний винт, затем одной рукой, даже без особого напряжения натянул стальную тетиву. Потряс арбалетом, проверяя, не слетит ли стопор. Стопор не слетел. Арнольд нажал на спуск – Тил услышал, как в тишине палатки щёлкнула тетива, – кивнул и отложил оружие. Посмотрел на Телли.

– Чего ты там прилип? – сказал вдруг он. – Задёрни полотно.

Телли вздрогнул от неожиданности и сразу подчинился.

У Арнольда была одна странная черта – он никогда не заговаривал первым. То есть, конечно, заговаривал, но происходило это кратко, односложно и всегда по существу. Расплачивался ли он с торговцами, заказывал обед или просто рассуждал о чём-нибудь, у его собеседника возникало чувство, будто Арнольд отвечает на какой-то ещё не заданный вопрос. Причём, этот самый вопрос ну совершенно не хотелось задавать ни до, ни после. Похоже, одна лишь Нора чувствовала себя свободно рядом с силачом, да и та порой робела. В первые дни с циркачами Тил просто терялся, когда Арнольд с ним заговаривал, однако, пообвыкнув, с удивлением обнаружил, что такой стиль общения Арнольду подходит – иначе с этакой громадиной вообще никто бы не рискнул заговорить.

Тил опустил на лежанку рядом с печкой, пощупал дырку от зуба, вздохнул и плотнее завернулся в одеяло. Прислонился спиной к мерно вздымающемуся и опадающему драконьему боку и некоторое время молча смотрел на огонь, потом перевёл взгляд на спящих циркачей.

Нора спала тихо и безмятежно, лишь чуть подрагивали веки да временами шевелились руки, поправляя одеяло. Во сне она казалась младше, чем была. По смуглому лицу бродили тени, она хмурилась, но всякий раз тревога проходила, гонимая усталостью мирного сна. Тил смотрел на неё долго, пока не поймал себя на мысли, что боится эту странную девушку не меньше, чем силача, но почему – не смог себе ответить. Вдруг показалось, что она следит за ним из-под опущенных век. Если бы она сейчас открыла глаза и улыбнулась ему, Телли, наверное, закричал бы. У Норы была странная улыбка.

Очень странная.

Проказник Олле во сне был такой же беспокойный, как в жизни – спал, разметавшись, как морская звезда, то и дело поворачивался с боку на бок. Узкие ладони всё время двигались: одеяло у него было коротким и, если прикрывало ноги – мёрзла голова, и наоборот. Он и на людях носил разноцветное трико, в котором выступал, не делая различий между жизнью и подмостками. Соломенноволосяй, уколиций, гибкий, как ящерица, он выглядел немногим старше Телли, но у него уже сломался голос и пробивалась борода. Из вороха цветастых тряпок, наваленных у Олле в изголовье, торчали ручки двух жонглёрских зонтиков – иногда он использовал их вместо шеста, чтоб ходить по канату. У них была своя история. Один зонтик был пошит из ярких лоскутков, другой был тёмным, и Олле утверждал, что если ему хочется видеть сны, он пользуется пёстрым зонтиком, а если просто отдохнуть – чёрным. Вилли посмеивался над его причудой, частенько предлагая положить в изголовье оба зонтика сразу и посмотреть, что получится, и придумал ему прозвище – Смотритель Снов. Олле не обижался.

Вилли спал на боку, приоткрыв по-детски рот и положив под голову ладони. Красноватые отблески огня падали на его высокий лоб и прямые, отпущенные по последней моде волосы. Лицо его было до странности хрупким и красивым, даже во сне храня мечтательное выражение; по тонким губам скользила улыбка. Тил многое бы дал, чтоб посмотреть, что ему снится. На гвоздике, вбитом в опору шатра, заботливо обёрнутая в кожаный чехол, висела его лютия.

Тил вздохнул и перевёл взгляд на силача – тот расколол в щепу дубовый чурбачок и выстреливал стрелы.

– Арнольд, – позвал он. Тот поднял голову и замер, ожидая вопроса. – Расскажи, как вы встретились.

Арнольд помедлил.

– Кто? – спросил он наконец.

– Ну, – Тил неловко указал рукой на спящих. – Ты, Нора... Все вы.

– Обычно встретились, – великан пожал плечами и вернулся к работе. Нож с тихим шорохом заскользил по дереву. – Примерно год назад. После войны податься было некуда, времени много, а сидеть на месте я не люблю. Я встретил Нору в Цурбаагене, она туда забрела по делам. Это она придумала научить меня жонглировать. Она уже тогда всё умела, а я только на спор железки гнул, – Арнольд задумался и после паузы продолжил: – Олле – местный, он из Локе-рена. Из ихней труппы в войну никто не уцелел, он к нам и прибил. А Вильям – тот откуда-то с островов. Он умный, даже писать умеет. Сам стихи сочиняет и эти... как их... пиесы, вот и захотел попутешествовать. Он сам тебе расскажет, спроси его, он любит поболтать. Песенки поёт. Народу нравится.

...Рудольф пришёл в полночь, совершенно неожиданно – полог у входа откинулся, обрушив потоки воды, и в шатёр проникла тёмная сутулая фигура. Арнольд шагнул было навстречу, но сел обратно, услышав шёпот старика:

– Тише, тише... Это я.

Он успокаивающе поднял руку. На нём был тёплый плащ с островерхим, отороченным мехом капюшоном, делавший его совершенно неузнаваемым. В руках Рудольф сжимал тяжёлый посох с круглым набалдашником – не столько для опоры, сколько ради обороны.

Телли кинулся к нему:

– Где ты был?

– Не важно, – старик уселся на лежак, отбросил капюшон и протянул ладони к печке. – Ни к чему вам знать, – он огляделся. – Зря вы не уехали в ту ночь.

– Не получилось, – грустно кивнул Телли. – У всех ворот искали Рика и меня. Я заходил к тебе, но не застал. Там заперто.

Рудольф помолчал, полез за пазуху.

– Я вот чего пришёл, – сказал он, достав тряпичный ком. – Из города вам так просто не уйти. Холщ всюду понаставил своих шестёрок. Тебя, Арнольд, они не видели, но скоро сложат два и два. Их ты драконьей чучелой не обманешь.

– Откуда ты знаешь про чучело? – опешил Арнольд.

– Оттуда.

Некоторое время все молчали.

– Ну и что ты предлагаешь? – нахмурился силач. – Лезть через стену? Летать эта тварь не умеет, хоть и с крыльями. Не на верёвке же его спускать...

Рудольф развернул свёрток. Зашуршал пергамент.

– Лисс не всегда был городом, – проговорил он, – ему от силы века полтора. Когда-то здесь стояла крепость барона Гумберта дю Ле Шардэ, очень древняя, потом её разрушили – он, вроде, был не в ладах с графом Фландрским... впрочем, не помню. Вот, посмотрите сюда. Телли, дай огня. Видите? Раньше селиться за пределами ограды было запрещено. Когда потом отстраивали стену, её обнесли уже весь посад, добавили башен и получился город.

– Ну и что? – недоумённо косясь на выцветший рисунок, спросил Арнольд.

– Здесь должен быть подземный ход.

– С чего ты взял?

– Его не может не быть, – сказал Рудольф. – В замках всегда устраивали подземные ходы. О нём писал Рене Блееккер, его упоминали в своих балладах Вальтер фон дер Фогельвейде и Найдхард фон Ройенталь. Он был, без всякого сомнения, был. Я пытался прибрать его к рукам, чтобы возить товар в обход ворот, но мне не хватило времени как следует порыться под башнями.

– Под всеми? – опешил Телли. – Ну, ты даёшь!

– Так, значит, ты не знаешь, где он, – теряя к разговору интерес, резюмировал Арнольд.

– погоди, – старьевщик поднял руку, – сперва дослушай. Тил, свети сюда.

Телли придвинул свечу, и все трое снова склонились над планом.

– Смотрите сюда, – узловатый стариковский палец очертил западную окраину Лиссбурга. – Город начинался вот отсюда. Видите? – на юге и на западе застройка ровная, кварталами, и улицы прямые, а здесь сплошной лабиринт. Вот здесь рыбокопильни, а здесь Блюшинная Канава – остатки крепостного рва, его потом засыпали.

У города семь башен, – продолжал Рудольф. – Их тоже строили не сразу. Дозорная из них самая новая. Посмотреть, так она вовсе и не башня, а навесная бойница, только очень большая. Её горожане иногда так и зовут: Halbturm – «Полубашня». Ни ворот, ни фундамента. Речная башня, башня Синей Сойки и Башня Трёх Ключей были построены лет за тридцать до неё, когда город стал разрастаться на юг вдоль реки. Все они с воротами. Вавилонская ещё старше, она ровесница города. Сперва там были только ворота, потом их фланкировали башнями, но так и не смогли подвести под крышу. За это, кстати, её Вавилонской и прозвали.

– Не понимаю, – нахмурился Арнольд. – К чему эта болтовня? Для меня они все на одно лицо, разве только в одних есть ворота, а в других нет.

– погоди, Арни, – замирая от собственной храбрости, перебил его Телли. – Я, кажется, понимаю. Договаривай, Рудольф.

– А вот это, – показал старик на чертеже, – Толстуха Берта – старый многоярусный донжон, оставшийся от крепости. К востоку от неё – Горелая башня, её раньше звали Турнирной. Это самые старые башни, им лет по триста, и в обеих нет ворот. Эти две башни и есть остатки крепости. Лет двадцать назад между Вавилонской и Горелой хотели построить ещё одну, даже стену разобрали, но потом передумали и сложили заново. При этом малость не рассчитали, и в стене остался шов на угол – старую и новую кладку отличить легко. Вот в этих башнях и надо искать.

– Как, ты сказал, звался хозяин замка? – спросил Телли. – Умбер...

– Гумберт дю Ле Шардэ.

– Гумберт... – нахмутив лоб, пробормотал Телли. – Берг... Толстуха Берга... Башня Гумберта? Ты думаешь, ход там?

– Какой нам прок от этого хода? – Арнольд равнодушно пожал плечами. – Дракон в него всё равно не пройдёт.

– Когда войско ордена госпитальеров под водительством Годфруа де Во штурмовало замок, барон через подземный ход тайком вывел в тыл противника отряд тяжёлой конницы в полном снаряжении. А там, где прошёл осёдланный конь, думаю, пролезет и дракон. Тем более такой, как Рик.

Телли хмыкнул – пускай Рудольфу не хватило времени подкопаться под башню, в архивах он порылся от души.

Арнольд, однако, был настроен скептически.

– Если только ход за это время не засыпало, – буркнул он и, подумав, добавил: – Или не затопило.

– Это вряд ли, – покачал головой Рудольф. – Обе башни на холме, река к ним не подступает даже в разлив, и почва сухая. Хотя есть, конечно, некоторый риск, но оставаться в городе вам более никак нельзя. Все остальные башни охраняются, да и у Двойки везде есть глаза и уши...

– Двойка? – встрепнулся Арнольд. – Какая Двойка?

– Такая! – огрызнулся Рудольф и многозначительно умолк. Телли и Арнольд переглянулись и тоже промолчали.

– Ладно, – наконец сказал старик. – Решайте сами. Рисунок я вам оставляю. Да, вот ещё что... – Он вынул ещё один свёрток, тяжёлый, чёрной кожи: – Здесь наконечники для стрел, у меня их с полбочонка завалялось. Возьмите, пригодятся. Ну, я пойду, пока темно. Да, кстати, там у стены двое, так вы поосторожней с ними. А меня искать вам ни к чему – ещё нарвётесь. Всё. До встречи.

Он подхватил посох, поправил капюшон и вышел в дождь. Арнольд и Телли долго смотрели ему вслед.

Арнольд подбросил в печку дров и развернул пакет. Наконечников было двенадцать – все узкие, трёхгранные и очень острые. Силач помедлил, выбрал из наструганных палочек с дюжину поровнее и, осторожно постукивая молотком, стал насаживать острия на древки.

– Завтра, – проговорил он медленно, – ты с Вилли пойдёшь к Толстой Берте. Возьмите с собой пару свечей, посмотрите, что там. Пойдёте днём, так безопасней – в толпе легче затеряться. Так что, завтра можешь спать подольше. А я с утра гляну на Горелую. Если что найдёте, не суетитесь попусту: дождёмся вечера, посмотрим вместе.

– А с фургоном как быть? – спросил Телли. – Продадите?

– С фургоном? – Арнольд поднял бровь. – А при чём тут фургон?

– Ну, в подземный ход ведь его с собою не потащишь...

Силач посмотрел на мальчишку с изумлением.

– В подкоп полезешь ты и твой дракон. А мы уедем так же, как приехали – через ворота. Если всё будет в порядке, встретимся на западной дороге, на перекрёстке, у часовни Святой Екатерины Сиенской. Знаешь, где это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.